

ИГУМЕНА
АРСЕНИЯ
СКИТОНАХИНА
АРДАМОНА

ПУТЬ
НЕМЕЧТАТЕЛЬНОГО
ДЕЛАНИЯ

Игуменья Арсения

ПУТЬ НЕМЕЧТАТЕЛЬНОГО ДЕЛАНИЯ

Игуменья Арсения. Опыт духовной биографии. Поучения

*Пути праведных
подобие свету светятся.
Притч. 4, 18*

В ночь под 22 июля 1905 года мирно скончалась о Господе великая старица, игуменья Арсения (Себрякова), настоятельница Усть-Медведицкого монастыря области войска Донского. Почила она смиренной странницей, далеко от своей родной обители, от близких, горячо любящих ее духовных детей, в благодатном Сарове, под чудным покровом преподобного Серафима, этого великого учителя смирения, к которому она питала особенную веру и любовь. И теперь, возымев горячее желание посетить его обитель, поклониться его мощам, она исполнила свое благочестивое намерение, несмотря на старческие годы, болезнь и предчувствие близкой кончины.

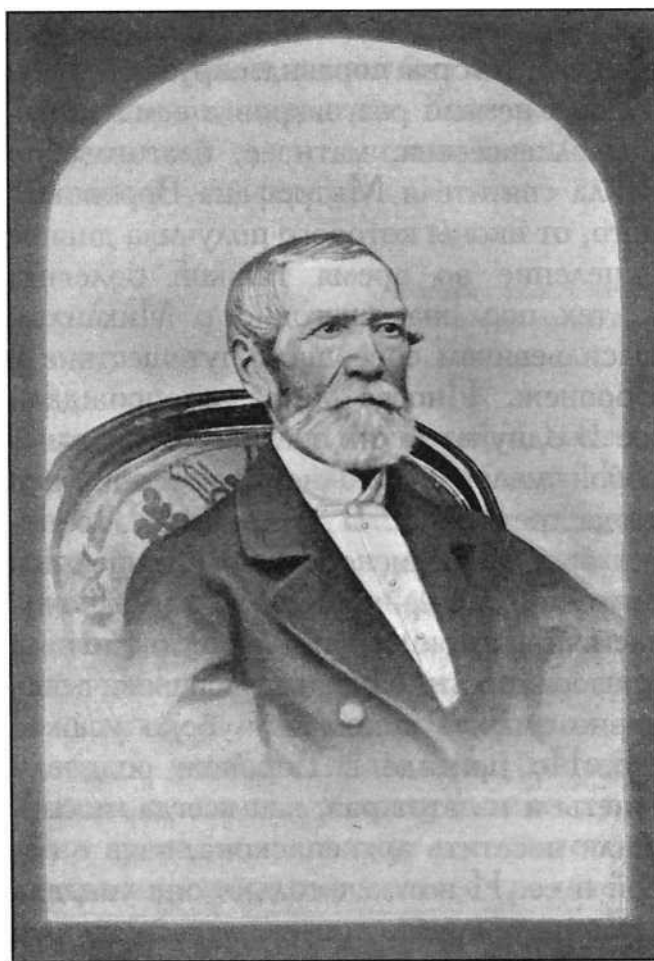
Мало известная шумному свету, игуменья Арсения, была одной из редких избранниц Божьих — *не от мира сего (Ин. 18, 36)* все оставившая и последовавшая Христу. Всю свою 72-летнюю жизнь посвятила она на служение Богу и людям и как *свотильник горяй и светяй (Ин. 5, 35)* она многих освящала и просвещала своим живым словом, своим примером и дивными подвигами души. Смиренная труженица пустынной обители, она была велика своей живой верой в Бога, своей любовью к Нему, своими подвигами столь высокими, в особенности в наше время, оскудевшее истинными подвижниками. Об этой высокой жизни, о дивных подвигах ее, я решаюсь поведать миру своею слабою неумелою рукою. Я верю, что там, в загробном мире, своею бессмертною душою матушка видит нас. Благослови же, родная, мой труд, направи мои мысли, вдохнови мое сердце!

*Не говори с тоской: их нет!
Но с благодарностию: были.*

I

3 июля 1833 года в богатой и знатной семье помещика Донской области Михаила Васильевича Себрякова родилась дочь Анна. С самого раннего возраста пользовалась она особенною любовью своих родителей и росла тихим, ласковым ребенком, с чудными, не по летам выразительными глазами и кроткой, чарующей улыбкой. Казалось, благодать Божия с юных лет коснулась ее души. Она проявлялась иногда в ее недетских вопросах, заставлявших ее родителей невольно призадумываться; иногда в непонятной для нее самой тоске и томлении по чему-то прекрасному, иному, чем все окружающее. Один случай из ее раннего детства поразил окружающих и вызвал немало разговоров в семье. Мария Алексеевна, мать

ее, благоговейно чтит святого Митрофана Воронежского, от иконы которого получила дивное исцеление во время тяжелой болезни. С тех пор она ежегодно с Михаилом Васильевичем совершала путешествие в Воронеж. Иногда дети сопровождали их. В одну из таких поездок они взяли с собой маленькую Анету, которой шел тогда третий год. В то время в Воронеже был архиепископом преосвященный Антоний (Смирницкий), многими почитаемый за свою строгую святую жизнь и прозорливость. Михаил Васильевич был давно знаком с ним и глубоко уважал его. По приезде в Воронеж родители Анеты и на этот раз, как всегда, поспешили посетить архиепископа, взяв с собой и ее. И вот как только она увидела святого, то быстро вырвалась из рук державшей ее няни, побежала к нему и поклонилась в ноги. Прозорливый

Михаил Васильевич Себряков

старец благословил ее и, обращаясь к изумленным родителям, сказал: «Эта — будет великая жена». Слова его сбылись, так как игумения Арсения, поистине, была велика своими подвигами и духовной жизнью.

Анете было шесть лет, когда умерла ее мать. Несмотря на то, что она имела несколько братьев и сестер, Анета стала чувствовать себя очень одинокой. Михаил Васильевич вел строгую, полумонашескую жизнь и, хотя очень любил детей, но не был щедр на ласки. «Бывало, если случалось, что он приласкает кого-нибудь из нас, а это случалось нечасто, — рассказывала матушка игумения, вспоминая свое

детство, — то ласка его как-то особенно чувствовалась, и радости не было конца».

Одаренный от природы большим умом, Михаил Васильевич был высокообразованным человеком. Он интересовался астрономией, литературой, естественными науками, душою же был глубоко верующим христианином. После смерти любимой жены, отказавшись от светских удовольствий, он несколько лет прожил безвыездно в своем имении Себрово, углубляясь в созерцательную жизнь, и только в детях находил утешение и как бы некоторую цель мирской жизни. Конечно, такая семейная обстановка, как и личные взгляды Михаила Васильевича на жизнь, не могли не отразиться на воспитании детей. Они любили слушать его, когда он иногда, в час отдыха, заходил к ним в детскую и подолгу беседовал с ними, часто касаясь возвышенных предметов; его сосредоточенный вид внушал им благоговейное чувство: они не только почитали его, как любимого отца, но и видели в нем какой-то высший идеал.

В особенности все это глубоко западало в чуткую, юную душу его младшей любимой дочери Анны.

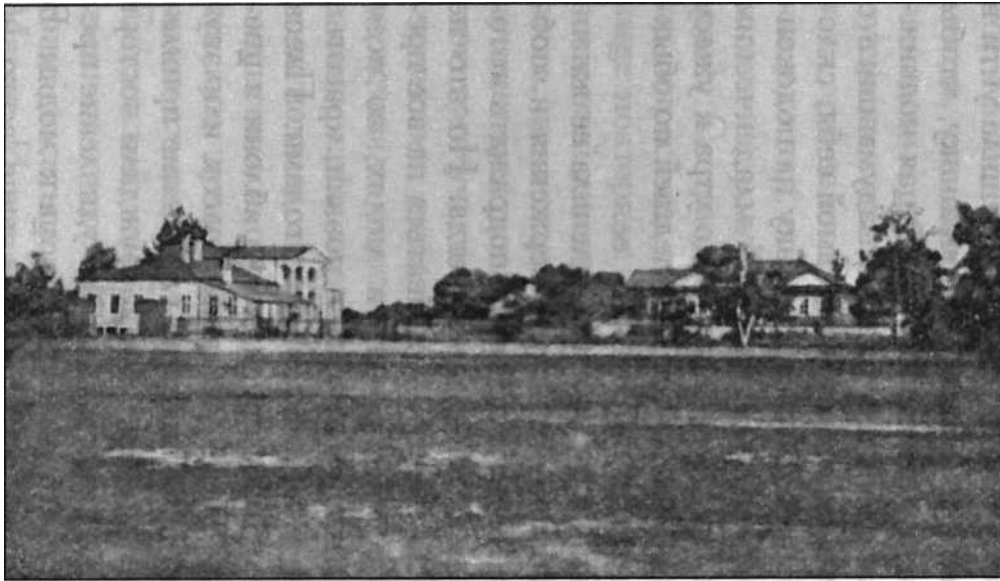
Позже, когда она уже была монахиней, он говорил ей: «Ты — исполнение моей мечты; все что думал сделать я и не сделал, ты исполнила. Когда тебе

было семь лет, однажды я ходил по саду; в душе моей росла решимость оставить все и тайно уйти в монастырь. Грустно было мне, слезы лились из глаз. Вдруг из темной отдаленной аллеи выбегаешь ты, бросаешься ко мне, обвиваешь своими ручками мою шею и с беспокойством спрашиваешь, о чем я плачу? Я принял твоё появление за ответ свыше на мои мысли. В душе моей сказалось: «Нет, нет не могу ее оставить, займусь ее воспитанием». С тех пор я оставил мысль о монашестве. Ты точно сказала мне: оставь свои намерения, ты не должен покидать меня, а я их исполню».

В семье в праздничные и воскресные дни был обычай собираться в кабинете Михаила Васильевича, где кто-нибудь из старших детей читал Евангелие или жития святых, а он сам объяснял прочитанное. Чтения эти и беседы производили всегда глубокое впечатление на Анету. «Меня так поражало в детстве,— рассказывала она потом,— дивное, высокое учение Спасителя; а мысль, что мы не исполняем Его святые заповеди, глубоко возмущала мою душу».— «Отчего же мы не делаем того, что велит Господь? — спрашивала она у сестер, после ухода отца.— Отчего мы не раздаем всего и не идем за ним?» Сестры смеялись над подобными ее вопросами, которые она все чаще и чаще повторяла. Для нее это были вопросы всей жизни, а они не могли понять этого, не могли так, как она глубоко, душою чувствовать весь смысл Божественного учения. Им казались слова ее странными, почти неуместными... И она переставала спрашивать их, углубляясь в самое себя, переживая все одна, проводя ночи в слезах, не находя ни в ком сочувствия и ответа на волновавшие ее детскую душу сомнения. Раз ей пришлось слышать рассказ о святой Марии Египетской, дивные подвиги которой пленили ее воображение; ей захотелось тоже спастись и жить, как жила святая Мария. И вот в одну ночь, когда особенно не спалось ей, она решила уйти в пустыню. Одевшись потихоньку, чтобы не разбудить никого, будущая подвижница подошла к окну и, задумавшись о чем-то, незаметно для самой себя, склонила свою детскую головку на подоконник и заснула мирным младенческим сном. Так проспала она до утра к ужасу и удивлению

няни, пришедшей по обыкновению утром одевать ее.

Так, еще с детства, пленяла ее жизнь святых, полная самоотвержения и любви к Богу, их подвиги, подражать которым она старалась и тогда. Но это не мешало ей чутко отзываться на все прекрасное в природе, в людях, во всем окружающем. Чувство поэзии, красоты, росло и крепло в ней с годами. Плеск волн о берег пруда, ветка яблони в цвету, красивое сочетание красок или звуков и даже изящное украшение привлекали ее внимание и возбуждали восторг в ее душе и благодарное удивление премудрости и милости Творца к людям. В самые юные годы она выше всего на

Усадьба в имении М.В. Себрякова

земле ценила душу человека, считая унижением человеческого достоинства отягощать себя излишними и не соответствующими своей цели нарядами. «Человек не должен быть рабом своих вещей», — говорила она, завидуя простой одежде крестьянок.

Если старшие сестры не всегда сочувственно относились к ней, то в меньшем брате Васеньке она нашла верного друга, которому решила верить свои заветные мысли и которого не переставала глубоко любить всю свою жизнь. Он подходил ей своим сосредоточенным характером и любовью к уединению. Она любила слушать его игру на скрипке и всегда по окончании уроков спешила к нему в сад, где он с нетерпением поджидал ее, наигрывая ее любимые мотивы. Часто любили они вместе качаться на качелях и рассуждать о высоких предметах. Хотя Васенька не всегда мог дать ей ответ на волновавшие ее вопросы, но никогда не смеялся над ней и безгранично любил ее.

Церковь в имени Себряковых

«Что избрать целью своей жизни? — спросила она его однажды. — Нужно избрать что-нибудь высокое, прекрасное, вечное, но что?» — «Вечное... — отвечал он, — слава вечна, но как и где искать ее? Быть ли великим полководцем, художником или писателем?» Анета молчала: слова брата не удовлетворяли ее. Она смутно чувствовала, что это не то, чего она искала, но в детской душе ее не могло еще ясно определиться, что именно было то великое, вечное, прекрасное, чему можно было бы отдать всю свою жизнь. Спрашивать у старших сестер она уже не решалась и, не находя ответа на свои недоумения, она стала обращаться с молитвой к Богу, прося Его указать ей тот идеал, служить которому составило бы цель всей жизни. Горячая детская молитва была услышана. Господь постепенно стал открывать ее юному уму, что высший, прекраснейший идеал в мире — Сам Господь Бог. Точно завеса спала с ее глаз, так стало ей ясно, что в Боге покой, счастье и вся жизнь. Желание искать Его, стремиться к Нему, служить Ему, озарило всю ее душу, наполнило все существо неведомой ей дотоле неземной радостью. Она поняла, что только Он, ее Господь и Спаситель, — вечен, совершен, беспределен. Ей было тогда четырнадцать лет. Жизнерадостная и самоотверженная, живая и сосредоточенная, строгая к себе, ласковая и приветливая со всеми, с возвышенной душой и пытливым, глубоким умом, просвещенным благодатью Божией, она была, как прозрачный сосуд, весь озаренный внутренним светом.

О монашестве она еще не думала. Ограничивать местом свое искание Бога ей не хотелось. Впоследствии матушка Арсения рассказывала так о тогдашнем состоянии своей души: «Цель жизни — искание Бога и служение Ему — найдена; вопрос решен, а путь укажет Сам Господь. Мне думалось, что ни место, где я живу, ни круг, в котором вращаюсь, — не удержат меня. Если здесь, в родной семье, не найду я, чего жаждет моя душа, — уйду в монастырь. Если не найду и там, — пойду дальше, оставлю Отечество, даже религию, если не найду истины в христианстве».

Она стала предаваться усиленной молитве, чтению духовных книг и подвигам, которые старательно скрывала от всех. Под обложкой светской книги она держала при себе Евангелие, которое постоянно читала, принимая не одним умом, но и

сердцем слово Божие. Никто из окружающих не знал, что творится в юной душе; не знали, что веселая в обращении с другими, беззаботная по наружности, она по ночам, когда другие безмятежно спали, подолгу со слезами молилась и ложилась отдохнуть на голом полу.

Так прошло ее детство и первые годы отрочества. Уже просватались и вышли замуж ее старшие сестры, и Михаил Васильевич стал думать о женихе для своей младшей дочери. В это время они всей семьей жили в Новочеркасске, и отец решил вывозить ее в свет. Анне Михайловне шел тогда шестнадцатый год. Прекрасная собою, умная, образованная, богатая, она пленяла многих. Вся слава мира, казалось, была перед нею, но самое ее никто и ничто не пленяло. Душа ее, уже вкусившая духовных наслаждений, не могла удовлетвориться чем бы то ни было мирским, и только какой-то непонятный для нее самый страх удерживал ее от признания во всем отцу. Может быть, жалела она огорчить его, расстроив все его планы и мечты о ее будущем.

Между молодыми людьми, посещавшими тогда их семью, был один богатый молодой человек привлекательной наружности, нравившийся Михаилу Васильевичу, которому он, кажется, не прочь был отдать свое «сокровище», как иногда называл он любимую дочь. Однажды он спросил ее, нравится ли ей этот молодой человек? «Да, — отвечала она, — это прекрасное Божие создание. Много получил он от своего Создателя. Как благ и щедр Господь!» Удивленный таким ответом, Михаил Васильевич прямо спросил ее: не любит ли она его? Она отвечала: «Я люблю только Господа; не вы ли сами учили нас любить Его?» И тут только впервые решилась она заговорить с отцом о том, что так давно хранила в сердце. Она просила его благословения оставить мир и посвятить всю свою жизнь Богу. Молча, со слезами на глазах, слушал он ее пылкую речь. Когда же она кончила, он крепко поцеловал ее в голову и растроганно произнес: «Да благословит тебя Господь, дитя мое!»

Но это настроение продолжалось у него недолго. Может быть, он сомневался в твердости ее решения, считая ее слова детским лепетом. Может быть, жалел он отдать ее, такую нежную, так горячо им любимую, на суровый подвиг, который она избирала... Он не заговаривал с ней больше об этом и начал вывозить ее в свет. С болью в сердце покорилась она этому решению. Ничто не могло радовать ее: ни богатые наряды, ни драгоценные вещи, которые сам он, ее любимый батюшка, покупал ей. Оставаясь ко всему равнодушной, она глубоко скорбела, что ее не поняли. Светская жизнь со всей своей пустотой так тяготила ее, что она доходила даже до болезни. Не раз просила она, ссылаясь на головную боль, позволения остаться дома, когда все уже было готово для выезда на вечер. И, наконец, опять повторила отцу свою просьбу, позволить ей оставить светскую жизнь. Но, видно, Господь и тогда уже испытывал ее терпение; долго не соглашался Михаил Васильевич на ее желание, хотя не мешал ей свободно высказаться и даже сам не раз заводил с нею духовную беседу.

Удивляясь в глубине души светлому уму и чистой, живой вере своей дочери, Михаил Васильевич, интересовавшийся сам духовной жизнью, не мог оставаться равнодушным к ее вопросам, которыми она умела так живо заинтересовать его. Он начал понимать, что перед ним не ребенок, наивно мечтавший о каких-то

подвигах, а мужественная, юная душа, ищущая Господа, с твердой непоколебимой решимостью все перенести, но не оставить своей цели. И, помимо воли, он оставлял свои занятия, шел к ней, подолгу откровенно беседуя с нею, и находил все более и более утешения для себя в этих беседах. Однажды речь коснулась будущей загробной жизни. «Я не боюсь геенны, — сказала Анна Михайловна, — с Господом и ад не страшит меня». Эти слова сильно поразили Михаила Васильевича. И он, точно благоговей перед высказанной ею верой и любовью к Богу, дал дочери наконец полную свободу и благословение на такую жизнь, какой жаждала ее душа.

Она боялась, что ему будет не по силам разлука с нею, и поэтому не раз говорила ему: «Я не оставлю вас, батюшка, я постоянно буду служить вам, только позвольте мне не связывать себя никакими светскими узами!»

Отец не стал препятствовать ей ни в чем. Ей отвели отдельную комнату, дали отдельную прислугу и лошадей с экипажем в ее полное распоряжение. Она ежедневно посещала церковные службы, проводя остальное время в молитве, чтении и душевспасительных беседах с отцом. В это время Михаил Васильевич пригласил к ней мастера-иконописца, который давал ей первые уроки иконописной живописи, так пригодившиеся ей впоследствии в монастыре.

Так провела она остальную часть зимы в Новочеркасске. От природы одаренная мягким отзывчивым сердцем, Анна Михайловна не могла видеть горя или нужды, чтобы не поспешить прийти на помощь. Верная ученица Божественного Учителя, она кормила голодных, утешала страждущих, посещала больных и заключенных, причем, не желая быть узанной, надевала нередко простое платье, покрывалась темным платком и в сопровождении служанки ходила в тюрьмы, где часто выкупала заключенных за долги. И все это она делала просто, не ища себе ни славы, ни благодарности от людей, делала во имя Христа, которому с юных лет отдала свое сердце, все способности своей души, всю свою жизнь.

II

На правом берегу реки Дон, на склоне высокого плоскогорья, живописно расположен Преображенский девичий монастырь. Чудной архитектуры храм во имя Казанской иконы Божией Матери, заново перестроенный храм Преображения с приделом в честь Владимирской иконы Богоматери, ряд чистых просторных келлий, окруженных зеленью, — все это придает теперь монастырю вид благоустроенности. Далеко не таким он был лет шестьдесят тому назад (автор имеет в виду примерно 1840 год. — *Ред.*).

Некогда здесь был мужской монастырь. Основанный по благословию Святейшего Патриарха Никона игуменом Исаиею, он находился в полуверсте

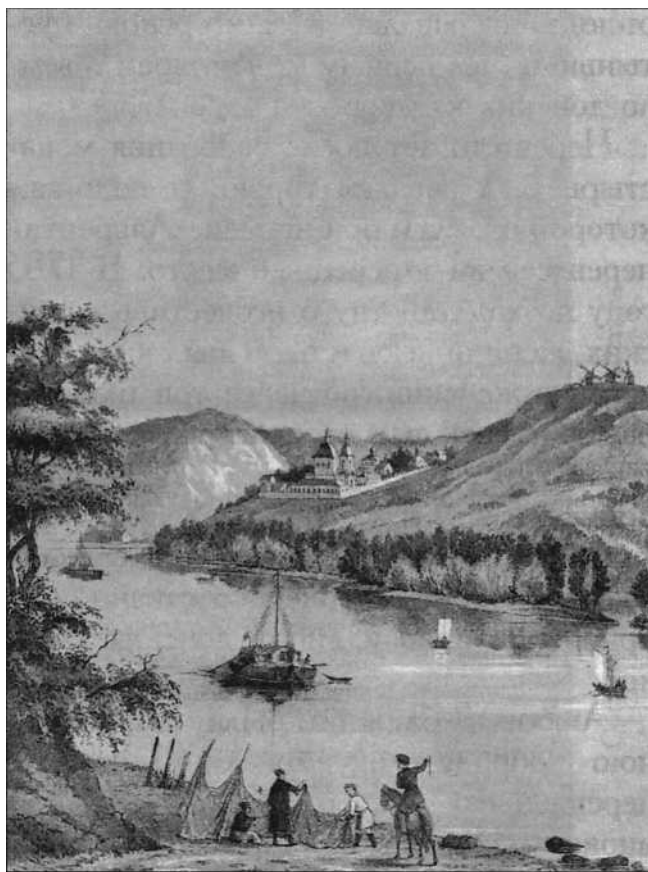

Общий вид Усть-Медведицкого монастыря

отсюда, назывался Межигорскою пустынью и был первым монастырем в земле донских казаков.

Через сто лет после основания монастырь был завален горою, у подошвы которой стоял, и при игумене Лаврентии перенесен на теперешнее место. В 1785 году по ходатайству благочестивых донских женщин монастырь был преобразован в женский, но через три года упразднен (как все сверхштатные монастыри того времени, к числу которых он принадлежал) и только через десять лет, 1 октября 1798 года, вновь восстановлен высочайшим повелением собственно для призрения вдов и сирот донских казаков.

Любовь к ближним была отличительною добродетелью монахинь обители, перешедшею к ним от странноприимных иноков межигорских. Примером истинного благочестия и строгой жизни сестры обители далеко распространяли вокруг себя полезное влияние. Были случаи, что целые семейства посвящали

Вид Усть-Медведицкого Преображенского монастыря
в 1856 году

себя иноческой жизни в стенах обители, которая, пользуясь общим уважением, постепенно возрастала и укреплялась духовно. Внешнее же благосостояние монастыря далеко не процветало. В конце 40-х годов он представлял собой бедную пустынную обитель с двумя церквями, из которых одна, только что выстроенная, была очень малых размеров. Ряд крошечных, крытых тесом келлий, расположенных на возвышенной стороне монастыря, теснотой и убожеством напоминали собою древние жилища пустынников. Монахини большею частью спали на голых досках, прикрытых войлоком. Вся эта бедная обстановка ясно показывала, как тяжела и сурова была в то время их жизнь. Да и сами они, почти все, простые, необразованные казачки с грубой речью и невежественными взглядами на жизнь, были на вид суровы и убоги.

И в этот пустынный, бедный монастырь 30 декабря 1830 года М. В. Себряков привез на жительство свою любимую дочь, Анну. Она не замечала скудной обстановки обители; ее не устрашала ни грубая пища, ни суровые лица монахинь, которые отныне должны быть ее о Христе сестрами. Прекрасное лицо ее, вдохновенное охватившим ее душу восторгом, сияло неземною радостью и невольно вызывало удивление и благоговейное чувство в сердцах простодушных инокинь. Юная, изящная, красивая собою, Анна Михайловна казалась им ангелом Божиим. Игуменья Вирсавия, правившая тогда монастырем уже три года, с радостью приняла Анну Михайловну. Имя Михаила Васильевича было известно всей Донской области, и для игуменнии поступление его дочери в ее обитель

казалось большою честью. Она захотела придать особую торжественность ее вступлению в число сестер обители. Когда через несколько дней Анну Михайловну одели в монастырское платье и она должна была идти, по обычаю, в церковь, игуменья велела молодым послушницам сопровождать ее со свечами, а Михаил Васильевич сам пожелал вести ее за руку, точно жертву, которую он приносил Господу.

И действительно, это была для него великая жертва. Анна Михайловна шла добровольно, с радостью, а он отдавал все, что оставалось еще дорогого в его жизни. Он знал, на какие лишения шла она, и его горячо любящее сердце не могло без боли переживать это. Смертельная бледность покрывала его строгое, сосредоточенное, полное скорби лицо. «Я заметила это лишь тогда, — вспоминала впоследствии матушка Арсения, — когда после молитвы в церкви подошла к игуменье под благословение. Взглянув на батюшку, стоявшего около меня, я поразилась его скорбному виду. Сердце у меня болезненно сжалось. «Для Тебя, Господи, только для Тебя я его оставляю», сказалось у меня в душе. Потом, когда он уезжал через несколько дней из монастыря, все вышли провожать его за ограду обители, — продолжала свои воспоминания матушка, — он простился со всеми и уже отъехал довольно далеко. Я стояла и смотрела вслед ему; вдруг вижу: лошади остановились, и батюшка вышел из экипажа. Я поспешила к нему навстречу, полагая, что он забыл что-нибудь или ему надо что-либо сказать мне. Он взял мою руку, молча прошел рядом со мною несколько шагов, глядя то вниз, то на меня, точно не решаясь расстаться со мною. Та же бледность, что в церкви, покрывала его лицо: видимо, он страшно боролся с собою, потом, крепко сжав мою руку, он разом оставил ее, быстро пошел к экипажу, сел и велел ехать уже без остановки». Эти два случая глубоко врезались в чуткую душу Анны Михайловны. Вернувшись в келлию, она обильно плакала и молилась. «Господи, — молилась она, — не посрами жертву батюшки, она велика для него; я иду по призыванию сердца, он же много приносит с болью в сердце... Ради него, Господи, не посрами его жертвы».

В Усть-Медведицком монастыре жила тогда дальняя родственница Михаила Васильевича, монахиня Леонида Ладыгина, в келлии которой стала жить Анна Михайловна с послушницей Дашей, бывшей крепостной Михаила Васильевича.

По вступлении своем в монастырь Анна Михайловна отдалась подвигам со всем пылом юной, стремящейся к Богу, души. Она проходила почти все послушания и притом самые трудные: то она помогала раскатывать тесто и печь просфоры, то по ночам ходила колотать — будить монахинь на полуночную молитву, то в трапезе подавала обед и мыла полы наравне с простыми девицами, стараясь во всем подражать им. «Что это, Даша, — сказала она однажды своей келлейной, — девицы моют пол в трапезе с босыми ногами, ведь надо и мне так же?» И Даша на другой день с ужасом увидела, как Анна Михайловна бежала из трапезы босиком по сырой земле. В келлии она вела самую строгую жизнь, не гнушаясь никакой черной работой. Так, она помогала другим послушницам колоть дрова, топить печи, мыть и чистить посуду. Спала она всегда в подряснике и кожаном поясе, одевалась крайне просто. Свободное от работы время она проводила в молитве и чтении духовных книг. Она изучала святых отцов не только чрез чтение их творений, но стараясь опытом проходить и усваивать их правила. В это время она взяла на себя труд

выучить наизусть всю Псалтирь, так что, когда занималась каким-нибудь рукоделием, ум ее не оставался праздным, а уста твердили хвалебные Богу псалмы. Телесные подвиги ее доходили до того, что она клала по ночам до тысячи поклонов. Всегда держа в уме молитву Иисусову, она с молодых лет старалась приучить себя к молчанию, положив за правило говорить только самое необходимое. Церковную службу посещала она несколько лет подряд неопустительно, несмотря на то что утренняя, по уставу монастыря, начиналась в 3 часа ночи.

«Трудно мне было привыкнуть вставать так рано, — говорила матушка Арсения. — Иной раз сон так одолевал меня, в особенности в зимние темные ночи, что я принуждена была выходить из церкви, чтобы как-нибудь преодолеть его. Обойдешь, бывало, вокруг храма раза три и, про дрогнувши на свежем воздухе, уже бодро достоиншь до конца службу».

В промежутке времени между утреней и обедней юная подвижница любила читать Евангелие, которое было для нее не только руководством, но и отрадой и успокоением во время всей жизни. Уже в глубокой старости, обремененная многими заботами по управлению обителью, матушка игуменья выражалась так: «Некоторые любят читать акафисты, каноны, я же больше всего люблю Евангелие. При чтении Евангелия какое-то особенное познание открывается душе. Евангелие ведь это Сам Христос. И если случится смутиться душою, если внешние дела и заботы отяготят меня, я спешу, как выпадет свободная минута, раскрыть Евангелие и прочесть хоть слово какое... Сейчас же почувствуешь облегчение, успокоение души, точно омоешь в нем душу от всего, чем она отяготилась!»

«Слово Божие, — еще так говорила она, — есть безбрежное необъятное море. Многие бросают в него свой невод и тот, который пройдет почти по поверхности, извлекается с одной пеной; тот, который проходит на большей глубине, извлекает рыб; тот же, который опускается на дно моря, собирает драгоценные раковины и жемчужины».

Несмотря на разнообразно-трудную жизнь, которую вела тогда Анна Михайловна, она успевала в свободное от послушания время заниматься живописью. Ее трудами были написаны плащаница и шесть больших икон, а именно: Арсения Великого, Антония и Феодосия Печерских, Пахомия Великого, Иоанна Лествичника, Моисея Утрина и Сергия Радонежского. Все эти иконы помещены теперь в монастырской трапезе. Занимаясь живописью, Анна Михайловна, всегда избегала лишних разговоров. Она или тихо творила молитву Иисусову, или любила напевать ирмосы и другие божественные песнопения, умиляясь всегда душою. Поэтому и лики святых, которых изображала она, имели всегда какой-то духовный отпечаток, умиляли и трогали душу более, чем иное, художественной работы, изображение.

III

В келлии монахини Леониды Анна Михайловна жила не долго. Вскоре игуменья взяла ее к себе, в свои покои. Но жизнь в игуменском доме оказалась совсем не по сердцу юной подвижнице. Игуменья Вирсавия относилась к ней с большою любовью, предусмотрительностью и нежною заботою, что совсем было не по духу ей. То уединение, то духовное стремление к Богу, которого так жаждала она, было

теперь невозможно. Занимая одну комнату с игуменией, она должна была даже сократить свои ночные молитвенные подвиги, а это было нелегко для нее. И вот, несмотря на все уважение, которое она чувствовала к игуменье, ласки и заботы последней стали тяготить ее. Она невольно начала замечать разницу их духовных направлений. Суровые, неодоухотворенные внутренним исканием живого Бога, чисто внешние подвиги игумении Вирсавии, казались ей почти бесцельными. Да и вообще жизнь в Усть-Медведицком монастыре складывалась совсем не так, как она желала. Ей хотелось совсем уйти от мира и славы его, а это было невозможно здесь, где все ее знали и не могли не почитать. Все это нарушало внутренний мир ее души. Явилось много невольных сомнений, недоразумений, разрешить которые не находилось человека.

Состояние ее духа тяготило ее и, не находя полного сочувствия своим стремлениям в игумении и окружающих ее, Анна Михайловна стала на стороне искать себе руководителя, который мог бы живым, мудрым словом осветить ее путь, объяснить недоумения, но, к огорчению своему, она скоро убедилась, что те монахини, с которыми ей приходилось сталкиваться, были слишком просты и неискусны в духовном рассуждении. В деле своего спасения они почти исключительно уповали на внешние подвиги, мало обращая внимания на очищение своего сердца, а путь делания евангельских заповедей, на который стремилась стать уже тогда Анна Михайловна, был совершенно чужд, даже не всегда понятен им. И вот жажда духовного слова так сильно охватила ее, что она решила предпринять путешествие по святым местам в надежде встретить в другом месте то, чего так тщетно искала в своей обители. Она стала неоднократно просить игумению отпустить ее в Киев, предполагая совершить путешествие пешком. Игуменья, боясь за ее здоровье, долго не склонялась на ее просьбу, и только осенью 1852 года разрешила в виде пробы и испытания своих сил, посетить Кременской мужской монастырь, находящийся в 80 верстах, обещая в следующем году отпустить ее, если она пожелает, и дальше.

Путешествие в Киев, которое совершила Анна Михайловна летом следующего года, было великим подвигом. Пренебрегая, ради Бога, всякими удобствами, которыми так легко и свободно могла бы себя обставить во время путешествия, она пешком, подобно простой страннице, в серой суконной одежде, покрытая грубым платком, с котомкой за плечами, шла по пыльной дороге, стараясь приноровиться к походке своих спутниц. Порою мочило их дождем, сырой ветер пронизывал их в поле, порою солнце жгло невыносимо, часто терпели они и голод и жажду, столь мучительную во время летней жары, но она неутомимо шла вперед, ободряя своих спутниц, шла с Иисусовой молитвой на устах, или громко читала акафисты.

На ночь они останавливались в бедных избах, где впервые столкнулась она с нуждой и горем простого народа. Часто подолгу беседуя с хозяевами, входя в их нужды, Анна Михайловна, совершенно забывала о своей прежней роскошной жизни и, не обращая внимания на неопрятность окружающей обстановки, утомленная непривычной ходьбой, она спокойно ложилась на полу и крепко засыпала, а на другое утро, чуть свет, первая была уж на ногах и торопила своих спутниц идти далее.

До глубокой старости матушка игуменья сохранила самое отрадное

воспоминание об этом путешествии. Впоследствии ей приходилось ездить в Киев и на лошадях, и по железной дороге, но «никогда, — говорила она, — не испытывала я такого радостного, мирного настроения, как подходя к Киеву пешком, под видом убогой странницы».

Анна Михайловна так не хотела выделяться во время своего путешествия от своих товарок, монастырских послушниц с грубыми загорелыми лицами, что даже скорбела о том, что загорает меньше их, и не раз ложилась отдыхать прямо на припеке солнца. Но лицо ее все-таки почти не загорало, и не могла она ничем изменить своей изящной наружности, которою невольно обращала на себя внимание.

Около Киева их встретила ужасная весть о холере. Многие богомольцы не доходя до Киева, возвращались назад, наводя смущение и ужас на других своими, иногда преувеличенными, рассказами. Смутились спутницы Анны Михайловны и хотели было тоже возвращаться; в особенности напугалась Мария Ивановна, старица, прожившая уже несколько лет в Усть-Медведицком монастыре и отпущенная игуменией сопровождать Анну Михайловну. Долго уговаривала она Анну Михайловну возвратиться домой. Но, уповая на милосердие Божие, всецело предаваясь Его святой воле, Анна Михайловна не желала отступить от намеченной цели и решительно отвечала: «Что Бог даст, а назад теперь уже не возвращаться».

Случалось не раз им по дороге встречать заболевших холерой, причем товарки Анны Михайловны пугались еще больше и спешили скорей уйти, свернуть с дороги, а она с самоотверженной любовью останавливалась около больных, стараясь по мере сил облегчить их страдания, нередко при этом совсем забывая о своих спутницах, ушедших далеко вперед, так что потом ей приходилось бегом догонять их и долго выслушивать укоры от боязливой Марии Ивановны.

Наконец дошли они до Киева и пробыли там два месяца. Ежедневно посещая церковные службы, знакомясь на месте великих русских святых с их духовными подвигами, беседуя со старцами о духовной жизни, Анна Михайловна сама укреплялась духовно.

Побывали они и в женских монастырях. Некоторые из них были богаты и благоустроены, но своей внутренней

Мать Арсения в молодости

жизнью не нравились Анне Михайловне. Она поняла, что не может найти другого, более подходящего места для созерцательной жизни, как у себя дома, в тихой пустынной обители, на берегах родного Дона, и навсегда оставила мысль о перемене монастыря.

IV

В 1854 году Анна Михайловна была пострижена в рясофор с именем Арсении. С этого времени она стала жить в отдельной келлии, построенной возле настоятельского дома Михаилом Васильевичем, который ничего не жалел для своей любимой дочери. Он часто навещал ее, сам входил в интересы ее жизни, желая по возможности облегчить ей ее суровый путь. Через пять лет, 11 января 1859 года, мать Арсения была уже пострижена в мантию. В этом же году Господь послал ей великое утешение: она наконец нашла себе духовную наставницу, которую так давно искала.

Между новопостриженными находилась монахиня Алевтина, принявшая схиму с именем Ардалионы. Подвижница, глубоко понимавшая духовную жизнь, дочь бедного священника, Ардалиона с юных лет посвятила себя Богу, проходя подвиг внутреннего делания. Ей-то именно и было суждено стать наставницей Арсении. Мать Арсения давно знала Ардалиону, но общения друг с другом они не имели. Иногда только случалось Ардалионе брать у матери Арсении книги из ее

библиотеки. И, возвращая книгу, Ардалиона иной раз высказывала свое мнение о прочитанном, из которого мать Арсения могла убедиться, что понятия у нее духовные. Но дальше знакомство их не шло. Отчасти и сама Арсения избегала этого. Привыкши к деликатности и вежливому обращению, она не могла понять монашеской прямоты и простоты Ардалионы, переходящей подчас в грубость. Однажды мать Арсения высказала ей это. «Ваше слово сильно и правдиво, оно властно действует на меня, но я не люблю вашей грубости: она мне кажется нелюбовью к ближнему», — сказала она. На это Ардалиона ответила добродушным смехом, а потом заметила: «Ну, вот ты деликатная, а сама с сумкой ходишь по монахам с просьбой: «Скажите слово на пользу душе». Будет тебе побираться, имей свое слово, которое бы тебя питало». Эти слова, сказанные в шутливом тоне, запали в душу Арсени, хотя и после этого она все-таки избегала Ардалиону. Когда же после пострига им приходилось подолгу оставаться в церкви между службами и мать Арсения начала обращаться к схимнице с разными вопросами о своих помыслах, то из ответов схимонахини она убедилась, что та глубоко понимала духовную жизнь. Она удивлялась ее ясному определению состояний человеческой души, ее понятию о молитвенном состоянии и других предметах духовных. А схимница с своей стороны, видя у своей слушательницы сильное стремление к возвышенной духовной жизни, охотно пошла ей навстречу. «Ты такие предлагаешь вопросы, — сказала она однажды, — что одним словом отвечать на них нельзя, а в церкви беседовать не всегда удобно. Если игумения благословит, то лучше тебе приходиться ко мне в келлию, хотя я никого не принимаю, но тебя приму, не потому, что ты Арсения, а потому, что вижу, ты истинно желаешь спастись».

Так, с благословения игумении, мать Арсения стала ходить в келлию схимницы. Эти посещения, вследствие разных духовных потребностей, скоро стали почти ежедневными.

Убедившись, как благотворно действует на душу учение схимницы, Арсения отдалась ей вполне, как своей духовной наставнице. Немало пришлось ей при этом потерпеть разных оскорблений со стороны сестер и даже самой игумении. Думаю, причиной их была зависть. Как ни смиряла себя мать Арсения, как ни желала она быть никем незамеченной, она все же занимала исключительное положение в монастыре, и среди сестер, вероятно, немало было таких, которые сами искали сближения с нею. Разумеется, им не нравилось, что она не только обратила внимание на схимонахиню Ардалиону, но даже прибегала к ней за советом, как к духовной матери. Не понимая безусловной преданности, которую мать Арсения стала высказывать схимнице, они осуждали последнюю за ту власть, какую она возымела над нею. Некоторым не нравилось еще и то, что мать Арсения, не жалевшая ничего для схимницы, не зная, чем выказать ей свое расположение, взяла всю родную семью Ардалионы на свое попечение, воспитывала ее сирот-племянниц и помогала всем им своими средствами. Сама игумения была тоже недовольна таким сближением Арсени с схимницей, часто укоряла последнюю и не раз выговаривала самой Арсени.

Мать Арсения, ценя больше и выше всего спасение души и, видя для себя несомненную пользу от слов схимонахини, терпеливо переносила все эти неприятности, не изменяя своих отношений к ней. Видя это, игумения сказала ей

однажды: «Так как ты часто ходишь к схимнице, то уж лучше возьми ее к себе в келлию». С радостью приняла мать Арсения это слово, и на другой день после обедни, прямо из церкви, с палочкой в руке, старица Ардалиона перешла на жительство в ее келлию. Монашеское нестяжание Ардалионы было так велико, что, кроме двух-трех духовных книг, она ничего не взяла с собою.

С этого дня мать Арсения, не уповая больше на свои собственные подвиги, отдала вполне себя, свою жизнь, свою келлию, как и все, что имела, на волю своей наставницы. «Если я буду плохой послушницей, — говорила она, — то вы можете выгнать меня из келлии». И это были не одни слова. Матушка Арсения, действительно, до самой смерти схимонахини, сохраняла к ней глубокую веру и послушание, почти беспрецедентное в наше время, а между тем жизнь со схимонахиней была нелегка. «Нас не по легкой дорожке вели, и слово, полное духовной любви, не имело никогда покрова деликатности», — говорила впоследствии матушка.

С молодых лет работая над своим собственным сердцем, схимонахиня Ардалиона имела опытное познание сердца человеческого. Строгая к себе, она требовала безусловного подчинения от своих учениц. «Если делом не хотите исполнить слово, — говорила она некоторым, — зачем его и слушать?» Провидя в матери Арсении высокую избранницу Божией благодати, она неуклонно вела ее по суровому монашескому пути. И надо было иметь особенную веру к слову наставницы, видеть пользу этого слова, чтобы, вполне отрехшись от своей личной воли, подчиниться ее руководительнице, как добровольно сделала это мать Арсения.

Два случая ясно показывают взаимные отношения обеих. Желая отучить Арсению от всякой, даже ничтожной, земной привязанности, схимница однажды собственноручно порезала на куски небольшой вышитый коврик, который мать Арсения держала всегда около своей койки и которым она особенно дорожила. Этот поступок, казавшийся со стороны несправедливым, даже жестоким, мать Арсения перенесла с полным смирением и покорностью, видя в нем только заботу наставницы о спасении ее души. Другой раз Арсения, без благословения схимницы, подала нищенке полтинник. Схимница, находя, что такими щедрыми милостынями, без особой нужды, она как бы выделяла себя, возвышала над окружающими, опасаясь, чтоб через это не зародились в ее душе высокоумие или тщеславие, с гневом укорив ее за своеволие, послала разыскать нищую и взять обратно данный ей полтинник. Много и других было случаев мудрого духовного руководства с одной стороны, глубокого смирения и послушания с другой.

Вскоре после того как схимница перешла жить в келлию к матери Арсении, к ней перешли и прежние келлейницы схимонахини: Агафия Прокопьева и мать Рипсимия. Жизнь их текла мирным порядком. «Наша келлия не только монашеская, но и схимническая, — говорила Ардалиона. — Если монаху нужно иметь общение с другими только по крайней нужде, то схимнику и говорить даже, кроме этой потребности, не следует». Так, в уединении, молитве, созерцании и полном повиновении старице жили они пять лет. Из посторонних редко кто приходил к ним. Если же кто из сестер и зайдет бывало, ее приветствуют, спросят о деле, но не угощают и ни о чем постороннем не разговаривают. Даже между собою они редко говорили: все жили безмолвною жизнью схимницы. «Эти годы совершенного

духовного подвига и уединения я считаю лучшими годами своей жизни», — говорила впоследствии не раз матушка Арсения.

По вечерам Арсения читала схимнице отеческие книги, причем последняя часто объясняла прочитанное и иногда так воодушевлялась беседой, что, слушая ее, мать Арсения не раз просила позволения позвать и остальных келлейниц. «Мне совестно и прискорбно, — говорила она, — одной слушать такое дорогое слово; мне хотелось бы созвать весь мир, чтобы все, слушая и чувствуя силу этого спасительного слова, видели и наслаждались этим». — «Ну и что же из этого будет? — отвечала ей на это схимница. — Слышали многие мое слово, но не приняли его к сердцу. Они слушают меня, как приятную музыку, а исполнить мое слово не могут; без исполнения же они и не поймут его; ведь только то слово усваивается и понимается, которое исполняется, а иначе оно может быть поругано». Так, действительно, и случилось впоследствии. Вот в каких словах передает сама матушка Арсения об этом в составленном ею жизнеописании схимницы Ардалионы: «Действия страстей самых тонких не могли скрываться от прозорливого ока матушки-схимницы. Указывая на эти страсти, живущие в сердце, она давала приходящим совет выходить из них (то есть из страстей), достигать чистоты сердца, чего единого ищет от нас Господь. Своим словом, как мечом, она действовала на душу ближнего, отсекая ее нечистоту, действовала и делом, ставя иногда в такое положение, что или надо отказаться от собственного самолюбия, или другой какой страсти, или же потерять руководительницу. Не понимая ее высокого слова (высокого по своей духовности) и чувствуя необыкновенную муку сердца при отсечении прирожденных ему страстей, некоторые колебались в вере в руководительницу, считая то, чему она учит, несогласным с учением Церкви. Схимница, не придавая особой важности внешним подвигам, говорила: «Главную целью искания должны быть добродетели. А чтобы приобрести их, надо искоренить страсти и всю плотскую нечистоту: нелегко это — надо трудиться даже до смерти, надо подвизаться добрым подвигом даже до отречения своей души». Слово это было жестоко, а действие по этому слову еще жестче казалось тем, кто не хотел полного отречения от себя. Явилось неверие к самому слову, непонимание его, потом поношение его. Смутившаяся была одна монахиня К., смутившаяся по своей простоте, но смущение она передала всей обители. Горячей вере близких учениц никто не последовал, а смущение все приняли и все поверили ложному толкованию непонятого слова».

Может быть, это общее смущение было причиной того, что игуменья Вирсавия запретила сестрам монастыря всякое общение с келлией схимницы Ардалионы. Глубоко скорбела мать Арсения о таком отчуждении сестер. Гораздо позже, в преклонных годах своей жизни, вспоминая об этом, она говорила одной из своих близких учениц: «Многие, слушая слово покойной схимницы и мое, принимали их с радостью, но, когда это живое слово начинало действовать по себе, когда приходилось на опыте, поступая по слову, бороться со страстями, находившимися в сердце, прежде даже не замечаемыми, тогда они бросали все, уходили и говорили: «Это учение еретическое, оно помрачает и отягощает». Они старались придать его забвению, входили в свою обычную жизнь и опять чувствовали себя легко. Скажи мне, можно ли назвать ересью учение, основанное на Евангелии и согласное со всеми отцами Церкви? Путь борьбы против страстей, — продолжая далее беседу,

говорила матушка, — путь самый трудный. Он указан Иисусом Христом и Им же назван тесным и прискорбным.

Другой путь более легкий, которым идут многие, это — жизнь по страстям. Ты видишь, многие сестры даже не знают, не понимают существования другого пути, кроме того, которым они идут. Сходила в церковь, прочитала известное правило, отложила известное число поклонов и убеждена, что исполнила все. Они не берутся за труд над своим внутренним человеком, не ищут, не стараются истреблять страсти в корне их. В молодости я много искала, много несла подвигов телесных и душевных, но я не уразумела главного, пока не услышала слова схимницы. Оно открыло мне очи, осветило путь, и потому я всегда отвечала игумении Вирсавии, когда она укоряла схимницу и отдавала мне на обсуждение ее грехи, словами прозревшего евангельского слепца: *«Не знаю, грешен ли этот человек, или нет, но одно знаю, слепой я была, а теперь вижу»*.

Не раз с болью в сердце высказывала матушка Арсения своим келлейным, как горько было видеть ей, что такой необыкновенный яркий светильник, как называла она схимницу, стоит под спудом. Утешая ее, схимница говорила: «Ты скорбишь о том, что тебе одной все досталось, а может быть, для тебя-то Господь послал мне благодать уразуметь Его слово. Не знаю, к чему тебя Господь готовит, но вижу, что тебе Он много дает». Сама же схимница благодушно переносила поношения, говоря, что только ими и может спастись.

V

В 1862 году игумения Вирсавия подавала прошение об увольнении ее от должности настоятельницы по старости лет. Вместе с тем сестры монастыря просили преосвященного Иоанна, управлявшего тогда Донской епархией, чтобы он не сменял ее. Владыка оставил ее на игуменстве, назначивши ей помощницей мать Арсению, которую определил на должность казначеи 4 мая 1862 года. Но недолго после этого пришлось жить игумении Вирсавии: она скончалась 21 ноября 1863 года.

После ее кончины почти все сестры обратились к Арсении с просьбой принять на себя начальство над монастырем и быть им матерью и игуменией. Но матушка, не желавшая никакой перемены в своей жизни, просила их отложить избрание начальницы до погребения умершей игумении. Между тем сестры стали одна за другой приходить к схимнице Ардалионе, прося ее убедить Арсению принять настоятельскую должность. Схимница и сама, по своему убеждению, желала этого избрания. Она все время до погребения игумении уговаривала Арсению не отказываться от этой должности. Мать Арсения из-за послушания к схимнице согласилась, говоря, что не только принять игуменство, но даже, по повелению ее, она готова оставить монастырь, чем больше всего дорожила на свете. Так велико было у нее послушание к своей наставнице!

Схимница же, видя, как тяжело ей расставаться с безмолвной жизнью, к которой лежала ее душа, видя ее постоянные слезы, убеждала ее добровольно принять на себя новый подвиг. «Хотя я желаю, — говорила она, — чтобы ты исполнила в этом мою волю, но желаю также, чтоб ты сама убедилась в необходимости ее исполнить,

чтобы ты с охотой приняла на себя должность, которую предлагают тебе сестры и к которой призывает тебя Господь; чтобы ты пожелала с усердием послужить обители, воспитавшей тебя в монашеской жизни. И для тебя самой, для твоего спасения, такая деятельность необходима. С самого поступления в монастырь ты жила уединенною жизнью, работала над своим внутренним человеком. Если и проходила ты послушания, то в них ты не вкладывала своего сердца, тебя там не было, до тебя, значит, ничего не касалось. А тебе нужна такая деятельность, в которой приняли бы участие все чувства твоего сердца, все способности твоей души. Ты увидишь, что в сердце твоём живут страсти, тебе самой неизвестные. И самолюбие, и гордость, и тщеславие, и гнев — все обнаружится. А для человека, стремящегося выйти из страстей, важно именно то, чтобы их познать в себе, чтобы они обнаружились, иначе он и бороться с ними не может.

Настоящее твое бесстрастие есть только равнодушие ко всему, оттого оно не дает тебе теплоты и полноты внутренней жизни, тогда как истинное бесстрастие есть выход из страстей, дающий свободу духу. Чистота сердца не есть его нечувствие, уничтожающее в нем сочувствие к страстям. Твои отношения к ближним холодны оттого, что они не растворены ни любовью, ни смирением. Ты готова помочь их нужде, отдать все, что имеешь, но в этой помощи нет тебя самой.

Когда настоятельская должность введет тебя в тесное общение с другими жизнями, с другими душами, и они раскроют перед тобою все скорби, все немощи, все страдания человечества, боримого страстями, — человечества, находящегося в слепоте неведения, и ты не только внешней помощью, но и внутренним чувством войдешь в сочувствие к ближнему, удовлетворяя его немощи, а иногда отстаивая чистоту души его, как собственную, ты будешь вызвана не только научить, но обличить, огорчить, наказать. И когда скорби ближнего тебе станут больны, как свои, тогда ты можешь уйти в затвор. Ты понесешь туда с собою любовь к ближнему, и эта любовь будет наполнять собственную твою жизнь, а молитва твоя будет молитвой за весь страждущий род человеческий. Убеждая тебя принять игуменство, я призываю тебя не на честь, а на великий подвиг борьбы и труда над собственной душою и над душами сестер. Если ты откажешься вступить на этот путь, то ты откажешься от данного тебе Господом средства к собственному очищению и пути, ведущего тебя к совершенству. Эти годы уединенного безмолвия, эта жизнь со мною, эти постоянные беседы духовные не были ли посланы тебе, как приготовление к готовящемуся тебе подвигу. И можешь ли ты теперь, имеешь ли право отказаться вступить на новый подвиг труда и борьбы?»

Убежденная такими доводами старицы, матушка Арсения с душою, полною мужества и готовности к новому подвигу, приняла предлагаемую ей должность. 3 января 1864 года, на 31-м году своей жизни она была посвящена в сан игумении архиепископом Иоанном в Новочеркасске.

Несмотря на всю готовность потрудиться в настоятельской должности, для матушки игумении Арсении переход от жизни уединенной к деятельности общественной был очень тяжел. Новые условия жизни предъявляли свои права: она чувствовала, точно поток какой-то увлекает ее в иную жизнь. Она боялась, что он унесет ее далеко и невозвратно от дорогого для нее безмолвия, и потому всеми силами души старалась держаться возле схимницы Ардалионы, которую упросила

перейти жить с нею в игуменский дом. Схимница, видя часто ее взволнованной, говорила ей: «Ты не можешь свободно действовать в том мире, где ты видишь, что меня уж нет, потому что боишься отклониться от меня и моей жизни. Я же вижу, что хотя поддерживаю твой дух, но мешаю тебе жить. А что мешает нам на пути, от того надо отречься, хотя это будет единомышленный друг или даже наставник».

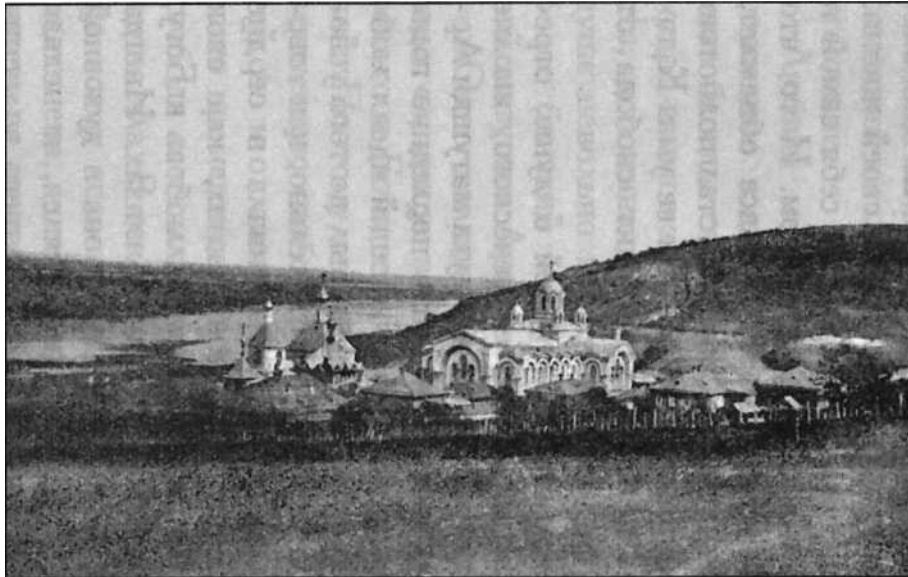
Схимница не могла долго ужиться в игуменском доме и стала просить матушку игумению отпустить ее в затвор. Для этого матушка начала строить ей на средства своей родной сестры Аграфены Михайловны Мержановой небольшую келлию в монастырском саду. Но не успели окончить постройку, как Господь призвал схимницу в иной мир. Сильно, до болезни, скорбела матушка Арсения о потере духовной матери, тем более что умерла она в ее отсутствие, когда матушка ездила навестить отца своего. Казначая монастыря, мать Валерия, распорядилась похоронить схимницу, не дожидаясь возвращения матушки, чем еще более усилила ее скорбь.

Умерла схимница, но жива осталась она в сердце матушки. Вера в свою духовную наставницу поддерживала, укрепляла ее дух. Матушка часто посещала дорогую для нее могилку и там поверяла ей, как живой, все свои скорби, сомнения и получала обильное духовное утешение.

Любила матушка Арсения, даже в последние годы своей жизни, вспоминать беседы схимницы. Действительно, мудро и высоко-духовно было ее слово. Но, вспоминая его, удивляясь ему, в душе невольно восстает теперь другой, более близкий сердцу образ незабвенной матушки Арсении.

«Одно должна знать душа, — говорила схимница в своих беседах, — что только в Боге ее покой и предел исканий. Поэтому она должна выйти в совершенную свободу не только от страстей, но и от своих чувств, в свободу от всего временного и войти в Бога. Такая свобода есть младенчество души, неведение зла. В такой свободе душа присуща всему человеческому, но ничему не подчинена, живет жизнью всего мира, ничем не гнушается, ничего не унижает, ничего не исключает из общей жизни, как зло, как дурное, но сама ничем не связана, ни в чем не заключена, она точно умерла для своей жизни. Она вышла в свободу из себя самой и заключилась в Боге вечном. И то, что в ней живет, и то, что все объемлет, это — Христос, который стал полнотою ее сердца, руководителем ее ума. К такому состоянию приводит свобода от всего человеческого».

Сказанное схимницей о душе, отреченной от всего человеческого, вполне подходит к состоянию духа матушки Арсении, в особенности в последние годы ее жизни, когда тот высший идеал любви к Богу и ближнему был до того усвоен ею, что она, действительно, как говорила схимница, переживала в сердце своем все скорби ближних, как свои собственные, а неземная любовь к Богу, светилась в ее чудных глазах. Иногда же так воодушевлялась она в духовной беседе, что лик ее менялся, и нельзя было без особого внутреннего волнения слушать ее слово. В такие минуты все

Станица Усть-Медведицкая. Преображенский монастырь (вид с юго-запада)

земное точно не существовало для нее — она жила вся в Боге.

VI

Сделавшись игуменией, матушка Арсения, можно сказать, усугубила свои труды и подвиги. Не оставляя свой внутренний, единому Богу ведомый подвиг, она энергично принялась за устройство обители как с внешней стороны, так и с внутренней. И, несмотря на свои молодые годы, она сумела так расположить к себе сестер, что они не только уважали ее, но и благоговели перед нею, хотя, по смирению своему, она никогда не искала этого.

Первою заботою матушки было распространение в монастыре грамотности. Многие, поступая в монастырь, были совершенно безграмотны и лишены возможности поддерживать, укреплять свое благочестивое настроение чтением духовных книг. Игуменья велела обучаться всем безграмотным сестрам, чтобы каждая из них могла прочитывать себе положенные молитвы, а в свободное время читать слово Божие и творения святых отцов. С этой же целью, собрав все разрозненные книги, принадлежащие монастырю, она составила библиотеку, дополнив ее творениями древних святоотеческих писаний. Особенно пополнила она недостаток книг отцов, преподающих правило внутреннего делания, приобретением книг: Добротолюбия, творений Варсонофия Великого, Ефрема Сирина и других.

В 1867 году заботами матушки игумении было открыто в монастыре бесплатное четырехклассное женское училище, с преподаванием в нем Закона Божиего, русского и славянского языков, географии, арифметики и русской истории.

Михаил Васильевич Себряков, не оставлявший и ранее монастырь своими пожертвованиями, теперь, когда дочь его стала настоятельницей, принимал живое участие в делах монастыря. Он помогал ему всегда, чем только мог. Конечно, и школу не оставил без внимания. На его средства были устроены небольшая библиотека и вся необходимая школьная мебель.

Первое время преподавала в школе сама матушка игумения, священники монастыря и инспектор Усть-Медведицкой гимназии Юргилевский. Когда же здоровье и силы стали изменять ей, то в училище начали заниматься монахини, воспитанные ею для этой цели. Открытие школы в монастыре встречено было общим сочувствием. Преосвященный Платон, тогдашний Донской архипастырь, по возвращении своем из объезда епархии в 1867 году, прислал матушке игумении свое святительское благословение за благоустройство монастыря и за открытие в нем женского училища.

Надо заметить, что, не зная еще хорошо матушку Арсению, архиепископ отнесся к ней, когда в первый раз посетил обитель, с большим недоверием, считая ее слишком молодой и неопытной в делах правления монастырем. Уезжая из обители, он высказал свое желание преобразовать монастырь в общежительный, причем половину послушниц предлагал выключить из монастыря. Матушка игумения не согласилась на это и со смирением отвечала ему, что она не имеет права высылать из монастыря тех, кого сама Царица Небесная призвала на служение Себе, и что просит лучше снять с нее самой должность игумении, которую никогда не искала. Эти слова, сказанные молодой игуменией, хотя и со смирением, но с достоинством и твердостью, невольно внушили архиепископу уважение к ней. Он оставил мысль о преобразовании монастыря и в последующее время своего архипастырства на Дону относился уже с полным доверием к ее правлению, сохраняя до самой смерти глубокое чувство расположения к ней.

Кроме занятий по училищу, матушка собирала к себе более способных сестер, много читала и беседовала с ними.

Она желала и стремилась из каждой, вверенной ее заботам послушницы, устроить храм Бога живого, причем немало пришлось ей перестрадать душою в сознании, что слово ее не всегда доступно их пониманию, а заповедь о любви к Богу и ближним совершенно чужда их сердцу.

Должно быть, именно к этому времени относится то состояние духа матушки Арсении, о котором впоследствии она вспоминала в беседе с своими духовными дочерьми. «Прежде, — говорила она, — я познания ставила очень высоко, и поэтому стремилась передать другим свои познания. Я тогда много говорила, желала иногда в церкви вслух всем сказать какое-нибудь полезное слово, особенно уяснившееся мне во время службы. Мне хотелось передать другим, если можно, всему миру свои познания. Я готова была взойти на колокольню и оттуда кричать всем: «Спешите, спешите, пока не кончился торг, то есть работайте над душою, пока есть случай, пока обстоятельства дают возможность потрудиться». Теперь же, — продолжала свою беседу матушка игумения, — я чувствую совсем другое. Без благодати Божией, действующей в душе и усовершенствующей ее, одни познания — ничто.

Потому я все меньше говорю и прихожу к такому состоянию, что не нахожу, что сказать. К этому состоянию влечется моя душа. Я молюсь за ближнего и нахожу, что это большое благо.

Так хорошо чувствуется, когда помолишься о спасении кого-либо и отдашь спасение этого человека в руки Божии».

Но хотя и не всем доступно было высокое слово матушки, не все слушали его

охотно, в особенности в начале ее деятельности, но были и такие преданные, близкие ей по духу ученицы, которые не только что слово ее принимали с верою, но и жизнь свою готовы были отдать за нее. И молодая игуменья, видя это, не щадила своих сил, не переставая учить и говорить. Горю неземною любовью к Богу, она всегда старалась внушить и другим эту любовь, старалась пробудить омраченную страстями и житейскими попечениями душу, возвысить ее, просветить, указать ей тот путь евангельских заповедей, хотя тернистый и прискорбный, но единственно верный для спасения, по которому она сама шла неуклонно с юных лет и который считала главной целью жизни, тем более монашеской.

Она любила собирать к себе сестер для духовных бесед, не пропуская ни одного случая сказать им слово для пользы души. В первые годы своего игуменства она устраивала воскресные чтения и беседы в трапезе, потом, когда силы ее стали слабеть, она в торжественные праздники у себя дома принимала монахинь и беседовала с ними. На праздники же Рождества Христова и Вербное воскресенье, по обычаю, издавна установившемуся в монастыре, после утрени клиросные провожали игуменью с пением и зажженными свечами в ее покои. Здесь, после пения тропаря празднику, всегда говорила она им краткое, но глубоко-назидательное слово.

«Я всегда люблю в праздники поделиться с вами словом, какое Господь положит мне на душу, — говорила она однажды. — Вчера во время чтения Евангелия я как-то особенно обратила внимание на то, что Божия Матерь, слушая рассказы пастырей о явлении Ангела, возвестившего им радостную весть о рождении Спасителя мира, слагала все глаголы их в сердце своем. Эти слова Евангелия как-то особенно запали мне в душу. И потом в течение всей земной жизни Христа Господа, думала я, Она все глаголы, свидетельствующие о Его Божестве, слагала в своем сердце. Что же это значит? Значит, они запечатлелись в Ее сердце, остались в нем навсегда, а потому, когда Сын Ее страдал, умер на кресте, когда все оставили Его, даже апостолы, она стояла у креста с одним из учеников, стояла не как растерзанная, убитая горестью мать, не могущая оставить Его только по жалости. Нет, она стояла с верою, с крепкою верою, что Он — Господь, что Он воскреснет и воскресит Собою искупленный им род человеческий. Глаголы, сложенные в сердце, укрепили Ее веру, сохранили от отчаяния. Так нужно стараться и нам воспринять в свои сердца глаголы Господа Иисуса. А мы что делаем? Мы слагаем в свои сердца какие-нибудь неприятные слова, сказанные ссорю, оскорбления, это мы тщательно храним в нашем сердце, и потому сердце, наполненное этим, малодушно, не способно ни к чему хорошему. При малейшей неприятности воскресает все давно прошедшее, потому что оно там хранилось. А если бы в нашем сердце были глаголы Божии, то они дали бы душе мужество, крепость и силу для перенесения искушений, болезней и всего неприятного, что ни встретило бы нас. Постараемся же подражать Царице Небесной, не будем малодушны».

Другой раз матушка говорила им: «Сегодня праздник Рождества Христова. Все мы радуемся явлению Христа на земле и поем в церковной песни, что Он родился в вертепе, что *Ангелы с пастырьми Его славословят и волхвы со звездою путешествуют!* Что это за вертеп, где родился Христос? Мрачная, исполненная нечистоты пещера, в которой находились животные и гады, и не прежде только, но

и в то самое время, когда он родился; они окружали Его и даже согревали. И Господь не возгнушался этим вертепом, возлег в яслях посреди животных и нечистоты. Не такой же ли вертеп и сердце наше, полное животных страстей и всякой нечистоты? И в нем по Своему милосердию вселяется Христос и наполняет его светом и славою; мрак и нечистота не препятствуют Его благодати и силе... Ангелы с пастырьми славословят: пастыри — все люди, Ангелы — совесть их; она, как Ангел Хранитель, показывает человеку добро и отклоняет от зла. Она охраняет человека, она научает славословить Христа... Волхвы со звездой путешествуют: звезда — обстоятельства жизни, они, подобно звезде, ведут ко Христу. Случайностей нет в жизни, но каждое обстоятельство имеет высший, духовный, смысл, ведет к познанию Бога. Дай Господи, чтобы всех нас наша звезда привела поклониться Господу».

И еще говорила, вспоминая одну песнь из канона накануне Рождества Христова: *«Простре земля плещи своя, читали вы вчера, и приемлет Приемлющего Зиждителя — славу от Ангел, от небес — звезду, от пастырей — хваление, от волхвов — дары и от всего мира — познание. На последнем слове: ...от всего мира — познание, особенно остановилось мое внимание. И всегда в церковных песнопениях, но в особенности в великие праздники, как, например, сегодня, когда мы празднуем Рождество Христово, душе, ищущей Господа, открываются великие таинства. Слова служб церковных, церковных песней — это море необъятное! Так вот на этом, говорю, слове остановилось мое внимание.*

Господь — Творец всего: Ангелов, неба и земли, и Он принимает дары от всех своих творений. Вы иногда приносите мне, например, дары, но это ваше собственное, а Господу, от Которого мы получили все, что можем мы принести? Все наше — Его, от Него полученное. Но Господь благоволил принять дары от всех, и в этом видно Его смирение, как бы умаление. Итак, первые принесли славословие Ангелы, потому что они ближе стоят, ближе зрят величие Божие, потом небо, то есть видимое, как бы земное небо — звезду, пастыри в простоте сердечной — хваление; волхвы, как цари и богатые люди, принесли и богатые дары, а все мы, обыкновенные люди, должны принести познание.

Мы не можем принести ни славословия с Ангелами, потому что не видим ни тайн, ни судеб Божиих, не можем принести звезды, то есть чего-либо светлого, просвещающего и других, не можем равняться с волхвами, потому что не имеем богатства даров, ни телесных, ни духовных, не имеем простоты пастырей.

А потому принесем со всем миром познание. Мы должны принести его непременно!»

«Страстная седмица есть приготовление к Пасхе, — сказала однажды матушка клиросным после утрени в Вербное воскресенье. — Святые отцы установили Страстную седмицу перед Пасхой для того, чтобы напомнить нам, что Христос пострадал прежде, а потом воскрес; так каждая душа должна непременно пострадать, должна очиститься страданиями от страстей, выйти из них, должна потерпеть вольные и невольные страдания. Вольные страдания — это внешние подвиги и труд над очищением сердца, а невольные — скорби, поношения и оскорбления. Это и есть тот крест, который, вы поете, нужно взять: *И еси вземши*

крест свой.

У каждого человека свой крест, и он должен взять его, а не отречься от него. У нас же, живущих в монастыре, главный крест: повиновение, отсечение своей воли, послушание.

И мы должны взять его с любовью. Дай, Господи, всем нам поднять свой крест, чтобы воскреснуть душою!»

Своим более близким духовным ученицам матушка говорила в день Рождества Христова: «Рассказывайте мне, рады ли вы празднику, или у кого-нибудь, может, душа скорбит? Душа может радоваться празднику и может скорбеть; может скорбеть как-то безотчетно, может скорбеть оттого, что не получает желаемых утешений (пошел бы туда, куда тянет, да нельзя; а то, пожалуй, так одинока, что вовсе некуда и пойти), может скорбеть и оттого, что щи нехороши в праздник, и прочее. Кто ищет таких утешений, о которых я сейчас сказала, тот далеко уклонился от истинных утешений; он не получит их никогда, потому что ищет их не там, где нужно, он ищет не того, чего нужно. То, чего он ищет, никогда не наполнит пустоты душевной. Значит, для того, чтобы радоваться празднику, нужно уметь приготовить свою душу к принятию благодати Божией, которая подается в праздники достойным и которая есть истинное утешение души. Как же приготовить душу к этому? Нужно отречься земных утешений, трудиться над своим сердцем, отсекай желание этих утешений, стремиться к Господу: в Нем едином искать утешений, Его единого желать. Такая душа, душа истинно ищущая Господа, непременно ощутит в себе Его благодать и возрадуется о Господе в день праздника. Скажу вам в пример: те из пас, которые ходят ко мне с искренним желанием одной душевной пользы, ища именно пищи душе, те и обретают ее, они настолько воспринимают слово мое, что оно мгновенно врачует, укрепляет, окрыляет их. Сам даже чувствуешь какую-то силу, переходящую в слушающего. Те, которые ищут не спасения души, а моего покровительства, защиты от послушания и прочее, те не оживляются моим словом, а, напротив, приобретают какую-то тяжесть в душу, потому что эта душа не того ищет, что подается ей. Если мое слово так сильно и действенно в сердца верующих, то насколько же сильнее и действеннее благодать, изливаемая Господом в сердца, ищущие Его единого! Как же Он не утешит и не возвеселит душу, отвергшую все земные утешения и к Нему единому стремящуюся!..

Арсений Великий так проводил праздники: став на колени, еще накануне при закате солнца и воздев руки к небу, он простаивал так опять до заката солнца; он забывал, что нужно поесть или отдохнуть ради праздника. Такое обилие благодати было ему ниспосылаемо; но это слишком высокий для нас пример. Вот другой, более подходящий к нам: это вифлеемские пастыри. Они сподобились видеть Ангела, возвестившего им Рождение Господа за то, что бдели, берегли свой стада, будем же и мы, подобно им, бдеть, трудиться, нести возложенное на нас, и Господь не оставит утешать нас, и наши сердца возрадуются истинною радостью».

И еще говорила так: «Я думаю, все вы пришли затем, чтобы услышать какое-нибудь слово назидания. Нужно, когда мы бываем в церкви и в особенности в праздники, брать себе в сердце особенно какое-нибудь слово. Все слова, все песни церковные очень поучительны, потому что написаны святыми отцами. Они в эти праздники молились Господу, размышляли о делах Божиих, и Дух Святой внушал

им высокие духовные познания. Вы сейчас пели о волхвах, что они пришли поклониться Христу и их привела звезда. Как только они увидели ее, то пошли за нею и не близко им было идти, и не без трудности они шли, нужно было многое перенести, многому учиться, им нужно было учиться некоторым языкам: сирскому и другим, потом были они и у Ирода, коварного и лживого царя, но они нигде не останавливались, и звезда довела их до Христа, и они поклонились Ему. Так каждый человек должен идти ко Христу, и у каждого человека есть звезда, непременно есть: это — его стремление, стремление души. Только не все стараются принять правильное внушение этой звезды. Иной направляет свое стремление к исканию богатства; он ищет его, лишая часто себя покоя, подвергаясь опасностям, закупает товар, предпринимает плавания по морю с кораблями; иной засеивает хлеб и трудится, не щадя себя, и это все он делает для обогащения себя; другой стремится к приобретению чести и славы и тоже подвергается опасности. Но это, я говорю, люди, которые неправильно поняли внушение своей звезды и попали на ложный путь. Звезда каждого человека ведет к Господу, потому что душа каждого человека создана по образу Божию и по подобию. Он ее единственное благо и утешение, к Нему единому и должна она стремиться. Не думайте, что только избранные души имеют это стремление, нет, но сами мы заглушаем это стремление и стараемся удовлетворить душу чем-то другим. Звезда, которую видели волхвы, была видна всеми, всем она светила, всем предвозвещала Христа, но не все пошли кланяться Ему, потому что не хотели понять, что она возвещает Христа, принимали ее, как знамение какого-нибудь собственного благополучия или счастья земного. Иные называли ее «звезда своего счастья», иные — знамением, что родится у кого-нибудь сын или какой сильный земной царь. И, кроме этих трех человек, никто не вознесся выше земных понятий — так все оземленили свои сердца. Будем же мы внимательнее к своей звезде, а то она у нас то блеснет, то опять затмится, будем очищать от страстей свое сердце, и она воссияет нам ярко и поведет нас ко Христу, как привела волхвов Вифлеемская звезда! Дай, Господи, сего всем нам!»

На Пасху собравшимся к ней сестрам матушка говорила: «Я очень любила, еще с детства, малый пасхальный крестный ход, с которым ходила всегда, несмотря ни на какую погоду. А теперь, недавно я узнала, что этот крестный ход установлен церковью в память жен-мироносиц, ходивших рано к Гробу Христову. Теперь он меня умиляет еще более. Вся жизнь мироносиц есть путь для всякой души. Каждая душа должна последовать Христу, как следовали за ним мироносицы. В молодости я думала, и вы, вероятно, иногда думаете и говорите: «Вот, если бы Спаситель жил в наше время, мы бы последовали Ему, как мироносицы». Но Христос ведь всегда с нами и даже в нас. Он Сам сказал: *Се Аз с вами есть до скончания века!* — а апостол Павел говорит: *Или вы не знаете, что Христос живет в сердцах ваших?* Значит, и теперь можем мы и должны последовать Христу, подражать мироносицам. Они, несмотря на то, что были женщины, каждая имела семью, оставляли все и ходили за Господом. Страна была знойная, безводная, приходилось терпеть и жажду, и лишения, но они шли. И как Господь и ученики Его ничего с собой не носили, то эти жены служили им от имений своих, как сказано в Евангелии. Они носили для них одежды; Божия Матерь иногда посылала с ними нужное для Господа. Почему же они шли за Господом? Потому, что они дорожили каждым Его словом, потому что

некоторые из них получили от него исцеление. И мы, каждая душа, должны дорожить каждым словом Господа, искать Господа в Евангелии. Ведь там каждое слово, каждая строчка есть свет, есть путь, правило жизни для души. Как-то у меня было много дела, много разговоров и я отяготилась ими и взяла скорее Евангелие, чтобы хоть одно какое слово прочесть, просветить душу. Раскрываю Евангелие и как раз ни одного слова учения, но все исцеления и исцеления. Как Господь исцелил слепорожденного, как от водяной болезни, как расслабленного; я сначала искала слово учения, а потом оказалось в моей душе, что и все исцеления есть тоже учение для моей души. Если Господь исцелил прокаженного, исцелит и мою душу прокаженную, исцелит меня, слепую, и как от водяной болезни исцелил страждущего, так исцелит мою душу, через которую проходят целые потоки страстей. Итак, каждое слово, каждое дело Евангелия воображает в нас Христа. С каким самоотвержением мы должны последовать этому слову. Начиная с первой беседы от Матфея: *Блаженны нищие духом, блаженны кроткие!* Господь учит нас, какую должна быть душа, призывает на этот путь! Далее Он учит любить врагов, положить за други своя душу свою! — Всему этому учению мы и должны последовать с самоотвержением. Почему же мы не последуем ему? Потому, что любим свои страсти, услаждаемся ими, или просто находимся в разлении, омрачении и не хотим выйти из них. Не хотим последовать слову Христову потому, что оно жестоко, оно — меч обоюдоострый для наших сердец, полных страстей. Но необходим труд и самоотречение, только *нуждницы восхищают Царствие*, нужно востыгнуть (взнуздать. — *Ред.*) себя. И в каком бы мраке душа не находилась, искать выхода по слову Христову, искать Христа, как искали Его мирноносицы. Они искали Его во мраке ночи, мертвого, и нашли живого Бога. И в нашей душе есть Христос, но Он — жив в Евангелии, и оно светит нам, показывает нам Его образ во свете. Востыгнем себя, восприимем труд, оставим разление, последуем мирноносицам; дай, Господи, нам всем этого! Мы не следуем Христу потому, что любим страсти, соуслаждаемся ими и как бы не знаем, что последование Христу, всякое малейшее исполнение делом Его слова, приносит душе величайшее благо, что благо последования по пути, указанному в Евангелии, есть несравненно выше и лучше всех благ мира!»

О значении поста матушка однажды сказала: «Многие ученые нашего века говорят, что пост и все чиноположения церковные есть пустая обрядность, внешность, ни к чему не ведущая. А я, чем больше живу, тем более убеждаюсь, что все законоположения, установленные святыми отцами по внушению Святого Духа, есть величайшее благо, данное нам Господом, что все они необычайно спасительны по благодати, присутствующей в них. Ученые говорят: «Все это пустяки, важны только истины евангельские». — Я же скажу, что прямо постигнуть, стать на евангельские истины невозможно, обходя и пренебрегая уставами Церкви. Они, только они ведут нас к высочайшим истинам учения Христова. — Теперь мы говорим о посте, то есть о воздержании от многоядения и от излишеств, вообще для того, чтобы сделать тело наше более легким и тонким, более способным для духовных ощущений. И Господь Иисус Христос освятил это установление Церкви сорокадневным постом, и пост стал спасительным для нас, хотя мы по немощи нашей проводим его совсем не так, как должно бы. Но мы должны верить, что

наше естество чрез сорокадневный пост Господа Иисуса Христа очищено и сделано способным к духовным ощущениям. Мы должны верить, что пост спасает нас не за наши подвиги, а благодатию, присущей ему, как установлению церковному. Один церковный звон подает нам спасение, напоминая нам своим погребальным тоном о смертности всего земного. Воздержание от пищи учит нас воздержанию от помыслов и чувствований страстных. Воздержание есть первый шаг во всех добродетелях... Господь Иисус Христос говорит: *Возлюби врагов своих*, то есть злословящих тебя и укоряющих. — Как же это сделать? Он злословит тебя в лицо, не можешь же ты вдруг возлюбить его сейчас? Во-первых, воздержись, чтобы не ответить тебе тоже бранью. Далее воздержи свой помысл от дурной мысли об этом человеке и так дальше. Значит, первый шаг к любви — воздержание. Оно же приводит и к помощи Божией. А помощь Божия тогда делается для тебя необходимой, когда ты станешь на воздержание от чего бы то ни было. Тут ты увидишь, что твоих собственных сил слишком мало, что тебе необходима помощь Божия, и станешь просить ее всем существом своим. Так приобретается истинная молитва. Потом, во время поста наше обычное говенье, исповедание грехов и причащение Святых Таин, кроме тех даров благодати, которые подаются нам при исполнении всего этого, напоминают и подвигают нас к тому величайшему покаянию, к которому мы должны прийти жизнью. Напоминают о том исповедании, которое должен принести человек непосредственно Господу, в глубочайшем познании своего падения и величайшей греховности своего естества, за которым должно последовать вечное соединение с Господом Иисусом Христом. Вот блага, которые происходят от поста. Не станем бояться его и того, что проведем его не так, а станем радоваться, что он так спасителен!»

Так всегда, при всяком удобном случае, учила матушка игуменья своим живым словом, учила еще более примером своей жизни, своей безграничной любовью и верой в Бога, своим состраданием к людям. Слово ее никогда не было резким, обличительным; наоборот, в нем всегда видна была нелицемерная любовь и сострадание к людям, к их немощам и даже порокам. Не осуждая никого, она лишь глубоко скорбела о падении человека, которому спешила подать руку помощи. Оттого-то, может быть, слово ее и производило такое глубокое впечатление. «Не раз случалось, пока дойдешь от матушки до своей келлии, столько прольешь невыразимо сладких слез, чувствуешь, точно вся душа изольется в слезах, так сильно действовало живое слово матушки», — говорила одна из ее учениц.

Рассказывают так об одном трогательном случае, бывшем в первые годы ее игуменства: в монастыре находилась тогда одна монахиня А., уже немолодая, но, к несчастью, одержимая страстью пьянства.

Много терпела обитель из-за нее неприятностей и укоризн, но ни уговоры других сестер, ни насмешки посторонних, ни даже наказание не могли подействовать на нее. Находясь почти всегда в пьяном виде, она потеряла даже и образ человеческий и была в презрении у всех. Раз в таком нетрезвом виде отправилась она в соседнюю станицу, откуда была доставлена домой почти без памяти. Об этом доложили игуменье. Дня через два, когда она немного отрезвилась, матушка зовет ее к себе. Со страхом, едва дерзая поднять глаза, почти с отчаянием в душе, переступает виновница порог настоятельского дома в ожидании наказания от молодой, строгой,

как говорили, начальницы. И что же? Матушка Арсения зовет ее в свою комнату и там, как родная мать, долго с любовью увещевает ее, стараясь дать понять, как огорчает она своим непотребным поведением Господа, которому обещала служить, поступая в монастырь. Давно не слыша ни от кого ласкового слова, А. упала в ноги к матушке, со слезами и чистосердечным раскаянием прося прощения и обещая никогда не пить более. «Я не требую от тебя этого, — сказала ей игумения, провидя, что она не в состоянии совершенно отстать от своей страсти, слишком вкоренившейся в ней, — только об одном прошу: не срами монашества, не выходи из стен обители в таком виде. Если же у тебя явится искушение и ты не в состоянии будешь его побороть, приходи ко мне: я буду давать тебе выпить, сколько надо». Долго беседовала с нею матушка игумения и, отпуская, обещала молиться за нее. Совсем умиротворенная, точно перерожденная, вышла А. из игуменского дома и с тех пор возымела особенную любовь и веру к своей начальнице. Хотя и случалось ей еще иногда выпивать, но поведение свое она исправила и стала опять человеком.

Между тем матушке Арсении случилось быть в Себрове, куда она ездила почти каждый год навещать отца. И вот однажды, во время разговора с своей келлейной монахиней Агнией, сопровождавшей ее, матушке было такое видение: «Я увидела себя, — рассказывала она, — что я стою в монастыре в церкви на своем месте. Монахиня А. подходит ко мне, вся в слезах, бросается в ноги, а я поспешно покрываю ее своей мантией и... прихожу в себя». Хотя это было почти одно мгновение, но Агния не могла не заметить перемены в лице матушки и стала спрашивать, что с нею. Матушка рассказала, прибавив, что, вероятно, случилось что-нибудь особенное с А., и велела записать число и час. Вернувшись через некоторое время в монастырь, они узнали, что именно в этот день и час А. скончалась. Чтобы спасти человеческую душу от гибели, матушка Арсения не щадила себя и свое самолюбие. Многие в монастыре не понимали ее, осуждали за то снисхождение, которое оказала она монахине А. Им казалось, что начальница должна была строго наказать провинившуюся. В особенности многих смутило то, что игумения даже велела ей приходить к себе в дом, когда ей придет надобность выпить. Разумеется, матушка Арсения не могла не слышать все эти разговоры, но, пренебрегая людским мнением, она все покрыла любовью. Она понимала, что угнетенное состояние духа монахини А. не вынесло бы не только наказания, но даже простого выговора и, Бог знает, чем покончила бы А., поступи с нею игумения строго.

Из учениц, близких по духу матушке Арсении, находились и такие подвижницы, как Рипсимия, впоследствии схимонахиня Пафнутия, о которой нельзя не сказать здесь хоть несколько слов. Жизнь ее протекала в полном самоотвержении и подчинении сначала схимонахине Ардалионе, а потом матушке игумении. Находясь в духовном повиновении у схимницы Ардалионы, Рипсимия говаривала: «Жив, мертв — надо исполнить слово наставницы!» Иногда же борьба была так велика, что Рипсимия заболела. «Двадцать семь горячек перенесла я, — говорила она, — стараясь не отпасть от слов матушки-схимницы». По смерти же схимницы Рипсимия всю веру свою перенесла на матушку игумению, в слова которой находила утешение и поддержку, сильно скорбя о потере горячо любимой наставницы. В 1865 году была окончена в саду маленькая келлия, готовившаяся для

затвора схимницы Ардалионы. Сюда уходила иногда матушка Арсения, отягощенная своим послушанием и желая собраться с духовными силами, и всегда брала с собою Рипсимию. Здесь они проводили суток двое в молитве, чтении, духовной беседе и, подкрепленные духовно, опять возвращались в игуменские покои. Особенно как-то любила матушка эту уединенную келлию, которую называла своей «немощью», говоря: «Если б в молитве нашей было бы меньше чувственности, то все пополнило бы ее, а то иногда мешают ей и каноны, и богослужение, и нужны нам для собранности внимания темные келлии, как моя в саду». После принятия схимы с именем Пафнутии и подвига совершенного молчания, которым она подвизалась целый год, Рипсимия стала просить матушку игумению отпустить ее в затвор, в садовую келлию, где и жила в совершенном уединении, посте и молитве. Пищу ей приносили по ее просьбе через день из игуменской кухни самую постную. Иногда же случалось, что келлейные игумении забывали о ней, и она проводила по нескольку дней совершенно без пищи за все благодаря Бога. Видя ее духовную жизнь, матушка игумения благословила ее принимать у себя сестер обители, желавших слушать духовное слово. Безропотно повиновалась она этому, хотя это послушание часто тяготило ее, тем более что сама, привыкшая всегда повиноваться наставнице, она не видела в других послушания ее слову. Однажды, уже удрученная годами и ослабевшая от усиленного подвига, она стала говорить матушке игумении, что не может больше принимать к себе сестер, что не видит в них никакого труда над собою, а себе одно смущение и расстройство души. «Да, — отвечала матушка Арсения, — чтобы послужить ближним делом и словом, мало одной любви к ним, нужно еще считать их лучше себя». Это слово глубоко запало в душу схимницы. Когда в следующий раз пришла к ней матушка, то увидела эту верную послушницу принятого слова всю сокрушенную, всю умиротворенную тишиною духовного смирения. Она мирно скончалась в 1878 году, окруженная единокровными ей сестрами, через несколько часов после принятия Святых Таин, во время чтения акафиста Успению Божией Матери.

За год до ее смерти, во время своего ревизионного объезда по епархии, преосвященный епископ Никанор, Донской викарий, посетил Усть-Медведицкий монастырь. Посещая келлии сестер, он зашел и в пустынную келлию схимницы Пафнутии. Видя старицу, всю иссохшую от поста и подвигов, он в беседе с нею уговаривал ее побереечь своего ветхого человека, чтобы не прекратилась прежде времени земная жизнь, не прервался бы подвиг духовный. Когда владыка вышел из ее келлии, то, обратясь к сопровождавшей его матушке игумении, сказал, что схимонахиня произвела на него весьма приятное впечатление.

Преосвященный Никанор не раз после этого бывал в Усть-Медведицком монастыре, заезжал и в Себрово, и всегда находил особенное удовольствие беседовать с матушкой игуменией. Он и после выезда из его епархии не прекращал этих бесед с нею в письмах и до самой смерти своей, можно сказать, благоговел перед матушкой. Когда при нем в бытность его архиепископом в Одессе в тамошнем женском монастыре умерла игумения, он просил матушку Арсению переехать к нему в епархию. Но, привыкшая к своему пустынному монастырю, матушка не согласилась на его предложение и послала по его просьбе из своей обители на игуменство в Одесский монастырь монахиню Миропию. Но и потом их

духовные сношения не прекращались, и незадолго до своей кончины он прислал ей пять томов нового издания своих проповедей с надписью: «Широкой натуре, глубокому сердцу, высокому уму, развитому христианскому чувству и игумении Арсении разнообразно-благодарный недостойнейший Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский, умирающий, просящий молитв».

Матушка Арсения тоже высоко ценила ум и необыкновенный дар слова этого знаменитого проповедника, и смерть его, можно сказать преждевременная, глубоко опечалила ее.

VII

Устроив в монастыре школу, матушка игумения приступила к осуществлению другой давнишней своей мечты, а именно к постройке в монастыре обширного храма во имя Казанской иконы Божией Матери, каковая благоговейно чтится в обители и окрестностях. В 1871 году, с согласия всех сестер, матушка игумения обратилась с прошением к архиепископу Платону о разрешении строить храм и, получив благословение, 23 июня 1873 года приступила к закладке его. Немало скорбей, трудов и бессонных ночей стоила матушке игумении постройка этого храма. Часто во время успешного хода дел вдруг являлось какое-нибудь препятствие, которое, казалось, должно было надолго остановить работу, но тут же являлась и неожиданная помощь, которая, как особенная милость Царицы Небесной, покровительствовавшей своей избраннице, укрепляла бодрость ее духа. Не раз бывало, когда матушка,

Станица Усть-Медведицкая. Преображенский монастырь (вид с северо-востока)

истратив все последние деньги, с тоской и болью в сердце думала, чем придется расплачиваться завтра с рабочими, вдруг, на другой же день, совсем неожиданно, является какой-нибудь благодетель или с почтой получается пожертвование на святое дело, в количестве именно той суммы, которая требовалась для расплаты.

Проект храма был составлен академиком Горностаевым, который за отдаленностью монастыря от столицы не мог сам руководить работами. За него руководила ими лично сама игумения. Ничто не предпринималось без ее указаний. Входя в самые мельчайшие подробности постройки, она посвятила все свои силы этому делу, не щадя ни своего здоровья, ни покоя. С самого раннего утра можно было видеть ее, с палочкой в руке, на постройке, где она часто проводила почти весь день, отрываясь только по каким-нибудь другим, требующим ее присутствия монастырским делам.

С Божией помощью постройка подвигалась вперед. Уже к началу 1877 года каменные и кирпичные кладки стен были окончены и сведен главный свод купола. После чего были поставлены белые мраморные колонны в части притвора, пожертвованные неизвестным благодетелем через Петра Александровича Брянчанинова.

Еще до начала постройки храма, матушка познакомилась с духовной семьей недавно почившего епископа Игнатия Брянчанинова — аскета и выдающегося проповедника. В конце 60-х годов, появились в печати в первый раз собранные его аскетические проповеди и биография, составленная его учениками. Матушка игумения, всегда интересовавшаяся духовной литературой, при чтении их была поражена не только высоким словом его проповедей, но, главное, тем, что учение его было поразительно схоже с учением схимницы Ардалионы. Узнавши, что родной брат его, Петр Александрович, живет в Николо-Бабаевском монастыре Костромской губернии (место покоя и кончины епископа) и что настоятелем там архимандрит Иустин, ближайший его ученик, матушка Арсения, бывши в Москве, проехала туда, чтобы поклониться праху великого проповедника и познакомиться с его учениками. Как родная, была встречена она архимандритом и Петром Александровичем, который потом стал одним из почитателей матушки и принимал постоянное деятельное участие в построении храма, помогая своими средствами, советами, и не раз, несмотря на свои преклонные годы, по просьбе ее ездил даже в Петербург и Москву по делам постройки. Всесторонне образованный человек, понимавший глубоко духовную жизнь, Петр Александрович также не мог не заметить в словах и духовных понятиях матушки Арсения много общего с дорогим для него словом покойного брата, и это обстоятельство, быть может, еще больше сблизило его с матушкой Арсенией, которой он стал выказывать преданность, безграничное доверие и почтительную сыновнюю любовь. После его смерти остался целый том матушкиных писем к нему, выдержки из которых будут помещены в конце книги.

Почти пятнадцать лет продолжался труд игумении Арсения по постройке храма, прежде чем она могла видеть его вполне окончанным и насладиться его красотой.

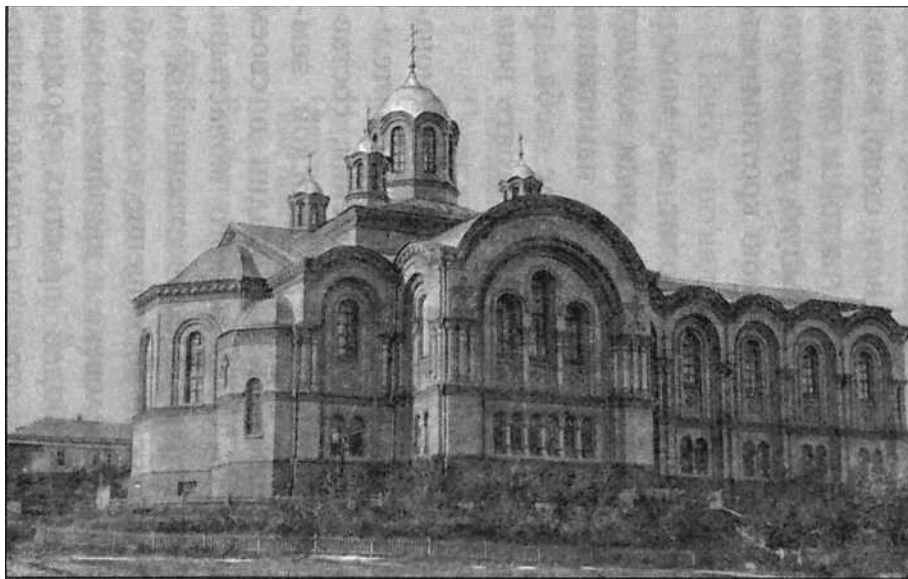
Этот храм — чудный образ духовной борьбы,
Подвиг инока в деле спасения.
Он создание твоей задушевной мечты,
Он всей жизни твоей воплощение.
Пред величием дела бессильны слова,
Им не надо речей громогласных:

Они сами, родная, поют за тебя,
Поют гимн твоей жизни прекрасной.
Величает тебя и живая душа,
Величает и камень безгласный.

Так выразил в обращении к матушке игумении один молодой поэт, случайно посетивший пустынную обитель на берегах Дона, свой восторг пред величием дивного храма и благоговейное чувство перед смиренной труженицей, строительницей его, не щадившей ничего для созидания на земле храма Тому, Кому с юных лет посвятила всю свою жизнь, Кому и в душе своей, чистой и светлой, уготовила храмину большую, устланную, убранную, всю озаренную кротким сиянием света Христова.

Да, невольно приходит на мысль: если с течением времени люди забудут имя игумении Арсении, то памятники, которые она оставила после себя, те «камни безгласные», будут стоять века, напоминая собою о ней!

«Храм, созданный на скудные монастырские средства, трудами настоятельницы и инокинь, без сомнения, составляет украшение всей Донской земли», — пишет Д. Н. Правдин в своем очерке Усть-Медведицкого монастыря. И действительно, величественный храм этот приводит в восхищение всякого образованного человека и вызывает слезы умиления у людей простых сердцем. Редко можно встретить столько изящества, столько вкуса, столько простора и

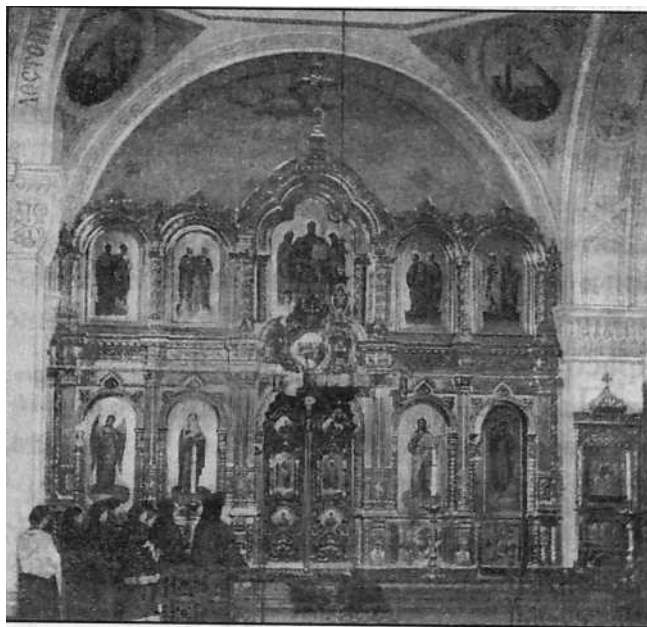

Собор во имя Казанской иконы Божией Матери

света, как в нем. Начиная с иконостаса, сияющего тонкой золоченой резьбой, с чудной живописью работы иеромонаха Троице-Сергиевой Лавры отца Симеона, поддерживаемого шестью мраморными колоннами в части притвора, с дивным куполом, в котором изображена Святая Троица, окруженная Архангелами и Ангелами, и кончая самыми мельчайшими деталями, он весь воплощение красоты и изящества!

Под сводами его внизу, почти в земле, находится еще один храм, с алтарем,

освященным во имя преподобного Арсения Великого. Он сооружен на средства сестры матушки игумении, монахини Марии. Здесь нет ни блеска, ни света, ни ярких красок, но своей своеобразной красотой, таинственным полумраком он как-то особенно действует на душу, располагая к молитве и созерцанию. Молясь в нем, невольно переносишься мыслью к первым векам христианства, когда верные должны были совершать службу, возносить свои

Внутреннее убранство Казанского собора

молитвы Господу в подземных катакомбах. Иконостас же напоминает другое время — время процветания монашества, пустынножительства. Рядом с местными иконами, с одной стороны изображен первый пустынный — Иоанн Креститель, с другой — Арсений Великий и, наконец, Мария Египетская. Сколько примера, живой веры, чудных подвигов, великого самоотречения! Этот храм теперь особенно дорог сестрам монастыря: под сводами его покоится прах так горячо любимой ими, незабвенной для них, игумении Арсени и сестры ее — монахини Марии. Сколько слез, сколько вздохов, сколько молитв возносится теперь там, при слабом мерцании лампад над их могилами.

В части же притвора (или трапезной) взор невольно останавливается на тех изречениях об иночестве, которые написаны на каменных столбах, поддерживающих своды храма. Много можно передумать, перечувствовать, пережить душою, читая эти мудрые слова святых отцов. «Инок есть бездна смирения, — читаешь на первом из них и дальше. — Инок есть страж чувств — души безмолвие — молитвенник за мир — высота преподобия». — «Преподобия, или уподобления Христу», — как объясняла матушка Арсения. Каждое изречение — это целый путь труда над собою для тех, кто решится стать на него! И в этом дивном, полном света и простора храме, возвышающемся над землею своими главами и крестами, и в полумраке нижней церкви, и в этих глубокомысленных изречениях, начертанных на столбах, видна одна и та же мысль, одно и то же

стремление, один и тот же молитвенный порыв к небу, к Престолу Царя царей, которыми была переполнена душа строительницы.

VIII

Игумении Арсении было недостаточно тех трудов, которые несла она при постройке храма. 10 июля 1874 года, в день памяти святого Антония Печерского, смиренная подвижница приступила еще к новому дивному подвигу. Проводя весь день в заботах о постройке храма и других делах по управлению обителью, она по ночам начала рыть пещеры. Что заставило ее взять на себя столь великий труд, неизвестно. Чувствовала ли она необходимость смирать свою плоть физическим трудом, или сердце ее, переполненное любовью к Богу, не знало, чем выразить эту любовь? Про то ведала ее душа, да сердцеведец Господь. Но пещеры эти воочию показывают нам как чрезмерный труд ее подвига, так и то, что, действительно, сила Божия в немощи совершается. Невозможно подумать, чтобы слабыми женскими силами могли быть вырыты те пещеры, которые существуют в монастыре, да притом вырыты руками, непривыкшими к физическому труду. Понятно, что и тут действовала особая сила Божией благодати.

Пламенная любовь ее к Богу, казалось, не знала пределов, ей хотелось прославить Его святое имя не только на земле, где воздвигла она Ему алтари, но и глубоко под землю желала она изобразить то, над чем чаще всего останавливался ее ум, чем всегда было переполнено ее сердце. *Дажь ми, да сердце мое не судит то что ведати, точию Тебе распята*, — сказано в акафисте Страстям Христовым. Не этой ли мыслью, не этим ли святым желанием горело сердце подвижницы, когда она бралась за свой подвиг?

Посвящая Богу все свои труды, каждую свою мысль, игумения Арсения возымела желание изобразить в недрах земли последние дни земной жизни Господа Иисуса Христа, Его страдания и крестную смерть, а также ублажить там страдания Божией Матери во время распятия Ее Божественного Сына. Пред этими страданиями Богоматери матушка Арсения особенно благоговела. Она всегда желала составить особый акафист, где бы выразить благоговение и сострадание христианской души к материнской скорби Божией Матери. По этому поводу она даже обращалась письменно к одному священнику.

«Вы имеете дар от Бога прославлять акафистным пением Господа и Его угодников, — писала она ему. — Думаю, вы могли бы, при помощи Божией, исполнить одно давнее желание моей души, составить один акафист, который я духом возношу, обношу в сердце, но словом выразить не могу, не дано мне этого дара. Еще с самых молодых лет я любила читать акафист Христовым Страстям, поклонение им в стихах, составленных святителем Димитрием Ростовским. Знала я их наизусть, занимаясь иконописанием, читала и пела их на гласы, умиляясь душою, сокрушаясь сердцем. При этом я вспоминала то страдание, которое претерпела Пресвятая Дева, Матерь Божия, при страдании Своего Божественного Сына. Как поразила Ее весть о предании Господа Его учеником, как мучилась Она во время суда над Иисусом, во время Его поругания и все дни до Воскресения Христова. Мне всегда хотелось ублажить эти великие страдания Пречистой Девы, я желала, чтобы

Царица Небесная подала кому-нибудь из православных мысль и усердие убожить Ее страдание, подала бы дар составить акафист Ее страданию с того времени, как Она после сорока дней пришла в храм с Предвечным Младенцем и надеялась слышать о нем пророчества, предвещающие Его славу, а вместо того святой Симеон Богоприимец пророчествовал Ей, что оружие пройдет душу Ее. Потом страдание, когда в Иерусалиме Она потеряла Господа Иисуса и искала Его *боляще* три дня. Так идет воспоминание через всю жизнь Богоматери. Недавно я вспомнила о вас, и с тех пор ежедневно моя мысль обращается к вам и мое чувство говорит мне, что Царица Небесная поможет вам убожить Ее страдания и согреет ваш дух, чтобы составить умиленное пение в честь Ее скорбей. При этом я позволю себе высказать несколько своих желаний. Из всех акафистов, составленных в честь Богоматери, один акафист Благовещению (отчасти еще Успению) производит на душу такое действие, что представляет ей Самую Богородицу Царицу Неба и земли, Виновницу нашего спасения. Другие акафисты, составленные в последнее время, имеют земной отпечаток. В них составлены умиленные моления, но все больше прошения земных благ или излияния земных скорбей! В акафисте же Благовещению изображены, сколько возможно уму человеческому, самые свойства Богоматери. Так бы желала моя душа, чтобы в акафисте страстям Богоматери не были изображены Ее скорби и терзания — эти чувства Ее уже изображены в плаче Пресвятой Богородицы о распятии Господнем. Мне хотелось, чтобы всякое событие, каждое воспоминание о пережитых Ее страданиях, говорило об Ее твердой вере, об Ее неуклонной надежде, об Ее безмерной любви к Господу Сыну своему. Чтобы эти духовные Ее дарования являлись в ней выше Ее материнских чувств. Ее любовь к человечеству, которое пришел Господь спасти и ради которого Он страдал, была бы ясна в Ней, стояла бы выше личных Ее чувств и показывала бы Ее высокое самоотвержение. Самое уничтожение Господа, не приводящее Ее в отчаяние, являет в Ней Ее глубокое смирение. Ее отвержение мира, презрение Ею чести и славы ради великих целей, которые Она прозревала Своей пречистой душой. Она желала вместе с своим Божественным Сыном этого великого жертвоприношения и, умирая вместе с Ним, неуклонно веровала, что это бессмертное Семя, бросаемое в землю, принесет плоды жизни вечной для всего человечества.

В акафисте Страстям Христовым, столько величества, Божества... Изобразите нам великий образ Его Пречистой Матери, изнемогающей под тяжестью страданий Ее Предвечного Сына и предстоящей Ему неуклонной верою и любовью вполне самоотверженною. Я не прошу вас написать его сейчас или вскоре. Пусть это будет труд многих лет, произведение не ума, а умиленного сердца, слова не умышленные, но из сердца вылитые во время молитвы. Я уповаю, что Господь поможет вам убожить страдание Богоматери и тем утешить мой дух и многих верующих».

Неизвестно, что ответил матушке Арсении священник и был ли написан им желаемый ею акафист, но письмо это, как живое слово самой матушки, ясно изображает то высокое состояние ее духа, ту горячую любовь к Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери, те святые чувства, которыми было переполнено всегда ее сердце, и тем более в то время, когда бралась она за свой новый труд.

Ход в пещеры — из притвора Арсениевской церкви. Пред входом — маленькая комната, где раздают богомольцам свечи. В этой комнате над дверьми, ведущими в

пещеры, — изображение

Страшного суда; пройдя из них узким коридором несколько шагов, встречаются другие двери с иконой над ними — Вход Господень в Иерусалим. Отсюда начинается спуск в пещеры, которые имеют направление в гору на юг, на расстояние 77 сажен (примерно 165 м. — *Ред.*). Устройством своим они напоминают пещеры Киево-Печерской Лавры, стены, потолки грунтовые цементированы, пол кирпичный тоже залит цементом. Главный ход пещер назван матушкой Арсенией «Крестным путем Спасителя», здесь по стенам висят иконы с изображением последних дней жизни Иисуса Христа, начиная с моления Спасителя о чаше в Гефсиманском саду и кончая Голгофой, где в углублении стены крест с распятым Спасителем во весь рост и предстоящими Божией Матерью и любимым Его учеником. Другую часть пещер матушка назвала «Страстным путем Божией Матери», в память страдания Царицы Небесной, которое испытывала Она, спеша к месту казни Своего Божественного Сына. Напротив того места, где изображено падение Спасителя под крестом, находится икона Божией Матери, именуемая «Семистрельною», или «Симеоново проречение». Это место изображает собою тот момент, когда Пресвятая Дева, спеша к Своему возлюбленному Сыну и увидя Его падшим под тяжестью креста, почувствовала, что оружие прошло ее душу.

Рыла пещеры матушка Арсения не одна. В этом помогали ей некоторые из ее близких духовных дочерей и келлейные: монахини Никодима, Агния и Викторина (впоследствии — схимонахиня Тихона), особенно преданная своей игумении. Ей в последние годы своей жизни матушка Арсения не раз открывала просветленное состояние своего духа и, видя ее смирение, кротость и сосредоточенную жизнь, пожелала еще при своей жизни постричь ее в схиму.

«Работая в пещерах, — рассказывали они потом, — матушка все время или творила молитву Иисусову, или читала акафист Страстям Христовым, да семнадцатую кафизму Псалтыря, которую знала наизусть и нам велела выучить. Лишние разговоры, кроме самого необходимого, матушка строго запрещала. Скажет, бывало, то, что нужно, и опять за молитву. Утомившись же, вместо отдыха пламенно, долго молилась у Распятия и с обыкновенным бодрым духом опять принималась за работу». Нередко случалось во время работы, что большие глыбы земли падали на пещерниц, но матушкиными молитвами никакого несчастного случая с ними не было. Однажды огромный камень вместе с землей свалился сверху и чуть было не убил саму матушку Арсению. По счастью, стоявшая позади келлейница вовремя заметила в своде большую трещину и, не потеряв присутствия духа, успела столкнуть матушку с места, так что упавший камень лишь слегка задел ее за спину, не причинив ей никакого вреда.

В конце пещер матушка Арсения предполагала устроить церковь и даже вырыла для этого место. Но осуществить это желание не хватило у нее ни здоровья, ни сил, окончательно подорванных чрезмерными трудами. Пещеры были окончены ко дню освящения Арсеньевской церкви и теперь часто посещаются богомольцами, в особенности из простого народа, всегда с любовью и вниманием слушающих рассказ монахинь о том, как трудилась матушка игумения, сама роя пещеры.

Но, несмотря на все свои великие подвиги и труды, матушка игумения не

оставляла своих близких учениц и духовных детей без слова назидания и утешения. Кроме казначеи Леониды, дворянки Московской губернии, поступившей в Усть-Медведицкий монастырь в 70-м году и особенно расположенной к матушке, матушка Арсения приблизила к себе еще двух молодых послушниц, из которых одна была племянница покойной схимонахини Ардалионы и всегда пользовалась особым попечением и заботами матушки. Другая же, Екатерина Михайловна Веденина, впоследствии монахиня Святослава, отличалась выдающимися духовными понятиями, даром слова и даже поэтическим настроением. Она писала стихи, большею частью посвященные матушке игумении Арсении, в которых трогательно изображала свою благоговейную любовь к духовной наставнице. С ними матушка игумения часто делила время, много читала святоотеческих книг и говорила, желая вложить в их душу те понятия, которые открывал ей Господь. Некоторые слова ее, записанные монахиней Святославой, так поучительны и так ясно характеризуют светлую личность матушки, ее понятия и взгляды на жизнь, что нельзя не привести их здесь. «По прошествии сорока дней после моего пострижения в рясофор, — вспоминает мать Святослава, — я с другими сестрами была у матушки игумении, она говорила: «Вот, сестры, прошло уже сорок дней с тех пор, как вы произнесли обет посвятить Господу свою жизнь, нареклись невестами Христа, и в течение этих дней вы старались нести подвиги, какие кто мог: воздерживались от пищи, от сна, переносили с терпением оскорбления, одним словом, старались охранять себя от греха во всех его видах. Не думайте же, что теперь по окончании сорокоуста все кончено, можно покончить и с подвигами. Не покончить, а усугубить нужно теперь ваш подвиг. В эти дни вы только, так сказать, приучая себя к подвигам, делали первые уроки, теперь нужно идти далее. Я сказала, и вы сами знаете это, что вы получили название невест Христовых. Как же мы должны вести себя, чтобы быть достойными этого названия? Возьмем в пример невесту, обрученную земному жениху. Какая ее главная забота? Она постоянно занята мыслью о своем женихе, постоянно заботится о своем туалете, чтобы все на ней было чистенькое, хорошенькое, идущее к ее лицу, чтобы, когда он придет, то любовался бы на нее. Что же возбуждает в ней такую заботу? Конечно, любовь! Итак, если невеста, обрученная земному, равному ей человеку, так заботится о своей красоте, то какова же должна быть забота ваша, забота невест, обрученных нетленному, вечному, прекраснейшему Жениху? Во-первых, нужно приучать свои мысли не носиться туда и сюда, не заниматься мелким, ничтожным, а постоянно иметь в уме Его — Жениха. Нужно постоянно, ежечасно, каждую минуту возносить к Нему свою мысль. Ему мы обещали всецело свое сердце. Он — наша жизнь, Он — цель нашей жизни, Он — наш свет. Что выше, что прекраснее Его? К чему будем стремиться? Что искать, кроме Его? Постараемся же украсить добродетелями нашу душу для вечного Божественного Жениха...

Если же нет такой горячности, любви (что очень может быть вследствие прежней рассеянной жизни), то поставьте себя в положение должника. Когда вы должны кому-нибудь, то долг тяготит нас; вы заботитесь о скорейшей уплате, во многом откажете себе, говоря: «Нет, уж лучше я обойдусь как-нибудь без этой вещи, лучше употреблю эти деньги на уплату долга!» Иногда откажете себе в покое и сне, думая: «Что же? Я проспую, и время пропало; лучше посижу лишний час за работою, за

которую получу плату, развяжусь с долгом». Так же и в пище, и во многом другом. Как же велик наш долг пред Господом? От него мы получили жизнь; земля, на которой мы живем, — дело рук Его, воздух, которым дышим, все, чем питаемся, и одеваемся мы получили от Него. Мало этого, мы избраны Им из суетного мятежного мира и приведены в это тихое пристанище. Не по дорожим же ради Господа нашим покоем. Отделим час или кто сколько может от времени, определенного на сон, и употребим его на молитву, чтобы, отрешившись от всех забот, всеми силами ума и души поблагодарить Пекущегося о нас постоянно. Откажем иногда себе в пище, чтобы что-нибудь потерпеть ради Господа, считая этот свой ничтожный труд платою за неисчислимые благодеяния Божии».

Желая внушить своей духовной дочери памятование о смерти, столь необходимое для монаха, матушка однажды сказала ей: «Монах должен иметь три помысла, говорят святые отцы: о смерти, о суде и о воздаянии. Я стала приобретать памятование смерти, когда стала игуменией. Принявши дела и попечения об обители, я ужаснулась тому, что эти попечения поглотили мой ум. У меня не оставалось времени подумать о душе. И вот я стала памятованием о смерти заниматься в церкви. Я говорила себе: ну, что если Господь вот сейчас, сию минуту, призовет меня, ведь останутся же эти мои дела, оставлю же я их. Входя в церковь, я говорила себе, что я умираю, чтобы не врывались в мой ум заботы и попечения, хотя они и законны по земному... Над приобретением памяти о смерти нужно потрудиться, как вообще над каким бы то ни было приобретением, — ничто не приходит само. Памятование о смерти приведет к помыслу о суде... Страшен час смерти, но все же и после исхода из тела, душа продолжает жить в мире, созданном для нее. Но что же будет с душою, когда весь этот мир, в котором она жила, с которым соединена неразрывными узами, весь этот вещественный мир уничтожится, сгорит, перестанет существовать? Уничтожиться, умереть вместе с ним она не может, но и к жизни другой, высшей, она не имеет в себе способности. Вот к каким помышлениям приводит память смертная. Нужно ее приобрести. Поставь же себе за правило: час в сутки размышлять о смерти».

О молитве же она учила так: «Молиться нужно со страхом и трепетом, сознавая свое падение и ничтожество, пред величием Бога. Если же нет этого, то хотя со вниманием к словам молитвы, если же нет и внимания, то с самоукорением. Что приобретается молитвой Иисусовой? Во-первых, вера к имени Иисуса Христа, вера, что оно свято и сильно, что Иисус Христос — жизнь для души, что без Него душа мертва, что в Нем едином — спасение. К Нему душа обращается, как к живому. Потом приобретается и зрение своего падения, своей греховности».

Однажды на замечание, высказанное матерью Святославой, что она не слышит вовремя голоса совести, чтобы удержаться от греха, матушка сказала: «Человеку при сотворении дан был внутренний закон, и он не нуждался в писанном законе. По падении тот же самый человек, получивший свое бытие от Творца, пользующийся всеми благами от Него же, настолько отдалился от Господа, что совершенно забыл о Нем, утратил понятие о Боге и об отношениях к Нему и ближним, так что нужно было сказать: «Аз есмь Господь Бог твой. Соблуди такие-то отношения ко мне и такие-то к ближним». Вследствие общего падения и отпадения от Бога, голос совести слаб вообще у всех. Но, кроме этой общей причины, у каждого человека есть и

другие, его личные недостатки, заглушающие внутренний голос. Самоуверенность и довольство своими поступками происходит от совершенного неведения своей души, что очень вредно, потому что ведет к законничеству. Человек, удовлетворяющийся своими поступками, не сознающий всю недостаточность своих действий, не пойдет далеко. Человек, ищущий только справедливости или земной правды, скоро закончит свой путь, тогда как стремление к уразумению, или познанию, правды Небесного Бога — бесконечно, как бесконечен Господь — цель этих стремлений. Если человек действует по правде земной, то значит он не признает Небесную правду, потому что они совершенно различны. На земле Небесная правда пригвождена к кресту». В другой раз, уча ее снисходительно относиться к немощам ближних и покрывать их любовью, матушка говорила: «Ты образ и подобие Божие, значит, нужно очистить, просветить в себе этот образ, который потемней страстями. Страсти живут в душе человеческой, и мы их не всегда видим в себе и понимаем. Вот и живет человек как будто тихо и спокойно до времени, потом вдруг представляется какой-нибудь случай, и страсти сильно обнаруживаются. Вот тогда этот случай не нужно упускать — он послан Богом для того, чтобы человек познал свои страсти. Ты чувствуешь в настоящее время зависть и нелюбовь к ближним, увидела в своем сердце как бы нарыв какой. Как же теперь лечить его? Не нужно стараться заживлять его только сверху, потому что, если сверху ранка затянется, то гной останется все-таки там и может заразить всю кровь. Нужно разрезать, расковырять этот струп, выдавить из него все, тогда заживлять. Нужно не бороться с помыслом, осуждающим ближнего, говоря себе: «Эта сестра вовсе не такая, это только мне так кажется; это искушение», и прочее, нет, надо узнать ее немощи ближе, не отвращать от них взора, приблизиться к ним, прочувствовать болезненно, сердцем, всю тяжесть их, не видеть их чужими, потому что они — сестры, но общими человеческими, своими собственными, переболеть их, перестрадать и потом простить их всем своим братьям, потому что они уже искуплены, прощены Христом. Или так — это еще понятней: когда ты кого-нибудь страстно любишь, например своих родных, то как ты страдаешь их страданиями, несешь вместе с ними их тяжести, бережешь их от всякого зла в своем уме. Это да послужит тебе уроком, что так должна ты любить каждого ближнего. Конечно, это не вдруг, не в один день и не в один месяц, нужны годы для этого, нужно не оставлять труда и с помощью Божиею достигнуть желаемого. У нас так бывает: вчера враги — сегодня примирились — друзья, но нужно шире обхватывать духовным оком жизненные случаи, глубже понимать их. Все обстоятельства жизненные для того и посылаются Богом, чтобы человек учился в них, извлекал для себя из них духовные уроки. Они все пройдут, когда повернется колесо жизни, но с чем останется душа?»

И еще так говорила она: «Самоотречение есть как бы покров для монаха, единственный покров, в котором мы успокаиваемся. Отвергни свой ум, свои взгляды, свои суждения, предоставь дела всех в волю Божию и в их самих, а тебе ничего не нужно, кроме Господа, в котором твое спасение. *Проклята земля в делах твоих*, — сказал Господь Адаму, — *тернии и волчцы произрастит она тебе*. И далее: *В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишься в землю из нее же взят (Быт. 3, 18–19)*. Верно слово Господа, и произрастает земля нашего сердца терн и волчцы, то есть страсти и грехи до тех пор, пока не возвращается наш ветхий

человек Адам в землю. И только в поте лица, в великих трудах духовных вкушает он хлеба — духовных дарований. Страсти и грехи не перестают возрастать в сердце нашем до смерти, но все же они перестают так властительно обладать сердцем с тех пор, как оно вкусит молитвенных духовных состояний. С тех пор они уже теряют свою сладость, сердце познало другое, высшее наслаждение, и это наслаждение как бы дает ему силу отвращаться от грехов и страстей. Душа там найдет Господа, где потеряет себя. Старайся сохранять мир душевный во всяких случаях».

«Цель жизни монашеской (говорила матушка Арсения в своих беседах) — чистота сердца. *Блажени чистиши сердцем, ибо они Бога узрят*, а чистота сердца приобретается жительством по заповедям Божиим. Только заповеди очищают сердце. Поэтому постоянным трудом должно быть направление своего сердца поступать по заповедям Божиим. Во-первых, возлюби ближнего, как самого себя, — это первая степень, а дальше — люби врагов и положи душу за други своя. Потом заповедь о прощении: простить ближнего во всем, чем он тебя обидел, кажется, одно дело, а сколько в нем очищения для сердца, при прощении — и самоотвержение, и смирение. Закон страстей, закон гражданский, уничтожается законом духовным; прости не потому, что заслужил человек прощение, но потому, что Христос простил распинателей и молился за них. Нужно направлять свое сердце к хождению по заповедям Божиим. Нужно стараться усвоить свое сердце Христу уподоблением Ему. Апостол говорит: *Подобии мне бывайте, яко же и аз Христу (Кор. 11, 1)*, а Господь говорит: *Аще заповеди моя соблюдете, пребудете в любви Моей, якоже и аз заповеди Отца Моего соблюдох и пребываю в любви Его (Ин. 15, 10)*. Значит, любовь Христову и уподобление Ему можно приобрести неуклонным исполнением Его заповедей. Мы же не только не исполняем заповедей, мы не знаем их, они чужды нашему сердцу. Христос есть Бог — необъятное, беспредельное, совершенное Существо. Херувимы, бесплотные силы с светлым умом и чистой волей, стремятся несколько тысячелетий к познанию Его и еще целую вечность будут стремиться. А мы слабые, падшие человеки, с умом, помраченным грехом, с извращенной волей, но с желанием уподобления Христу, не находим себе дела. Успокаиваемся, когда несколько соберется наш ум, когда можем немного помолиться в мире сердечном, точно это предел искания. Будто далее идти некуда... *Тецыте, тецыте, да постигнете*, значит, спешите, не растеряйте дорогого времени; жизнь так коротка для такой великой цели, какова наша — уподобление Христу! Нужно отсесть плотские страсти (что сопряжено с болезнями телесными), потом сердечные, далее помыслы — но разве это все? Мне все хочется представить вам, как обширно поприще труда над собою. Мне кажется, что в глазах ваших почему-то узок горизонт, мал круг деятельности в жизни духовной. Всегда, при всяком случае надо искать указания, как поступить по заповедям Божиим и легко будет на душе...»

«Мы жестоко ошибаемся, ища на земле совершенного блаженства (еще так говорила она). Полнота души — Господь. Он есть высшее совершенное блаженство, и пока Он не вселился в душе, жизнь ее — томление и скорбь. Если случится увлечься кем-либо, то это временное утешение оскверняет сердце, делает его более неспособным к принятию Господа, одним словом, отодвигает его от цели. Но и

увлечение не есть погибель. И эту свою немощь надо понести, нужно под нее подклониться, убедивши себя, что все страстное и плотское, в чем я живу, и есть мое достояние, а остальное все Божие. И не проходи мы через острые, сильные страсти, мы не увидим мелких, в которых все погрязли. Итак, не смущайтесь, не малодушествуйте, если когда и борют страсти. Я помню себя в молодых годах и еще одну сестру. Мы скорбели, что нам не с чем бороться, что нет возможности приобретать венцы, нечем доказать любовь к Господу и желание пострадать ради этой любви».

«Если мучит тебя зависть по отношению к ближнему (говорила матушка), не осуди его, уступи ближнему, сочти себя хуже его, пожелай ближнему всяких благ, помолись за него. Зависть умаляет, представляет узким Господа, подателя всяких обильных благ. Зачем только мне одной блага, а другим не надо? У Господа так много их. Он щедро изливает их не только на достойных, но и на грешных, даже на неверных, изливает на все творения, на каждую былинку. А мы мучаемся этим, хотим сосредоточить только в себе всю милость, все блага Творца. Да разве это возможно?»

В другой раз матушка сказала: «Не скорби, что не видишь в себе ничего доброго, даже не ищи добра в себе. Человеческое добро мерзость есть пред Господом. Радуйся своей немощи, своему бессилию. Истинное добро есть Господь, Он разум, Он и сила. Молись, чтобы Он наполнил твое сердце, чтобы Он, как истинный свет, просветлил твой разум, чтобы Он был силою, в тебе действующею, чтобы Он царствовал в тебе. Твое же все навсегда останется немощным и бессильным. Молись так: «Да будет во мне Твоя воля, Господи, да будет во мне Твоя сила, все побеждающая, все устрояющая». Вся жизнь твоя да будет стремлением к Господу. Во время всяких искушений, во время болезни, одним словом, — в каком бы состоянии ни находилась твоя душа, направляй твои мысли к Господу. Нужно пройти через все немощи естества и всегда стремиться к Господу. Ты ведь монах, а монашеский чин потому и называется ангельским, что монах, как ангел, должен стремиться к Единому». Матушка говорила, и было видно, что она знает по опыту, что в неочищенное сердце не может вселиться Христос, какой бы способ кто ни употреблял. Утверждала необходимость борьбы, необходимость уничтожения ветхого человека и обновления нового. Делила она всю жизнь человека на три части. Первая — жизнь по страстям, когда человек живет по всем хотениям плоти. Потом жизнь по заповедям, когда человек борется со страстями, старается поступить по заповедям, хотя это очень ему тяжело. Он то побеждает, то побеждается. Эта жизнь борьбы с миром, когда мир, то есть люди, восстанут на него, видя, что он есть что-то другое от них, не таков, как они. Переживши этот период, человек (говорила матушка) достигает состояния бесстрастия. Тогда он любит врагов, терпит поношения и прочее уже без боли в сердце, без труда, а естественно».

IX

Не с одними только близкими по духу проводила время матушка игуменья. Она старалась найти слово утешения и другим, стоявшим далеко от нее. Часто и

подолгу беседовала она и с простым народом, входя в его нужды, горести. Все спешили к ней с своими скорбями, нестроениями и даже страстями. Любвеобильная душа ее не хотела допустить в сердце человека преобладания зла над добром, потому и на преступников она смотрела, как на несчастных людей и по мере возможности старалась облегчить их участь. Слово ее глубоко западало в душу слушательниц. Часто случалось, что те из монахинь, которые приходили к ней ожесточенными, с жалобой на своих келлейниц или соседок, уходили умиротворенными, готовыми простить ближнему всякую обиду. Любила она иногда беседовать и с светскими людьми, нередко посещавшими обитель и всегда находившими радушный прием в келлии настоятельницы, помощь и поддержку в трудные минуты жизни. Всесторонне образованная, она не оставляла и теперь светскую литературу, в особенности читала с удовольствием великих русских писателей, находя глубокую психологию в произведениях Достоевского и других; с интересом следила за текущими событиями общественной жизни, смело высказывала свои взгляды, иногда резко противоречившие общепринятым понятиям, и невольно раскрывая перед своими собеседниками всю глубину своего светлого ума и возвышенной души, она так увлекала их своей беседой, что они всегда с сожалением покидали ее.

Летом и в конце весны, когда Дон еще находился в разливе, что придавало своеобразную красоту окрестностям монастыря, матушку игуменью нередко навещали ее родственницы Себряковы и Ладыгины. Чтобы доставить развлечение молодым девушкам (своим племянницам), она устраивала поездки на другой берег Дона, где в лесу находится монастырский хутор. Иногда в более молодые годы, матушка любила сопровождать их и сама, при пении клиросными псалмов или других песен духовного содержания. В особенности во время

Игуменья Арсения и ее келлейные

сенокоса матушка Арсения старалась всегда посетить сама и доставить какое-нибудь утешение своим трудящимся послушницам, иногда привозя с собою для них

угощения, иногда устраивая чай на лугу. А они, с своей стороны, с нетерпением ожидали дня, когда приедет матушка, и не зная чем выразить ей свою преданность, они устраивали для нее из зелени и цветов кресло, пели ее любимые ирмосы, оглашая воздух своими веселыми оживленными голосами.

«Ваша матушка — поэзия монастыря», — выразилась однажды о ней одна из ее светских посетительниц. Это своеобразное выражение светского человека живо характеризует личность матушки игумении. Она, действительно, была жизнью монастыря. Она умела внести мир и довольство, умела оживить суровую монастырскую жизнь, придать силу и энергию проходящим ее. Скажет ласковое слово, взглянет милостиво, и точно солнце согреет землю, станет тепло и светло всем окружающим. А случится какая-нибудь скорбь, матушка игумения всегда находила слова утешения, знала, чем успокоить скорбящего. И не одни монастырские, но и мирские люди часто обращались к матушке за помощью. И скольким, скольким помогала она, лишая себя часто и самого необходимого... Скольких выводила на дорогу, оказав своевременную помощь, поддержку или давши полезный совет. Если же заболит кто из монахинь, матушка Арсения, даже в последние годы своей жизни, несмотря на чрезмерную слабость, спешила навестить болящую, часто принося облегчение одним своим приходом. Многих стариц пришлось ей напутствовать своими молитвами в иную, вечную жизнь. Казалось, смерть не так страшила их, им было отраднее умереть в присутствии своей игумении. Бывали и такие случаи, что болящие, имея особую веру к матушке, получали исцеление по ее молитвам. Так, между прочим, у старшей ее сестры, Наталии Михайловны Грековой, умирала восьмилетняя дочь от воспаления мозга. Мать была в отчаянии, и матушка Арсения, видя такое горе сестры, с усердием стала читать молитвы, акафист Божией Матери у кровати больной, которую посоветовала приобщить; находясь почти без памяти, девочка чувствовала по временам, как что-то черное, громадное надвигалось на нее; после принятия Святых Таин, она разом почувствовала себя лучше и вскоре поправилась. Также по ее молитвам поправился мальчик, племянник ее келлейной, страдавший припадками.

Иногда целый день случалось матушке Арсении проводить с посетителями. То с делом кто придет, то с душевными скорбями, то просто побеседовать с матушкой. По слову: *Грядущаго ко Мне не измену вон (Ин. 6, 37)*, она всех принимала, успокаивала, утешала и лишь вечером, оставаясь наедине сама с собой, она уходила в свою молитвенную комнату, пристроенную к ее келлии, и там в горячей пламенной молитве изливала перед Богом свою душу, молясь за всех страдающих, обремененных; или же уходила она по ночам в пещеры и предавалась там усиленному труду и молитве.

Никто из монастырских не знал, как проводит ночи их настоятельница-подвижница. Лишь по временам слабо мерцавший огонек под сводами храма выдавал там чье-то присутствие и наполнял суеверным страхом сердца простых инокинь, они часто недоумевали, откуда берется около строящейся церкви так много выкопанной земли, не замеченной ими накануне. А на другое утро, подкрепившись часом или двумя сна, игумения, бодрая по-прежнему, спешила к обедне, где в слове Божиим черпала силу на предстоящий день труда и подвига.

Многие инокини в монастыре не понимали своей игумении. Им были чужды те

духовные взгляды, которые она высказывала, непонятна та любовь, которую она имела к ближним. Они считали слабостью, когда, глубоко жалея в сердце чем-нибудь провинившуюся сестру и видя в ней искреннее раскаяние и желание исправиться, она любовью покрывала ее немощи. Когда же, ревнуя о каком-нибудь упущении монашеского правила, или негодуя на дерзкий поступок послушницы, матушка игуменья строго взыскивала или даже наказывала провинившихся, ее опять осуждали, называли взыскательной и гордой... Еще менее понятно было для них то возвышенное, просветленное состояние ума и духа, которого она все более и более достигала. Внутренняя жизнь ее, которою она жила, была скрыта даже для близко стоящих к ней... А между тем как много различных, ей одной ведомых духовных состояний переживала она в последние годы своей жизни. Случалось не раз, читая святоотеческую книгу и вдруг уяснив себе какое-нибудь особенное духовное понятие, матушка скажет своей келлейнице: «Митрофания! у меня точно завеса спала с глаз, такое понятие открыл мне сейчас Господь!» Или в другой раз говорит: «Точно дверь еще закрыта предо мной». Та же, чуждая переживаниям матушки, но любившая ее беззаветно, всегда добродушно ворчала в таких случаях: «Ну вот, вчера завеса, нынче дверь, что-то и не разберешь ничего».

С юных лет посещая церковь, матушка Арсения прекрасно изучила богослужение и притом не поверхностно только, но глубоко душою проникая в значение каждой песни, каждого слова. Часто видели ее в церкви обильно плачущею, особенно во время службы Страстной седмицы, которую она особенно любила, никогда не стояла она, не проливая благодатных слез умиления. «Скажите клиросным, чтобы они не спешили петь, — прикажет бывало она, когда поют стихиры Кресту, — ведь это такие чудные стихиры!», — а слезы при этом так и текут у нее по лицу. «Смолоду, — говорила она, — я так любила церковную службу, и думала, что если бы я была настоятельницей, то хоть один день в неделю посвящала бы исключительно молитве, чтобы двери храма не закрывались весь день». Сколько находила она утешения в церкви, сколько понятий Господь открывал ей во время службы, сколько переживала она просветленного состояния, про то ведала лишь ее чистая душа, открытая пред Богом, не затемненная никакими мирскими излишними пристрастиями. «Иногда бывает, — говорила она, — стоишь в церкви с душою, омраченной какой-либо страстью или смущением, и вдруг слово Божие, как луч какой, войдет в душу, проникнет в самую ее глубину, разгонит находящийся там мрак, всю ее просветит, укрепит».

Строго придерживаясь постановлений и обрядов Православной Церкви, матушка Арсения в особенности благоговела пред Таинствами исповеди и святой евхаристии. Говоря, по уставу монастыря, во все посты, она, по свидетельству ее духовника, часто прибегала к исповеди и не в обычное время. Бывало, отягощенная заботами, постройкой храма, она, чуть почувствует, что совесть ее обременилась греховными чувствами и помыслами, спешила звать духовника и исповедовалась ему, вполне веря чудодейственной силе этого Таинства и желая поскорей освободиться от тяжести греха. Свои, с юных лет укоренившиеся взгляды на истину веры, она твердо высказывала, не боясь противоречий и всегда горячо отстаивала свои убеждения. «Я хочу сказать о веровании моей души, — писала она однажды одному молодому искателю истины, но, к сожалению, шедшему ложным путем. — Я верую так, как

изложено в нашем православном Символе веры. Верую во Единую Святую Соборную Апостольскую Церковь. В моей душе эта вера — не простая привычка детства, но разумный выбор моей души. С самых молодых лет моя душа начала стремиться к Господу. Несмотря на впечатлительность моей натуры, душа моя ни на чем конечном не могла остановиться, ничем удовлетвориться, стремление к вечному, неизменяемому, непреходящему указало мне цель — вечного Бога. Все, что вне Его, даже монашество, даже Церковь со всеми ее обрядами и все остальное, все высокое и святое, все для меня было только путь к Нему, средство к познанию Его. Теперь, когда жизнь моя склоняется к западу, когда я могу подвести итоги многому пережитому на земле, я скажу: я исповедую, что то, к чему меня привела Церковь, для меня священно, дорого, как вечное достояние души. Поэтому Церковь со всем ее учением, со всеми ее Таинствами, обрядами, преданиями, настолько же дорога и священна, как то, к чему она руководит. И моя душа настолько верует ей, что готова жизнь положить за каждую букву ее учения, не говоря уже об остальном. Да, я готова не пощадить земной жизни за жизнь вечную, к которой она приводит. Мне понятно, что те люди, которые хранили чистоту веры, не жалели ни своего положения, ни имущества, ни даже жизни за хранение того учения, которое они признали истинным. Не служили миру те, кто жизнь свою полагал за слово Божие. Далеко от земных целей был их ум и сердце, далеко от земли жило стремление их духа. Современное нам православное духовенство я чту за то, что оно неизменно хранит учение Церкви, не убавляя, не прибавляя к нему ничего. Велика в этом его заслуга. Так как всякое убавление церковного учения я считаю огромным ущербом для душ, стремящихся прийти к Богу. Сами себя лишают они надежды опоры, верных средств, руководящих на этом пути».

20 декабря 1882 года Господь послал матушке Арсении великую скорбь: умер горячо любимый ею ее батюшка Михаил Васильевич Себряков, на 84-м году своей жизни, окруженный всеми детьми. Матушка за неделю до смерти приехала к нему и до самой кончины не отходила от его постели, служила ему днем, а ночи проводила с ним в молитве и беседе. Она благодарила Бога, что умирал он в памяти и полном сознании, что перед смертью его она могла насладиться его беседой, но горе разлуки с ним она глубоко переживала. «Хотя кончина его была самая мирная, но для меня она была так тяжела, точно я сама умирала», — говорила она своим по возвращении из Себрово. Но скорбь эта, переживаемая ею в душе, не мешала матушке продолжать свою обычную жизнь; она все так же занималась делами по управлению монастыря, все так же принимала посетителей, только еще более усугубила свой молитвенный подвиг, да чаще призывала к себе монахинь, предлагая им обильную трапезу на помин батюшки. Она велела даже рассыпать у себя на балконе зерна и хлебные крошки для птиц, говоря: «Пусть и они поминают батюшку».

Х

Между тем постройка собора подходила к концу и, наконец, наступил тот давно желанный день, когда матушка игуменья увидела совсем оконченным свое великое святое дело. Летом 1885 года храм был вполне закончен, и на 8 сентября назначено

его освящение, которое совершил преосвященный Митрофан, нарочито приехавший для этого из Новочеркасска с дьяконами, певчими и свитой. Всех же священнослужителей, участвовавших в богослужении, было более пятидесяти человек, что, конечно, придавало особую торжественность службе.

Освящение собора надолго осталось в памяти не только в монастыре, но и между окрестными жителями. Богомольцы за неделю собрались к этому дню целыми толпами, а в самый день торжества народу было до пятнадцати тысяч. Особенно торжественна и трогательна была всенощная накануне освящения. Когда же многочисленный собор духовенства в белых облачениях с возженными свечами громогласно запел величание Богоматери, нельзя было не проникнуться чувством глубокого умиления и благодарности к Царице Небесной. За обедом, предложенным гостям после освящения в монастырской трапезе, много было прочитано поздравлений на имя матушки игумении, которую все величали, как виновницу торжества, много было сказано речей, в которых восхваляли ее за ее труды и подвиги. С благодарностью и со смирением принимала она все эти вполне заслуженные ею похвалы. В чистом сердце ее не было места для тщеславия. Она от души радовалась и благодарила Бога, что он помог ей кончить дело, которому посвятила столько труда и сил. А дивный храм сиял какой-то особенной красотой, умиляя всех молящихся в нем.

Незадолго до освящения храма сильно заболела монахиня Аркадия, вследствие чего не могла быть в храме во время освящения его, о чем сильно скорбела, но Господь утешил болящую: в сонном видении видит она, что стоит в новоосвященном храме и в удивлении смотрит, что все стены его покрыты как бы узкими золотыми полосками, она подходит к стене и видит, что это не полоски, а надписи — золотыми буквами написаны имена строителей, благотворителей, жертвователей и трудившихся при построении храма. Вскоре после сего видения она скончалась. Этот случай не показывает ли нам особую милость Царицы Небесной ко всем прославляющим Ее святое имя?

15 сентября того же года был освящен и придел в новом храме в честь апостолов Петра и Павла. На этот раз торжество имело более семейный характер. Освящал придел архимандрит Иустин, прибывший из Николо-Бабаевского монастыря с П. А. Брянчаниновым и своими послушниками. Гармонический необыкновенно приятный голос отца архимандрита, редкое умение владеть им, а также хорошие голоса его послушников умилили присутствовавших в храме. После литургии все гости были приглашены в покои настоятельницы, где монахинями была поднесена ей икона Казанской Божией Матери в богатой ризе, приобретенная на наличные средства сестер. Затем гостям была предложена трапеза, длившаяся долго, так как многие говорили речи, провозглашали тосты. У всех присутствовавших замечалась особенная теплота чувств, которые каждый по-своему спешил выразить матушке игумении. Между прочим, монахиней Святославой было прочитано стихотворение, посвященное матушке, а учитель Усть-Медведицкой гимназии Д. Н. Правдин, сделав в начале своей обширной речи краткий исторический очерк монастыря, коснулся потом светлой личности матушки Арсении и в живых, ярких чертах изобразил ее духовную жизнь, ее благотворную деятельность, распространенную далеко за стенами монастыря. «Есть и другой храм, — говорил он, — мыслию о

котором прилично закончить наше слово, храм еще более величественный, более прекрасный, более ценный перед очами Того, Кому возвышают эти видимые храмы. Мы говорим о храме души человеческой, над созданием, устройением и украшением которого уже много лет трудится высокочтимая строительница сего храма. Мы не говорим уже о том, что духом ее живут инокини, что этот дух витает в обители, укрепляет, направляет и возвышает их в подвигах и трудах иноческого делания, но сколько других лиц обязаны направлением своей жизни, своим душевным просветлением и умиротворением ее мудрому совету, ее слову, всегда глубоко западающему в сердце слушателя, всегда основанному на Евангелии и отеческих писаниях. Сколько людей, обуреваемых сомнениями, истомленных внутреннею борьбою, измученных противоречиями, нередко колеблющихся в самых святых верованиях, иногда с разбитым сердцем, сколько несчастных приходило в ее келлию и выходило из нее утешенными, умиротворенными, успокоенными, с обновленной душою, с просветленным душевным взглядом, с любовью к жизни и с верою в добро, в истину, с верою в Бога, по крайней мере, с сознанием необходимости ее и с твердым намерением приобрести ее. Со всеми почитающими высокопреподобную игумению, как присутствующими здесь, так и находящимися вдали, я позволю себе высказать пожелание: да продлится жизнь ее и деятельность, столь необходимая, столь благотворная, столь богатая плодами духовной опытности, да продлится она во славу Бога, Которого она возлюбила *паче красных мира сего*, во благо обители и окружающего общества, во благо и просвещение многочисленных почитателей ее на берегах тихого Дона на многая, многая лета!»

Окончив постройку храма, матушка игумения приступила ко внешнему благоустройству обители. Вместо малых, тесных и к тому же ветхих келлий, она выстроила просторные, двухэтажные, крытые железом корпуса и обновила трапезу. Выстроила она и прекрасные дома священнослужителей, а затем обновила и некоторые экономические постройки, пришедшие в ветхость, но этим не ограничилась ее деятельность. За последние 15 лет своей жизни ею было устроено: монастырское подворье в станице Урюпинской с церковью во имя Приснодевы — в память спасения Царской семьи 17 октября 1888 года. Обновлен и богато украшен монастырский теплый храм с вновь сооруженным иконостасом из белого мрамора, изящной работы, и основан скит в имени сестры ее Аграфены Михайловны Мержановой. Похоронив мужа, Аграфена Михайловна не пожелала остаться в миру и просила у сестры — игумении благословения жить возле монастыря, на что, конечно, та с любовью согласилась. За оградой монастыря Аграфена Михайловна выстроила на свои средства большой двухэтажный дом, в котором жила 20 лет, пользуясь всеобщей любовью за свой приветливый характер и безмерную доброту. Впоследствии она приняла монашество с именем Марии и скончалась 19 января 1905 года, за полгода до смерти матушки игумении, на ее руках. Усадьбу свою с землею Аграфена Михайловна пожертвовала монастырю, где, по общему желанию обеих сестер, был основан скит и выстроена домовая церковь во имя святой Марии Египетской и святой равноапостольной Марии Магдалины. Красивая, уединенная местность усадьбы, расположенной на берегу реки Медведицы (приток Дона), старинный барский дом, окруженный террасой и большими деревьями, чрезвычайно нравились матушке игумении. Она любила летом бывать там, наслаждаться

воздухом, тишиною и не раз в последние годы своей жизни говорила, что желала бы оставить настоятельскую должность, принять схиму и жить в затворе в скиту. К сожалению, вскоре после кончины ее, скит был упразднен и дом вместе с церковью продан Анне Васильевне Чарныш. Дочь покойного брата игумении Арсении, Василия Михайловича, Анна

Храм в родовом имении сестры игумении Арсении

Васильевна, глубоко почитая память матушки Арсении, не пожелала, чтобы такая дорогая память о ней, как скитская церковь, была продана в чужие руки, как предполагала сделать это преемница матушки Арсении; она упростила игумению Леониду уступить ей дом с церковью за 5000 рублей. Анне Васильевне давно уже хотелось выстроить в своем родовом имении церковь над могилами родителей. Господь благословил ее благочестивое желание, и 17 августа 1910 года была освящена небольшая, красивой архитектуры церковь. Впервые раздался в этот радостный день церковный благовест над дорогами, родными для нее могилами...

Исполнилось желание и самой матушки игумении, которая глубоко скорбела, что любимый брат ее был похоронен далеко от Божьего храма. По словам некоторых монахинь, бывших на торжестве освящения церкви, чувствовалось, что точно душа покойной матушки Арсении присутствовала здесь, в храме, разделяя общую радость.

XI

Все эти чрезмерные труды игумении Арсении, эти непосильные подвиги, эти бессонные ночи, проведенные в сыром, холодном воздухе пещер, этот постоянный внутренний труд борьбы над очищением своего сердца и, наконец, вся тяжесть настоятельской должности, которую она несла более 40 лет, все это окончательно

расстроило слабое и без того здоровье матушки. Зимой 1904–1905 года она проболела почти всю. К тому же печальные события этого года не могли не отразиться на ее здоровье. Патриотка душою, она далеко неравнодушно переживала неудачи и потери родины. С каким нетерпением ожидала она известия о военных действиях нашей армии, как воодушевлялась она, читая подвиги наших героев и сильно скорбела об утратах и потерях. А взятие Порт-Артура глубоко поразило ее. «Порт-Артур взят, — с сокрушением и со слезами на глазах говорила она собравшимся у нее сестрам в день Рождества Христова. — Вот какой нерадостный для нас сегодня праздник». Даже за несколько дней до смерти жаловалась она доктору, лечившему ее, как тяжело переживала она это скорбное событие. «Я чувствую, что эта потеря отняла у меня несколько лет жизни», — говорила она.

Весною 1904 года умер горячо любимый ею брат, Василий Михайлович, после непродолжительной болезни. Глубоко потрясла матушку Арсению эта кончина: обильно плакала она, собираясь на его похороны и, отдав ему последний долг, измученная, больная вернулась домой. И, хотя, отдохнув, опять принялась за монастырские дела, опять по видимому стала жить для других, но от близко стоящих к ней учениц, от домашних не могла укрыться перемена, происшедшая с нею. Она точно жила через силу. В особенности же стала плохо себя чувствовать матушка Арсения по ночам. Сильные ревматические боли во всем теле не давали ей заснуть, а если и случалось ей забыться, то, проснувшись, она несколько времени была не в состоянии произнести слова от крайнего изнеможения. Только сильная вера и любовь к Богу поддерживали ее дух. «Проснешься иногда, — говорила она сама, — и чувствуешь такую сильную боль в руках и ногах, что с трудом начинаешь одной рукой передвигать другую, едва-едва перекрестишься, потом достанешь с полки (которая находилась у самой кровати) книгу — Псалтирь, прочтешь несколько слов и точно вдохнешь в себя что-то освежающее, потом встанешь, сделаешь несколько поклонов и милостию Божией почувствуешь в себе достаточно силы даже для того, чтобы пойти в церковь; а ночью думали мы с Митрофанией, что не доживем до утра. Так-то сильно слово Божие, и так дух может преобладать над плотью...» — добавляла матушка. Вероятно, она стала предчувствовать свою близкую кончину, потому что не раз заводила речь о смерти. «Надо привыкать к мысли, что меня не будет с вами, — говорила она одной молодой, преданной ей послушнице, — и учиться жить без матушки». Часто вспоминала она покойную схимницу Ардалиону, ее предсмертные беседы и говорила, вспоминая, что схимница умерла без нее: «Да, монаху хорошо умирать одному. Я желала бы, чтобы никто не присутствовал при моей смерти». Что, действительно, и случилось. Многое и другим говорила она, точно приготовляя всех к своей кончине. «Не будет меня, вспомните все мои слова», — сказала она однажды.

В ее доброй, ласковой улыбке, в особенном блеске ее чудных глаз, во всей старческой фигуре лежал отпечаток чего-то уже неземного. Какое-то особенное смирение и кротость замечались в обращении с другими. «Разве наша матушка была прежде такою», — говорили в монастыре, вспоминая свою прежнюю, молодую, полную жизни и иногда строгую, не для всех доступную игумению. «Слаба становится, видно через силу ходит, а, кажется, готова всех принять, со всеми

говорить».

Митрофания же (старшая келлейница матушки), всегда оберегавшая свою горячо любимую игумению от излишней усталости, сильно недолго любила «всех этих посетителей», как выражалась она. Добродушное ее лицо принимало строгое, суровое выражение, когда, бывало, войдя в приемную, почти всегда переполненную народом, на вопрос ее: «Что пришли?» — получала обычный ответ: «К матушке, по делу».

«Нет, уж мне эти посетители!» — сердито скажет она и со вздохом пойдет докладывать матушке, зная по опыту, как не любила матушка игумения заставлять себя ждать. «Давай им непременно матушку, — добавляет она вернувшись, — а того и не знают, как нынче матушка ночь-то провела». А ночь провела матушка Арсения всю без сна, страдая сильнейшей болью во всех суставах. Иногда же случалось и так, что сама Митрофания, помещавшаяся в смежной комнате, проболит всю ночь, и матушка игумения, забывая свою болезнь, по целым часам простаивает у кровати своей верной послушницы.

В феврале месяце матушку Арсению постигла новая скорбь. Скончалась ее невестка Анастасия Михайловна Себрякова, вдова ее любимого брата, проболевшая лишь несколько часов. Эта внезапная смерть особенно почему-то поразила матушку и она не раз говорила окружающим: «Теперь уже настала моя очередь умирать; мне кажется, что смерть точно преследует меня, точно витает надо мной, и я чувствую ее дыхание». Это ощущение настолько было сильно и так встревожило ее, что она пожелала даже в необычное время приобщиться Святых Таин. Она заказала накануне всенощную, во время которой усердно, со слезами, молилась, а на другой день, исповедавшись и причастившись, она стала чувствовать себя спокойней и тверже.

За свое с лишком сорокалетнее управление Усть-Медведицким монастырем, игумения Арсения неоднократно получала благословение Святейшего Синода, имела наперсный крест и крест с драгоценными украшениями, пожалованный ей из Кабинета Его Величества, Государя Императора, знак Красного Креста за войну 1877—1878 годов, медаль в память царствования Императора Александра III и в 1905 году была награждена Библией, выдаваемой из Синода, за монастырское училище. Библия эта была получена в монастыре уже по кончине матушки. Кроме того, она имела наперсный крест с драгоценными украшениями, поднесенный ей сестрами обители с разрешения высшего начальства в день тридцатипятилетнего юбилея управления монастырем.

25 июня 1905 года сестры Усть-Медведицкого монастыря проводили в Саров свою любимую настоятельницу. Матушка игумения, несмотря на нездоровье и сильную слабость, пожелала непременно исполнить свое обещание, побывать в Сарове и поклониться мощам дивного старца Серафима, к которому имела теплую веру. Она любила иногда побывать в святых местах, где находила отдых от своих многочисленных забот. Частые ревматические боли, иногда продолжавшиеся у нее по месяцам, также принуждали ее заняться лечением, так что она два года ездила в Крым и в Одессу на морские купания. Но никогда не провожали ее сестры с таким тяжелым чувством, как теперь, видя ее такую слабою, изнеможенною. Сама она так же точно жалела расставаться с ними. Особенно ласково, приветливо обошлась она

с монахинями, пришедшими провожать ее, может быть, предчувствуя, что видит их в последний раз. Накануне отъезда она пожелала отслужить панихиду на могиле своей духовной наставницы, схимонахини Ардалионы, во время которой горячо, со слезами, молилась, а по окончании службы подозвала к себе ризничную монахиню Веронику и показала ей место, где желала бы, чтобы ее похоронили, приказав сказать об этом казначее монастыря после своего отъезда.

Видя матушку такой слабой, многие высказывали свое желание сопровождать ее, но она пожелала взять с собою лишь одну, преданную келлейную Агнию, жившую с ней более сорока лет. «Я еду с радостным чувством, — говорила она некоторым, — так хочется мне побывать в Сарове, поклониться мощам преподобного».

В Москве матушка игуменья заболела и принуждена была пробыть недели две у своей родственницы Софии Александровны Ладыгиной, так что в Саров она прибыла только 12 июля.

Трогательными словами описывает она свои первые впечатления о Сарове в письме к казначее Леониде, полученном в монастыре на третий день по ее кончине. «Приехала я сюда такая радостная, довольная, — писала она. — В первый же день по приезде, после поздней обедни, служила преподобному Серафиму молебен с акафистом, поминала о здравии всех вас, сестер обители, и наших духовных отцов. Потом, напившись чаю, поехала в обе пустыньки батюшки отца Серафима. Самый путь туда лесом я проехала с восторгом, а дальняя пустынь меня привела в умиление и много мне доставила утешения духовного; точно отец Серафим живет еще там, следы его подвигов и теперь живы и говорят об нем так ясно, точно видишь его. Келлия его с внутренним, тайным ходом в тесную пещеру, где он укрывался от людей, когда безмолвствовал 13 лет, место, где он кормил медведя, место, где он молился на камне 1000 дней, место, где был почти до смерти бит разбойниками, все это говорит об его трудах, о его невыразимых подвигах. И я, недостойная, ходила с духовным восторгом по этим местам, собирая в лесу сосновые шишки, и мне чувствовалось, что сам он, живой, присутствует там. Потом, в ближней пустыне, я купалась в источнике. И так я была счастлива и довольна. После вечерни я заболела. Два раза я переносила эту болезнь за дорогу, но здесь с меньшими удобствами, чем в Москве. Если поправлюсь, думаю никуда не заезжать, даже в Дивеев. За один день здесь я столько получила духовной отрады, что благодарю Господа за Его милость. Думаю прямо ехать домой, где и болеть не страшно, и умереть желаю».

По приезде в Саров, рассказывала Агния, матушка игуменья пожелала пользоваться кушаньем из монастырской трапезы. Пища оказалась грубой и тяжелой, в особенности на больной желудок. На другой же день она опять заболела желудком и так сильно ослабела, что дня четыре пролежала почти без движения. Пришлось обратиться к доктору, который несколько облегчил болезнь, так что 19 июля, в день празднования открытия мощей преподобного Серафима, матушка, хотя и через силу, но могла быть в церкви. Во время обнесения мощей преподобного, она с Агнией стояла на высокой паперти теплого храма «Живоносного источника», откуда хорошо был виден крестный ход. Со слезами умиления молилась матушка, вспоминая, вероятно, в эту торжественную минуту свою родную обитель, а может быть, душа ее, переполненная духовными утешениями, отрешившись от всего

земного, готовилась к переходу в иной мир. Ничего особенного не говорила матушка Арсения об этом своей послушнице, так что Агния, видя ее бодро стоящей, далека была от мысли, что матушка доживает последние дни. Только в этот день вечером она встревожила ее, сделав ей следующий вопрос: «Агния, а в случае, если я умру, куда ты денешься?» — «Я вас не оставлю тут», — невольно как-то вырвалось у нее в ответ. «В таком случае надо сейчас металлический гроб заказывать», — сказала матушка. Вспоминая после эти слова, Агния разочла, что если бы тогда же был выписан гроб, то он как раз получился бы ко дню кончины матушки.

На другой день, чувствуя, что силы у нее не возобновляются, матушка решила остаться еще в Сарове и начала готовиться к говению, предполагая приобщиться Святых Таин 21 июля. В монастырь она послала депешу, что по болезни не может вернуться к 22-му, как хотела. Несмотря на слабость, она стала посещать ежедневно церковь, и Господь помогал ей, с великим подвигом, как сама она сказала, выстаивать службы, чему немало удивлялась Агния. Последние дни, по словам ее, матушка проводила почти все в молитве. И ходя, и сидя, и лежа в номере на кровати, она напевала ирмосы: *Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое радование, не оставль недра Отча и нашу нищету посетив, тем с пророком Аввакумом зову Ти, силе Твоей слава человеколюбце!* и другой: *Услышах, Господи, смотрения Твоего таинство, разумех дела Твоя и прославих Твое Божество!*

Возвращаясь из церкви 20-го, матушка встретила рясофорную монахиню своего монастыря Лию, приехавшую в Сэров на поклонение. Обрадовавшись ей, матушка Арсения велела переходить ей к ним в номер. Лия не ожидала видеть матушку игумению такой слабой, больной и с радостью осталась около нее, желая чем-нибудь послужить ей. Утром 21-го, готовясь приобщиться, матушка Арсения сказала своим послушницам: «Так как вы одни тут со мною из всех сестер обители, то я прощаюсь в лице вашем со всеми сестрами». Затем, чувствуя, вероятно, особенную слабость, обратясь к Агнии, прибавила: «Может быть, в церкви со мною сделается дурно, будет обморок, но ты не пугайся». Так до последней минуты заботилась она о покое других.

Пешком в церковь матушка не могла уже идти и велела нанять извозчика. Приехав в церковь преподобного Серафима, где всегда служат раннюю обедню, матушка пожелала прежде приложиться к мантии преподобного, а потом пошла на левый клирос, где монахи приготовили ей место. Приобщалась матушка на ногах, но силы почти совсем изменили ей, так что и в гостиницу она не могла идти пешком. При выходе из храма матушка особенно щедро подавала милостыню и велела Агнии подавать, не жалея денег. Тут же встретила она сестер Самарского монастыря и их обильно оделила деньгами, прося молиться за нее.

Слабая телом, но радостная, бодрая духом, вернулась матушка из церкви и, подкрепившись немного пищею, пожелала проехаться — подышать свежим воздухом. Агния наняла экипаж. Поехали сначала на почту, а потом к источнику, где она умылась. По дороге, встречая калек и нищих, матушка игумения и тут много раздавала милостыню.

К вечеру и всю ночь она не могла уже идти. Слабая до крайности, она под

вечер стала чувствовать какую-то тоску, вспоминала свою обитель, близких сестер и говорила, что душа ее тоскует, что хотя смерть не страшит ее, но что она желала бы умереть в родной обители. Желая подышать свежим воздухом, она села возле открытого окна. Уже темнело. Вдруг у нее вырвался какой-то необыкновенный, протяжный вздох, сильно встревоживший Агнию. Заметив перемену в лице матушки, Агния стала настойчиво просить позволения позвать доктора, на что матушка с неохотой, но все же согласилась. Доктор успокоил Агнию, сказав, что не находит ничего опасного, посоветовал поставить горчичник на грудь и прописал лекарство. По его уходе Агния хотела помочь матушке лечь, но вдруг она сама быстро легла на спину. Глаза ее стали большие, блестящие и радостные. Видно было, что она созерцает что-то для нее необыкновенно радостное. Медленно, молча, вздохнула еще раза два, и лицо ее делалось все светлее и радостнее. Потом еще один последний вздох — и душа ее мирно отлетела к Господу, без стонов, без мучений, а глаза остались открытыми, точно продолжала она видеть ими. Агния сама уже закрыла их, удивляясь такой мирной, безболезненной кончине.

Был одиннадцатый час ночи. Глубоко потрясенная и растерявшаяся, Агния не могла сама убирать тело почившей. Одевала ее Лия с помощью дивеевских монахинь, которых матушка видела утром в церкви. Уважаемая всеми при жизни, известная даже высокопоставленным лицам, так горячо любимая в своей родной обители, матушка игумения Арсения умерла одинокой странницей, и чужие люди убрали ее тело. Даже монашеской мантии не было с нею, и настоятель Саровской пустыни прислал свою, кожаный пояс дала Лия, а парамант (принадлежность монашеского облачения. – *Ред.*) для покрытия лица почившей, по уставу монашескому, привезли из Дивеева. Услышали о кончине матушки Арсения и самарские монахини и тотчас же поспешили прийти, предлагая читать Псалтирь у ее тела, помня, как обласкала их матушка. На другой день прах почившей положили в гроб, покрыли мухояром и перенесли, при пении самарскими монахинями *Святый Боже*, в кладбищенскую церковь, где она и находилась до отпевания. К сожалению, в церкви не позволили читать Псалтирь, его читали в номере. 26 июля был привезен из Москвы матушкиной родственницей Ладыгиной металлический гроб, в который и опустили деревянный гроб с прахом матушка Арсения, после панихиды, совершенной четырьмя иеромонахами.

ХII

Между тем в Усть-Медведицком монастыре сестры ожидали возвращения своей игумении. 16 июля казначея послала за ней лошадей на станцию Себряково. Хотя полученная потом депеша, что матушка по нездоровью не может вернуться к 22-му, и опечалила многих, но особенно никто не встревожился. Только самые близкие, преданные ученицы чувствовали в душе тоску и тягостное предчувствие чего-то страшного. И страшное совершилось!..

22 июля в 2 часа дня казначея получила роковую депешу от Агнии с известием о кончине матушки игумении. С быстротой молнии разнеслась эта весть по монастырю и ужасом наполнила сердца сестер. Стоны и плач поднялись невообразимые. Казалось, вся обитель слилась в один скорбный вопль... Кто спешил

бежать к казначее узнавать подробности, кто, более крепкий духом, успокаивал малодушных. Некоторые, не обращая внимания на других, плакали навзрыд, как осиротелые малые дети. Скорбь близких, келлейных и духовных дочерей невозможно было описать.

В 3 часа первый заунывный удар колокола раздался над монастырем и медленно, удар за ударом, понесся заупокойный звон, созывая осиротевших сестер в храм на первую панихиду по дорогой, горько оплакиваемой ими, настоятельнице. Тяжело вспомнить, что это была за панихида! Плакали все, начиная со священнослужителей и кончая мирским народом окрестных хуторов, успевшим узнать о кончине всеми почитаемой, всеми любимой матушки игумении. Монахини, послушницы, монастырские ученицы, все спешили в храм, одни выплакать свою, казалось, непосильную скорбь, другие помолиться за упокой души дорогой для всех, незаменимой в эту минуту, матери. Действительно, она была незаменима для них!

Казалось, со смертью ее монастырь лишился всего. Она была и наставница, и мудрая руководительница, и любящая мать, и тот возвышенный идеал самоотверженной, созерцательной жизни, подражать которому каждая стремилась по мере своих сил. При ней им жилось легко, беззаботно. «Как матушка благословит; про это матушка знает», — говорили они, отдавая, как дети, все свои заботы и поступки на ее решение. Случилось ли испытать какое сомнение, спешили к ней, и она нередко одним мудрым словом разрешала вопрос, над которым продумывалось несколько дней. Скорбь ли какая постигнет кого, матушка умела утешить ласковым взглядом, иногда одним каким-нибудь добрым словом, улыбкой... Ужасно было теперь сознавать им, что все кончено, что они не увидят ее больше, не услышат ее голоса, что они осиротели, остались беспомощными, а она, их горячо любимая мать, умерла далеко-далеко от них, в одиночестве, может быть, в сильных страданиях. И только мысль, что она своей праведной жизнью заслужила награду у Господа, Которого возлюбила всем сердцем, всей душою, ради Которого несла непосильные подвиги, мысль, что она своей бессмертной душою видит и чувствует их скорбь и там, у Престола Царя Славы, возносит свои молитвы за них, — как отрадный луч солнца, разгоняла мрак уныния и тоски, давая возможность сказать: *Да будет воля Твоя!*

Тут только, после ее смерти, узнали сестры и стали передавать друг другу еще об одном подвиге своей настоятельницы. Оказалось, что матушка игумения, несмотря на свое слабое здоровье, подражая древним подвижникам, носила на своем изможденном трудами и болезнью теле тяжелые железные вериги. Теперь они вместе с другими вещами матушки находятся в стеклянном шкафе в ризнице, и сестры, с умилением глядя на них, удивляются великим самоотверженным подвигам их блаженной игумении.

Между тем казначея Леонида немедленно распорядилась послать депешу преосвященному Афанасию, Донскому архиепископу. Сообщая ему о кончине матушки игумении, она просила разрешения перевезти ее прах в родной монастырь. С тревогой ожидали монахини ответа на эту просьбу. Мысль, что могут не разрешить перевезти прах матушки, ужасом наполняла их сердца. Но Богу угодно было хотя немного утешить их. Дня через два был получен ответ от архиепископа.

Высказывая свое сочувствие о кончине матушки Арсени, владыка сообщал, что,

по его просьбе, архиерей и губернатор Тамбовские разрешили перевезти тело почившей в родную обитель. Все вздохнули облегченно и стали готовиться для подобающей встречи матушкиного праха. По желанию казначеи, в Саров за матушкой поехал ее духовник отец Феодор Прокопиев в сопровождении нескольких монахинь, а в монастыре начали готовить склеп в нижней церкви преподобного Арсения, где ежедневно служили теперь заупокойные обедни и панихиды. Только в молитве находили сестры утешение и облегчение своему горю. С нетерпением ждали они встретить у себя дорогой для них прах матушки Арсения. Поклониться ему, поплакать у гроба, рассказать ей, как живой, свое горе, казалось для них большим облегчением. И вот, наконец, получили известие из Сарова, что гроб с прахом матушки должен прибыть на станцию Себряково в ночь под 30 июля.

Взволновались сестры: всем хотелось поскорей встретить дорогой прах, и некоторым удалось выпросить у казначеи разрешение выехать для встречи на станцию. В числе их, была и я, грешная! Что это была за поразительная ночь! Кажется, во всю жизнь не забыть ее нам. Еще с вечера вокзал был переполнен народом. Кроме монахинь, тут собрались жители из села Михайловки и Себрово большею частью, дети и внуки крепостных крестьян Михаила Васильевича. Все они знали матушку игумению, некоторые слышали про ее подвиги, другие же не раз были в монастыре, воочию видели ее богоугодные дела, и многим при жизни своей она успела оказать какую-либо помощь, дать добрый совет, поддержать в трудную минуту. Все они спешили теперь встретить ее прах, поклониться ему и отдать последний христианский долг. Приехала так же и племянница матушки Арсения, Александра Васильевна Комлева, а за час до прихода поезда прибыло и духовенство из села Михайловки, пожелав встретить тело почившей и отслужить панихиду. Ожидая с напряженным вниманием прихода поезда, народ расположился группами на платформе; часто слышались в толпе или подавленное рыдание, или молитвенный вздох, или сдержанный шепот голосов. Говорили вполголоса про матушку игумению, вспоминали случаи из ее жизни, расспрашивали монахинь о поездке ее в Саров, о письмах, полученных в монастыре уже после ее смерти.

Но вот, наконец, показался вдали поезд. Трудно описать тот потрясающий душу момент, когда под неудержимое рыдание сестер поезд, замедляя ход, подошел к станции. Не выдержали сестры и с громкими рыданиями бросились навстречу вагону, в котором находился прах, оплакиваемой ими игумении. Но и тут их ждало испытание. Железно дорожное начальство не хотело открывать вагон до утра, только слезы и их неотступные просьбы смягчили сердце начальника станции и он разрешил открыть вагон.

И вот гроб с телом матушки на платформе! С благоговейным чувством, окружили его все присутствовавшие... Кто плакал, кто молился, кто прикладывался к нему, выливая в слезах свою скорбь. Тут же на платформе приготовили все, что нужно для службы, и вскоре началась соборная панихида. Что это была за служба! Шел третий час ночи. Тишина какая-то особенная, торжественная, ни звука кругом, точно все замерло, внимая святому песнопению, только изредка слышалось чье-то сдержанное рыдание, шепот молитвы и на миг прерванное заупокойное пение снова несло к небу, усеянному мириадами звезд. Внизу же, кругом гроба, масса народу с зажженными свечами, возносили вместе с кадильным фимиамом свои молитвы

Творцу вселенной о упокоении новопреставленной. Было так тихо, что ни одна свеча не погасла, точно свидетельствуя, что жизнь усопшей, подобно огню, всегда горела любовью к Богу.

Странно. В эту трогательную минуту, когда, казалось, скорбь дошла до крайних пределов и слезы неудержимо текли по лицу молящихся, вдруг какое-то сладкое, отрадное чувство наполнило душу, заглушило горе, вливая мир в сердце. Отчего же это случилось? Подействовало ли так успокоительно на окружающих тихое церковное пение, тишина ли ночи утишала бурю душевной скорби, небо ли звездное ниспослало с высоты мирный привет? Кто может объяснить? Жив Господь и жива душа праведных. Думается мне, и чувствовалось тогда всем переполненным скорбью до глубины сердца существом, что в этот миг, праведная душа самой матушки Арсении покинула блаженные селения, чтобы присутствовать тут, около своего праха, утешая неземным утешением скорбный дух ее осиротевших духовных детей, собравшихся встретить ее. И не я одна чувствовала это, даже многие мирские говорили, что испытывали во время панихиды по матушке Арсении неземное, блаженное успокоение. «Несомненно, — говорил епископ Игнатий в одном из своих поучений, — что почивший находится под милостию Божиею, если при погребении тела его, печаль окружающих растворена какой-то непостижимой отрадой».

Да, несомненно, что душа матушки игумении Арсении наслаждается там, в загробном мире, райским блаженством, уготованным Господом для любящих Его. Доказательством этого не служит ли вся ее долгая жизнь, представлявшая собой целый ряд подвигов, дивного самоотречения и беспредельной святой любви. И, если Господь обещал дать награду за чашу воды, поданной одному из малых сих, то тем более получит ее та, которая с юных лет отдала всю себя на служение Богу и ближним...

Солнце уже взошло, когда процессия с гробом матушки, поставленным в деревянном ящике на приготовленные заранее дроги, двинулась от станции Себряково через село Михайловку, где возле церкви, по желанию местного духовенства, была отслужена лития и сказано соответствующее событию слово священником Иоанном Минервиным... При пении монахинями *Святой Боже* медленно двигалась процессия по улицам села в сопровождении множества народа, желавшего проводить прах матушки до усадьбы Василия Михайловича Себрякова, находящейся в восьми верстах от станции, где предполагали сделать остановку. Усадьба была в это время пуста, так как владелица ее, младшая дочь Василия Михайловича, Анна Васильевна Чарныш, проживала с больным мужем в Одессе и не могла присутствовать на похоронах матушки Арсении. За садом, невдалеке от барского дома, где возвышался крест над фамильным склепом Себряковых, остановились теперь с прахом матушки игумении и снова, по усердию михайловского духовенства, была отслужена панихида. Много было здесь пролито слез теми, кто знал семейство Себряковых. Живо вспомнилось, с какою любовью и почетом встречал всегда Василий Михайлович свою любимую сестру, игумению, когда она приезжала к нему погостить, отдохнуть от монастырских забот среди родной семьи. Горячо любимая всеми родными, она своим приездом вносила всегда радость в их семью. В особенности в последние годы, когда они с женой состарились, часто болели и оба имели нужду в духовном утешении. Теперь же все

было так чуждо и пусто кругом. Только преданные дворовые высказывали свое сожаление и сочувствие. Отсюда процессия двинулась через станицу Ардачинскую, Кепинскую, хутор Зимник и Подольховский, куда прибыли поздно ночью и где решили ночевать. С благодарностью и теплым чувством вспоминается теперь та любовь и ласки, которые оказывали простые жители станиц сопровождавшим прах монахиням. Около селений их встречала целая толпа народа, с благоговением присоединявшаяся к процессии и сопровождавшая матушкин гроб далеко за хутора. Женщины выносили хлеб, дыни и арбузы; останавливая экипажи, они простосердечно угощали, чем Бог послал, стараясь ласковым словом утешить скорбных. Когда же клиросные монахини пели *Святый Боже*, все усердно молились, даже со слезами. В Подольховском хуторе женщины-казачки просили разрешения положить на гроб матушки игумении венок из цветов и зелени. Они приносили на руках детей прикладываться к гробу и особенно заботились, чем только возможно, успокоить монахинь. Так трогательно было видеть эту неподдельную любовь простых людей к памяти покойной матушки игумении.

Наконец настал день, когда сестры Усть-Медведицкого монастыря встретили у себя прах горько оплакиваемой ими игумении Арсении. С самого раннего утра 31 июля большая часть из них отправилась в станицу Усть-Медведицкую, жители которой просили разрешения принять у себя прах матушки игумении. В ограде Воскресенской церкви гроб вынули из ящика, и сестры сами внесли его в церковь, где шестью священниками при громадном стечении народа была отслужена панихида, а настоятель церкви отец Митрофан Петров в нескольких трогательных словах выразил всеобщую скорбь о кончине глубокопочитаемой и искренно любимой всеми игумении Арсении.

После панихиды гроб был поднят и на руках монахинь пронесен чрез всю станицу при зауспокойном перезвоне и погребальном пении. Сестры желали нести его и до монастыря, но силы изменили им, пришлось снова поставить гроб в ящик и на дрогах донести его до горы Пирамиды, откуда виден монастырь. Здесь процессия была встречена всеми монахинями и послушницами во главе с отцом Феодором Прокопьевым, прибывшим в монастырь накануне вечером.

Казначей монастыря Леонида с другим монастырским священником Петром, гостившим в это время в монастыре у своей родственницы и еще двумя священниками, отцом Поликарпом, иеромонахом Петром, приехавшим к погребению, а также со всеми монахинями, которые по старости лет или по болезни не могли прийти к Пирамиде, встретили с почетом, подобающим игумении, тело почившей матушки у святых ворот.

При трогательном пении *Святый Боже*, в сопровождении тысячной толпы, гроб внесли в собор, где поставили его среди церкви, и вслед за тем отец Феодор сказал несколько трогательных слов, выражающих свою и общую скорбь монастыря, а отец Поликарп произнес следующее слово, надолго оставшееся в памяти сестер обители.

«Достоблаженная приснопамятная мати наша, игумения Арсения! Окончен твой благочестивый подвиг, подъятый ради Бога; окончилось твое паломничество в обитель преподобного Серафима Саровского и, увы, окончен вместе с тем и подвиг земной жизни. Вот ты в родной своей обители, в созданном тобою храме, сестры

обители, духовные твои чада и знавшие тебя окружают, ожидая утешения и приветов. Взгляни на них своими глубокими любвеобильными очами. Промолви им слово любви! Поделись с ними теми духовными восторгами, теми чувствами, которыми переполнена была душа твоя в местах великих подвигов и трудов преподобного. Но, увы, очи твои, всегда светившие любовью, лаской, доброжеланием, навеки померкли и сокрыты во гробе; уста твои, вещавшие глаголы жизни духовной, уста, которые изливали целительный бальзам в страждущие души, подкрепляли немощных, подымали падающих, замкнулись навсегда, и никто больше не услышит сладостных словес твоих. О, велия скорбь! Невыразима тяжесть внезапной потери. Но, сестры, не скорбите чрезмерно, яко не имущие упования. *Блажени мертви, умирающие о Господе.* Воистину блаженна мать наша, умершая о Господе, Которому всю жизнь верно служила. Посему Господу угодно было, чтобы она предала Ему свою праведную душу при великом молитвеннике преподобном Серафиме и с ним вместе предстала пред Господом. Не будет ошибочно и ничьему убеждению не противно, если мы вложим в уста почившей слова апостола: *Подвигом добрым подвизався, течение скончах, веру соблюдох, и прочее соблюдается мне венец правды, его же воздаст ми Господь, в день он — праведный Судия (2 Тим. 4, 7–8).* Кто знал ее в монашестве, в начальстве над монашествующими, тот знает и подвиги ее, и течение, и веру ее, и не может не видеть уготованного ей праведным Господом венца правды. Помяните подвиги девства, чистоты, нестяжания, постничества, воздержания, уединения и молитвы, ревности о славе Божией, послушания и труды до последних сил, терпения и кротости, матерней о всех заботы и снисхождения, и возрадуйтесь упованием, что Господь вселит ее в небесный чертог славы и радости, где раздастся глас празднования и празднующих непрестанный, где вкушает она неизреченную сладость от созерцания неизреченной доброты и красоты лица Самого Бога. Утешьтесь, сестры! Почившая и по смерти так же близка к вам, как и при жизни, и прах ее здесь будет семенем святым, одною из духовных основ святой обители сей. Жизнь ее будет великим примером для подражания. Взирая на окончание жителства почившей, подражайте вере ее и примите, сестры, в наследие от нее образ непоколебимой веры, твердого упования и евангельской любви. Прими от нас, незабвенная наша мать игумения, как последнюю дань любви и благодарения, обильные слезы, горячие

Гроб с телом матушки Арсени в Казанском соборе

надгробные молитвы и с высоты небесной благослови осиротевшее твое духовное делание на терпение, благодушие, на добрую жизнь. Вспомни пред Богом и нас, по долгу пастырства стоящих у гроба твоего, а нам да пошлет Господь Бог поминать тебя вечно!»

Гроб с телом матушки оставался в монастырском Казанском храме несколько дней, так как, кроме сестер обители, со всех сторон ехали и шли прощаться с матушкой и поклониться ее праху. Много пролито было тут искренних, горьких слез... Вспоминали благодеяния, которыми матушка при жизни осыпала всех, обращавшихся к ней... Храм не запирался: днем и ночью над гробом читали Псалтирь. Но вот, незаметно подошло и 2 августа, день, назначенный для погребения. К поздней обедне прибыли из станицы священнослужители. Служба прошла вся в слезах, при громадном стечении народа. Некоторыми из духовенства были сказаны трогательные поучительные слова, в которых проповедники высказывали сочувствие, сожаление о почившей, вспоминали ее жизнь, полную разнообразных подвигов, ее любовь к страждущим и скорбящим, которых всегда она утешала делом помощи, или добрым словом, всегда полным веры и упования на Промысл Божий, восхваляя ее постническое жительство, ее труды по управлению обителью, ее высокое суждение и понимание христианских догматов, рассуждение о духовных предметах, о которых так любила она беседовать с лицами духовно развитыми. «Мне приходилось беседовать с усопшей, — говорил в своем слове законоучитель, священник Алексей Лазаревский, — о самых возвышенных предметах — о Господе Боге и его отношении к миру и человеку, об ангелах, добрых и злых духах, о воплощении Сына Божия, о страдании, смерти и воскресении Господа нашего, о Церкви Христовой, о святых угодниках Божиих, о последних судьбах мира и человека. С каким глубоким благоговением, с каким восторгом, с каким духовным услаждением она излагала свои мысли и суждения, речью ясною, плавною, изящною, и с каким глубоким вниманием слушала мое немощное, слабое слово о сих высочайших истинах! Какие глубокие суждения

высказывала она по вопросу о свободе воли разумных существ, о грехе, о внутренних сердечных греховных движениях, о средствах борьбы с ними! Насколько тонки и основательны были суждения почившей о противохристианских направлениях мысли!» Удивляясь ее праведной кончине, он говорил: «Душа ее, отделившись от тела, на крыльях молитв Пресвятой Богородицы и преподобного Серафима понеслась к Престолу воскресшего Господа, созерцать в доступной ей степени безусловную истину, бесконечное добро и неизреченную красоту в лице Самого Господа нашего Иисуса Христа».

По окончании литургии, началось отпевание почившей в присутствии девяти иереев и трех диаконов. Стройно, молитвенно, тихо несло пение сестер, а поразительно трогательные слова монашеского погребения так и проникали в душу, и слезы неудержимо текли у всех присутствующих. В конце погребения было прочитано отцом Феодором завещание матушки Арсени, написанное ею за несколько дней до отъезда в Саров. В нем она, между прочим, советовала избрать после себя в настоятельницы казначею Леониду, что сестры и исполнили со всегдашней безграничной преданностью и послушанием к словам почившей наставницы.

После отпевания погребальная процессия медленно двинулась из собора чрез западные двери. Гроб с телом матушки обнесли вокруг всех церквей, ее трудами и заботами построенных и обновленных, а затем внесли в Арсеньевскую церковь, где опустили в только что приготовленный склеп на месте, указанном самой матушкой Арсенией.

При опускании гроба в могилу, казалось, вся скорбь сестер вылилась в один захватывающий душу вопль, наполнивший церковь. Плакали и старицы, помнившие матушку молодой, только что поступившей в монастырь послушницей, готовой мужественно Бога ради нести все лишения. Свидетельницы ее высоких подвигов в зрелом возрасте, разделявшие ее труды, некоторые из них чрез силу пришли теперь отдать ей последний долг, сказать последнее «прости». Плакали и те, которые детьми были привезены в обитель, оставлены родителями на ее попечение, жизнь, которых протекла под ее надзором, окруженные ее заботами, согретые ее любовью и ласкою. Они любили ее, как родную мать, и потеря ее была незаменима для них. Лишенные ее привета, лишены духовного живого слова, всегда в минуту душевной скорби и смущения поддерживавшего их, они, как дети, безутешно рыдали над могилой и, казалось, не могли оторваться от нее. И долго, долго после того как кончилось погребение и склеп был закрыт навеки, можно было видеть в полумраке нижней, почти опустевшей церкви, темные фигуры монахинь, припавших к земле и горько безутешно плакавших. Полные невыразимой тоски и скорби, разошлись они наконец по своим келлиям, чтобы и дома молиться и плакать, а вечером опять собраться к дорогой могиле на общую панихиду.

Заботами игумении Леониды (правившей обителью по кончине матушки шесть лет) над могилою матушки Арсени воздвигнут величественный памятник из белого мрамора с таким же мраморным аналоем, на котором лежит икона Смоленской Божией Матери, благословение ее отца при ее поступлении в монастырь, с вечно теплющейся теперь перед нею лампадой.

Но жизнь матушки игумении Арсени лучше всякого памятника, ярко горит

светлым воспоминанием, отрадным лучом в сердцах не только преданных ей послушниц, но и далеко живущих мирян.

Прошло уже несколько лет со дня кончины матушки Арсении, но обитель полна памяти о ней. Эти чудные, полные неземной красоты храмы воздвигнуты ею; благоустроенные монастырские келлии, эти пещеры — место дивных подвигов и уединенных молитв, — все напоминает ее, ее труды, ее заботы об удобствах сестер, ее самоотверженную любовь к Богу. Имя матушки Арсении произносится с благоговением живущими в монастыре. Многие из сестер часто видят во сне свою усопшую игумению-подвижницу. Так, через год после ее смерти, одна послушница видела ее во сне, в чудном одеянии, окруженную необыкновенно приятным, дивным светом. Другой раз, утешая ее же во сне, матушка сказала: «Не бойся, ведь я всегда с вами».

Недавно избранная игумения Святослава, одна из близких духовных дочерей и верная последовательница учения матушки Арсении, особенно старается поддержать дух матушки во вверенной ей обители. Часто беседуя с сестрами, она напоминает им живое слово своей незабвенной наставницы, ее любовь к ним, ее великие подвиги и добродетели. Перед началом всякого дела по управлению обителью она имеет обыкновение посещать могилу матушки Арсении, служить по ней панихиду, как бы испрашивая ее благословения на начинающееся дело.

Но не одна игумения, и другие часто посещают могилу матушки и находят там утешение и духовное общение с почившей. В полумраке пещерного храма, освещенного лишь кротким сиянием лампы, в молитве за нее, в воспоминаниях о ней, о ее словах, полных духовного смысла, так много находит успокоения мятущаяся душа. Чудится, что матушка близко, около нас, что она видит нас, чувствует нашу скорбь, видит все наши немощи, уклонения от заповедей Божиих, от ее слова и, как и при жизни, покрывая все своею безмерною любовью, она вместе с нами возносит за нас свои молитвы к Богу, вечному Источнику Света и жизни, к Которому с младенчества стремилась она так неуклонно своею пламенной самоотверженной душою.

Из записок матушки Арсении

Смирение есть единственное состояние духа, чрез которое входят в человека все духовные дарования. Оно есть дверь, которая отворяет сердце и делает его способным к духовным ощущениям. Смирение доставляет сердцу невозмутимый покой, уму — мир, помыслам — немечтательность. Смирение есть сила, объемлющая сердце, отчуждающая его от всего земного, дающая ему понятие о том ощущении вечной жизни, которое не может взойти на сердце плотского человека. Смирение дает уму его первоначальную чистоту. Он ясно начинает видеть различие добра и зла во всем, а в себе всякому своему состоянию и движению душевному, знает имя, как первозданный Адам нарекал имена животным по тем свойствам, которые усматривал у них. Смирением полагается печать безмолвия на все, что есть в человеке человеческого, и дух человека, в этом безмолвии, предстоя Господу в молитве, внемлет Его вещаниям... До ощущения сердцем смирения, не может быть

чистой, духовной молитвы.

***

Непрестанной памяти Божией препятствует рассеянность наших помыслов, увлекающих наш ум в суетные попечения. Только когда вся жизнь наша всецело направлена к Богу, человек делается способным и начинает верою во всем видеть Бога, как во всех важных случающихся обстоятельствах жизни, так и в самонаималейших, и во всем покоряться Его воле, без чего не может быть памяти Божией, не может быть чистой молитвы и непрестанной. Еще более вредят памяти Божией, а потому и молитве, чувства и страсти. Поэтому надо строго и постоянно внимать сердцу и его увлечениям, твердо сопротивляясь им, ибо увлечения уводят душу в непроницаемую тьму. Всякая страсть есть страдание души, ее болезнь, и требует немедленного врачевания. Самое уныние и другого рода охлаждения сердца к деятельности духовной — суть болезни. Подобно, как человек, который был болен горячкой, по миновании болезни, еще долго остается слабым, вялым, неспособным к делу, так и душа, больная страстию, делается равнодушна, слаба, немощна, бесчувственна, неспособна к деятельности духовной. Это страсти душевные. На них вооружаться и бороться с ними, их побеждать — есть главный труд. Необходимо усердно трудиться в этой борьбе с душевными страстями. Молитва обнаруживает нам страсти, которые живут в нашем сердце. Какая страсть препятствует нашей молитве, с тою и должны мы бороться неотложно, и сама молитва поможет в этой борьбе, и молитвою же искореняется страсть.

Светильник, с которым девы могут встретить жениха, есть Дух Святой, который освещает душу, обитая в ней, очищает ее, уподобляет Христу, все свойства душевные образует по Великому Первообразу. Такую душу Христос признает своей невестой, узнает в ней Свое подобие. Если же она не освящена этим светильником, Духом Святым, то она вся во тьме, и в этой тьме вселяется враг Божий, который наполняет душу разными страстями и уподобляет ее себе. Такую душу Христос не признает Своею и отделяет ее от Своего общения. Чтобы не угас светильник, надо постоянно подливать елей, а елей есть — постоянная молитва, без которой не может светить светильник.

***

Есть в душе естественное стремление к добру. Это стремление я называю призыванием Божиим, когда оно так сильно действует в некоторых душах, что удовлетворить его не может ничто земное. Этому стремлению я всегда давала большую цену, но сегодня душа моя познала, что страх охраняет ее больше и необходим он душе и при ее преуспевании так же, как и при самом немощном состоянии ее. Приводит к страху Божию частая память смерти, частое напоминание себе, что, может быть, живешь последний день, последнюю минуту. А насаждает его в сердце благодать Божия. *Страх Твой, Господи, всади в сердца раб Твоих,* — молится Святая Церковь.

***

Невозможно стяжать чистой, непарительной молитвы, если ей не будет предшествовать самоотверженная деятельность. Но и ежедневно надо полагать в сердце, или утверждать в нем произволение, отвергать всякое дело, слово, чувство, мысль, неугодные Господу, направлять же всякое дело свое по заповедям Божиим, всякое чувство словом Его воспитывать, всякую мысль истиною Его наполнять. При такой деятельности, или хотя при цели такой деятельности, всякое входящее в душу чуждое чувство или мысль усматривается и молитвою отвергается от души. При таком произволении души имя Иисусово самовластно действует в ней и отсекает всякий помысл, противный Себе, поборает всякое чувство, неугодное Себе, просвещает душу к познанию воли Своей, водворяет в ней мир сердечный и тишину помыслов.

***

Ко всякому чувству враг примешивает свою отраву. Так, к сокрушению о греховности он примешивает отчаяние и безнадежие, и унывает душа и расслабляется; к отречению — жестокосердие, холодность, бесчувствие; к любви — сладострастие; к утешению милостями, даруемыми Господом, — тщеславие; и прочее. — Человек не может отделить этот яд от благого чувства, но при молитве именем Господа Иисуса Христа, произносимой с верою от сокрушенного сердца, этот яд отделяется; от света Христова разгоняется тьма из сердца, видна становится сопротивная сила; от силы Христовой исчезает действие вражие, и в душе остается естественное состояние, не всегда сильное, не всегда чистое от плотской скверны, но безмятежное и способное подклониться под действующую руку Божию.

Состояние души падшего грешника вполне соответствует словам Господа: *Терния и волчцы возрастит тебе земля.* И земля нашего сердца постоянно растит страсти и грехи. Деятельность души, не осененной благодатию Божиею, направленная к очищению сердца, — всегда трудна, тяжела и бессильна. *В поте лица твоего хлеб твой снеси.* С большим трудом, долговременным подвигом искореняются страсти, как терния из земли, и опять при малом нерадении, при увлекающих случаях они готовы возродиться, и родятся, и растут в сердце, заглушая семя слова Божия, не успевшего пустить в нем корни и окрепнуть, а не только принести плод и напитать душу. Едва очистится, со многим трудом, источник — ум наш, как опять потоки нечистых помыслов возмутят его, наполнят нечистотой и не дадут жаждущей душе напиться чистой воды Божественных откровений. *В поте лица твоего хлеб твой снеси.*

С кровавым потом трудится и должна трудиться душа, чтобы не умереть ей с голоду, чтоб этим постоянным и тяжелым трудом не дать возрасть в себе терниям страстей своих, чтоб не обратилась она в дебри, где звери витают, чтоб постоянным очищением, отсечением их, могла бы душа питаться тем насущным хлебом, который Великий Сеятель сеет на земле ее. Не оставляет Господь трудов человека без воздаяния. Пошлет дождь на землю, ранний и поздний, и родит земля о себе траву, та же — клас, так же исполнится пшеница во класе, как он и не весть (не

знает. – *Ред.*) сам. Благодать Божия, осенившая душу, сожигает терние страстей и сама плодоносит плод. *Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, имать живот вечный (Ин. 6, 54) и реки из чрева его истекнут воды живы (Ин. 7, 38).* — При таком только состоянии душа не возжаждет более и не придет и не захочет почерпать из земных источников. Наше же делание заключается еще в том, чтоб чистить постепенно эти земные источники, чтоб хоть по каплям пить из них чистой воды, а не черпать с мутной водой жаб и всякую нечистоту, с нею смешанную. *В поте лица твоего хлеб твой снеси,* — пока не напитает тебя хлеб, спешший с небес.

***

Упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог. Чтоб принять хоть отчасти это разумение, необходимо, чтоб сердце упразднилось от всякого чувства, ум от всякого помысла.

Преступая заповеди Божии, мы грешим и пред Богом, и пред людьми, и пред своею совестью, и попадаем не только под суд Божий, но и под суд человеческий. Оскорбляя Господа, бесчестя в себе и собою славу Его, мы постоянно делаем вред ближним нашим, соблазняя их, увлекая во грех, подавая собою пример греховной жизни, не отдавая им должной дани общего вспомоществования на пути ко спасению, и по всей правде мы преданы суду людей. Этот суд, выражающийся осуждением, злословием, клеветой, ненавистию и всяким делом выходящим из этого воззрения на нас, как-то: гонением, мучением, смертью, — мы должны принять как достойное воздаяние и всегда чувствовать себя должниками пред ближним.

Пока мы ходим по плоти, мы видим ближнего тоже как должника нашего; мы требуем от него и правды законной, и святости благодатной, как общего достоинства человечества. Мы судим его и ненавидим, гоним и мучим, когда он не отдает нам долг наш. Но когда мы водимся Духом, когда Дух Божий изливает в наш дух все богатство своей благости, тогда от ближнего мы ничего не ищем, мы прощаем ему долг его пред нами, даже перестаем видеть в нем своего должника.

Немощь человеческая выражается главным образом в изменчивости, которой постоянно подвержено естество человеческое. После разумений духовных ум способен воспринимать помыслы нечистые и скотские. От ощущений святых чувство переходит к ощущениям плотским, низким. От мира, радости, ревности по добродетели переходит душа к смущению, печали, унынию. Это свойство изменчивости присуще естеству человеческому и особенно познается теми, которые все силы души своей устремляли к тому, чтоб работая в дому Божиим, пред лицом Его, держать ум свой в непрестанном поучении имени Его, сердце свое на стезях заповедей Его, душу свою у подножия Креста Его. Опытны познавши изменчивость естества, они этим познанием пришли к глубокому смирению, которое не допускает их пасть ни гордостью во дни мира, ни унынием и отчаянием во дни смущения; пришли к страху, охраняющему делание и во время мира ожидающему брани.

Способность к изменчивости особенно сильно действует тогда, если в душе много естества-огня, то есть страстности. Святой Игнатий Богоносец говорил: «Нет во мне огня любви вещественного, но есть во мне вода текущая и вопиющая во мне:

иди ко Отцу». — Эта текущая вода погашает огонь — она есть Дух Святой.

Никакая добродетель человеческая не может погасить этого огня, не может убавить его силы. Но добродетели, правильно совершаемые, приносят плод; вкушение духовного плода знакомит внутреннее чувство с ощущениями живыми, чистыми, сладостными, по вкушении которых ослабевает желание ко вкушению ощущений плотских, нечистых, страстных. Например, добродетель молчания, разумно проходимая, отсекающая всякое слово, всякий помысл и всякое дело ненужное, приносит плод: тишину помыслов, мир душевный. Когда душа вкусит этого плода, то она хранит молчание или, утративши его, возвращается к нему стремительно не потому, что молчание есть заповедь монашеского жительства, но за сладость плода, который она имела от молчания. И так самый тот плод, полученный от делания добродетелей, хранит жительство.

Когда же придет совершенное, тогда то, *еже от части*, упразднится. Орудия добродетелей становятся ненужными, когда нива приносит плод обильный. Но для тех, в ком еще живо вещество огня, очень важно и необходимо хранить себя на стезях заповедей Божиих, по слову Его проходить путь добродетелей и, получивши вкус духовного плода, не медлить в уклонениях, бывающих от изменчивости нашего естества, не разнеживать вкуса своего ощущениями чувственными. *Пал ли еси, восстани*, благо, что есть место, куда может стать нога. *Тецыте, дондеже постигнете путь Его пред нами*.

Читала Аествичника «О гордости» и остановилась на словах: «Наказание гордому — падение его». Это наказание Господь премудро употребляет и как врачество гордости. Но все действия Промысла Божия и попущений Его наказательных служат только тогда в пользу человеку, когда он стремится к достижению неземных целей. Если он поставил целию своей жизни единое спасение — Единого Господа, то все случающееся с ним послужит к его преуспеянию. При лишении всех благ земных, при нанесении и принятии удара всем чувствам своим, при перенесении бесчестия и прочего, там, где сокрушилась бы душа самая сильная, но поставившая целию своих исканий какое-нибудь земное благо, там душа боголюбивая получает крепость, мудрость, свободу и, если чего лишается в этих прилучающихся скорбях, то лишается единственно той связи со страстями, в которых была заключена и с которыми не могла сама по себе разорвать связь одним своим произволением, а только разрушилась она действием Божиим по причине страстей. Великое благо не быть поработленным ничему земному, хоть произволением души, тогда всякое действие Божие, направленное ко спасению, правильно действует, убивая только страсть, но не душу, а в противном случае вместе со страстию убивается и душа. Душа, отрекшаяся страстей, получает ощущение добродетелей. Отрекшись сластолюбия, она познает опытно смирение, и так далее. Отрекшись своих хотений, своей грехолюбивой воли, своих разумений, она вводится в познание воли Божией. В деятельном исполнении воли Божией, которая является ей в спасительной пользе ближнего, она просвещается Божественными откровениями и, просвещенная ими, входит не только в чистоту, но и в бесстрастие.

Молчание очищает ум от помыслов. Познание своей греховности, своего неразумия, своего бессилия, своей недостаточности во всем, приводит душу к вере

разума. Отвержение своих хотений во всем приводит к деятельной вере, выражающейся в великой простоте и смирении. Первое приводит к чистоте ума, а второе к чистоте сердца.

О молитве¹

1 апреля 1886 года

Правильно молиться не есть выпрашивать или домогаться чего-нибудь, что нам кажется полезно для нас, а нужно иметь самое глубокое смирение души, видеть одно свое ничтожество и верить в то, что своими силами или своими внешними подвигами мы ничего достигнуть не можем; и не должны как бы распоряжаться святой волей Отца нашего Небесного, а говорить нужно так: «Господи, Ты один свят и совершен, у меня одни свои страсти, и ничего доброго я не могу сделать сама собой без Твоей помощи. Я верую, что Ты мне дашь все, что нужно для моего спасения в свое время. Буди воля Твоя, Господи, на мне».

Не нужно молить Его даже о своем спасении, потому что человеку непостижимы судьбы Божии. Господь Сам знает, когда дать спасение душе. Епископ Игнатий (1-й том) говорит: «Законом духовным назначено для нас одно духовное место для принесения Богу молитв. Это место — смирение». Нам необходима молитва: она усваивает человека Богу. Без нее человек чужд Богу, а чем более он упражняется в молитве, тем более приближается к Богу. Когда восстанешь от сна — первая мысль твоя да будет о Боге. Когда отходишь ко сну, когда готовишься погрузиться в этот образ смерти — последние твои мысли да будут о вечности и царствующем в ней Боге. *Вся емка аще молящися просите, веруйте, яко приемлете, и будет вам (Мк. 11, 24)*, — сказал Господь. И потому, отвергнув всякое сомнение и двоедушие, неотступно пребывай молитвою при Господе, повелевшем *всегда молитися и не стужати си (Лк. 18, 1)*, то есть не приходите в уныние от тесноты молитвенной, которая, в особенности сначала, невыносима для ума, привыкшего блуждать повсюду.

Для правильности молитвы надобно, чтоб она приносилась из сердца, наполненного нищеты духа, из сердца сокрушенного и смиренного. Произноси слова молитвы неспешно; не позволяй уму скитаться повсюду, но затворяй его в слова молитвы. Тесен этот путь и прискорбен для ума, привыкшего странствовать по Вселенной; но путь этот приводит ко вниманию. Кто вкусит великого блага внимания, тот возлюбит утеснять ум на пути, ведущем ко блаженному вниманию.

Внимание есть первоначальный дар Божественной благодати, ниспосылаемый трудящемуся и терпеливо страждущему в подвиге молитвенном. Благодатному вниманию должно предшествовать собственное усилие ко вниманию: усилие должно быть деятельным свидетельством искреннего желания получить внимание.

¹ Эти и последующие записи «О молитве», «Начало правила», «Слова к новопостриженной инокине», (с. 232–250) получены издательством из архива архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия. Владыке их передал священник Петр М., который получил рукопись от монахини Раисы. Матушка Раиса в пятилетнем возрасте была отдана родителями в Усть-Медведицкую обитель и застала еще саму игуменью Арсению. Публикуется впервые.

Воспрещай себе рассеянность мыслей при молитве, возненавидь мечтательность, отвергни попечения силою веры, ударяй в сердце страхом Божиим, и удобно приучишься ко вниманию. Слова молитвы, одушевляемые вниманием, проникают глубоко в душу, убодают, пронзают, так сказать, сердце и производят в нем умиление. Слова молитвы, совершаемые с рассеянностью, касаются как бы только поверхности души, не производя на нее никакого впечатления. Не ищи в молитве наслаждений: они отнюдь не свойственны грешнику. Ищи, чтобы ожило твое мертвое, окаменевшее сердце, чтоб оно раскрылось для ощущения греховности своей, своего падения, своего ничтожества, чтоб оно увидело их, созналось в них с самоотвержением. Тогда явится в тебе истинный плод молитвы — истинное покаяние. Ты восстанешь пред Богом и будешь вопиять к Нему молитвою из бедственного состояния души, тебе внезапно открывшегося; будешь вопиять как из темницы, как из гроба, как из ада. Покаяние рождает молитву, и в сугубом количестве рождается от дщери своей (то есть от молитвы). Тягостным, скучным, сухим представляется молитвенный подвиг для ума, привыкшего заниматься одними тленными предметами. С трудом приобретается этот навык, тогда он делается источником непрестанного духовного утешения.

Многоглаголанье в молитвах, осужденное Господом в Евангелии, заключается в многочисленных прошениях о временных благах. Осуждая это многословие, Господь отнюдь не осудил продолжительных молитв. Он Сам освятил продолжительную молитву, пребывая подолгу в молитве.

Спешит молитвою, жаждущая спасения душа, спешит вслед Спасителя, сопровождаемого Его бесчисленными учениками. Зови вслед Его молитвою подобно жене хананейской; не огорчайся продолжительным невниманием Его; претерпи великодушно и смиренно скорби и унижения, которые попустит Он тебе на пути молитвенном. Для успеха в молитве непременно нужна помощь от искушений. Сознание своей греховности, сознание своей немощи, своего ничтожества — необходимое условие для того, чтобы молитва была милостиво принята и услышана Богом. Все святые полагали в основание молитвы сознание и исповедание своей греховности и греховности всего человечества. Святость человека зависит от сознания и исповедания этой греховности: потому что Тот, Кто дарует святость человекам за покаяние их, сказал: *Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние (Мф. 9, 13).*

По вере твоей, за смирение твое, за неотступность молитвы твоей, Он утешит тебя исцелением беснующейся от действия страстей дщери твоей — твоих помышлений и ощущений, претворив их из страстных в бесстрастные, из греховных во святые, из плотских в духовные.

«Иди, — наставляют нас святые отцы, заимствуя наставление из святого Евангелия, — продаждь вещественное имение твое и даждь нищим (Мф. 19, 21), и возем крест (Мф. 16, 24), отвергни себя противодействием твоим пристрастиям и твоей падшей воле, да возможешь помолиться невозмущенно и без рассеянности. Доколе живы в тебе пристрастия, дотолеч навещают молитву смущение и рассеянность».

Борьба с живущею в сердце смертию, совершаемая при посредстве молитвы, под водительством слова Божия, есть распятие, есть погубление души ради Христа и

Евангелия для спасения души.

Мечом молитвы сокрушается огненный меч Херувима, стерегущего путь к древу жизни, и победитель соделывается причастником живота вечного. Когда во уединении нашем и при упражнении молитвою внезапно закипят в нас страстные ощущения и движения, нападут на нас страстные помыслы, предстанут нам во обольстительной живописи греховные мечтания: это знак пришествия к нам невидимых врагов. Тогда — не время уныния, не время расслабления — время подвига. Воспротивимся врагам усиленною молитвою к Богу, и Он рассеет, прогонит врагов наших.

В невидимой брани не всегда и не скоро соделываемся победителями: победа — дар Божий, даруемый подвижникам Богом в свое время, известное единому Богу и определяемое единым Богом. Самые побеждения, происходящие от немощи и греховности нашей, а не от изменившегося произволения, и они попускаются нам к нашему смирению, для того, чтоб мы усмотрели и изучили падение нашего естества, признали необходимость в Искупителе, уверовали в Него и исповедали Его. При таких побеждениях невидимые враги наши влагают нам стыд по причине побеждения, а по причине стыда — расслабление в молитвенном подвиге, недоверие к нему, мысль о оставлении его. Не владимся в обман! С самоотвержением и бесстыдством (без ложного стыда. — *Ред.*) откроем нашу язву перед всеблагим и всемогущим Врачом нашим, заповедавшим это спасительное нам бесстыдство и обетовавшим увенчать его отмщением соперникам нашим. Положим в душе своей завет: до конца жизни не оставлять молитвенного подвига и из среды его прейти в вечность. Наша стыдливость при побеждениях чужда смысла: она — злая насмешка над нами врагов наших. Способен ли этот лист смоковничный сокрыть согрешение человека от всевидящего Бога? Бог видит грех и без исповедания греха. Он ищет исповедания единственно для того, чтоб уврачевать. Если Он заещал апостолу Своему прощать согрешившего и кающегося брата седмижды на день: тем более Сам исполнит это над нами, непрестанно приносящими Ему молитву и покаяние.

Когда от души простишь всем ближним согрешения их, тогда откроются тебе твои собственные прегрешения. Ты увидишь, сколько нуждаешься в милосердии Божиим, сколько нуждается в нем все человечество: ты восплачешь пред Богом о себе и о человечестве. Святые отцы совмещают все делания инока, всю жизнь его в плаче. Что значит плач инока? Это его молитва. Плач должен быть неотъемлемым качеством молитвы нашей, ее постоянным, неразлучным спутником и споспешником, ее душою. Иноки, живущие в монастыре и желающие стяжать молитвенный плач, должны обращать особенное внимание на умерщвление своей воли. Если они будут отсекаать ее и не обращать внимания на грехи, вообще на поведение ближних, то приобретут молитву и плач. Помыслы, собираясь в сердце, возбуждают в нем молитву и печаль по Богу, а печаль эта производит слезы.

«Приидите ко мне, — приглашает нас священная мать всех добродетелей — молитва, — еси, труждающиеся под игом страстей, в плену у падших духов, обремененнии различными согрешениями, и аз упокою вы. Возьмите иго мое на себе, и обряцете покой душам вашим, исцеление вашим язвам. Иго божие благо (Ср.: Мф. 11, 28), способно исцелять от согрешений и самых великих».

«Приидите, чада, — приглашает нас священная мать всех добродетелей — молитва, — послушайте мене: страху Господню научу вас (Пс. 33, 12). Оставьте бесплодную и напрасную привязанность ко всему преходящему, с которым вы и поневоле должны расстаться! Оставьте увеселения и наслаждения обольстительные! Оставьте празднословие, смехословие и многословие, опустошающие душу! Вспомните, рассмотрите, удостоверьтесь, что вы здесь, на земле, кратковременные странники, что Отечество ваше, вечная обитель — Небо. Вам нужен туда верный и сильный вождь: этот вождь — я, никто иной. Все святые, восшедшие от земли на Небо, совершили шествие не иначе, как мною. Я открываю вступившему в союз со мною падение и греховность человека, и извлекаю из них, как из глубокой пропасти. Я обнаруживаю пред ним князей воздушных, их сети и цепи, разрываю эти сети и цепи, поражаю и прогоняю этих князей. Я объясняю Творца — сотворенному и Искупителя — искупленному, примиряя человека с Богом. Я раскрываю пред учеником и любимцем моим необъятное величие Бога и ввожу в то состояние благоговения и покорности к Нему, в котором должны быть создания пред Создателем. Я насеваю смирение в сердце, я делаю его источником обильных слез; причастников моих соделываю причастниками Божественной благодати. Не оставляю руководимых мною, доколе не приведу их пред Бога, Который — неисполнимое исполнение всех желаний в здешнем и будущем веке».

Начало правила

(из рукописной книжечки матушки игумении Арсении²)

Величие души моя, радование духа моего, сладосте сердца моего, сладчайший Иисусе, слава моя, возносящая главу мою, буди со мною и во мне неразлучно выну, и мене всесильною Твоею десницею удержи с Тобою и в Тебе, да в Тебе, и о Тебе, и Тобою будут вся помышления моя, словеса и деяния; без Тебе бо не могу творити ничесоже: да не ктому себе живу, но Тебе, Владыце моему и Благодетелю, да вся чувства моя душевная и телесная не мне, но Тебе, Создателю моему работают, о Нем же живут и движутся; и вся силы моя душевныя и телесныя Тебе, Искупителеви моему, да служат, Имже и в Немже держатся; и все житие мое, до последняго издыхания, во славу Пресвятаго Имени Твоего, Боже мой, буди.

Откуда начну оплакивать деяния моего страстнаго жития? Какое начало положу моему настоящему сетованию? Но как Милосердый, даруй мне, Господи, слезы умиления, да плачуся пред Тобою, Создателем нашим и Богом. Пред Тобою, Творцом всех и Создателем, открываю, елика согреших окаянною моею душою и скверною моею плотию, да Твоею помощию укрепляемый, отвергнусь прежняго безсловесия и принесу Тебе слезы покаяния.

Помилуй мя, Господи, не даждь мне погибнуть. Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь, посрами, Господи, борющаго мя беса. Упование мое! осени над главою моею в день брани бесовския. Борющаго мя врага побори, Господи, и обуревающая мя помыслы укроти тишиною Твоею, Слове Божий. Господи, пощади

² При публикации сохранены все особенности орфографии оригинала.

мене, немощное Твое создание. Господи, виждь скорбь мою и помилуй мя. Не попусти на мене, Владыко, искушение, или скорбь, или болезнь выше силы моя; но избави от них или даруй мне крепость переносить их с благодарением. Господи, имиже веси судьбами спаси мя, недостойного раба Твоего. Не воздаждь мне по делом моим, благий Господи, но милостию Твоею покрый множество грехов моих. Я знаю, что их множество со сделано мною от младенчества моего, но умом не познаю их, сердцем не каюсь в них, потому что ум мой от навыков к деланию грехов омрачен, сердце же завалено тяжелым камнем нечувствия. Сам, Милосердый Господи, Присносущный Свете, просвети темноту ума и души моя, даруй мне узреть мои согрешения, и научи мя творити волю Твою.

Слова к новопостриженной инокине³

6 сентября 1886 года

Когда художник хочет изобразить кистью лицо человека, тогда требуется, чтобы изображаемый человек смотрел прямо на живописца, чтобы тот мог уловить черты его лица. Так и ищущая спасения душа смотрит прямо на своего Небесного Живописца Господа, и Он напишет в сердце человека Свой Божественный образ. А как видеть нужно Господа? Видеть Господа, значит направлять свою жизнь по заповедям Евангелия и, смотря на земную жизнь Господа, направлять и свою жизнь вслед Его. Господь был и смирен, и кроток, и человеколюбив, и милосерд к грешникам; так нужно и нам, по возможности, исправлять свои греховные навыки и быть готовыми для изображения и в наших сердцах Его Божественного образа.

Человек от природы, что неученый конь: неистовится и не слушается человека, когда же человек около него потрудится, то он бывает годен на все домашние дела. Нужно и нам потрудиться в деле спасения и укрощать свои страсти, и направлять себя на путь евангельских заповедей, и быть, по возможности, подобными Христу, делами кротости, милосердия и любовью к ближнему.

***

13 сентября 1886 года

Когда упадет на наше платье искра огня, тогда мы, увидя ее, мгновенно стараемся стряхнуть ее с себя: так нужно делать и с помыслами. Как скоро они приразятся душе, так скоро их стараться отражать молитвою Иисусовою; а если монах примет их и начнет беседовать с ними, и ими усладится, то они могут попалить все душевное делание его, как искра огня может сделать пожар и попалить вещественное имение человека.

***

14 сентября 1886 года

---

³ Записано инокиней Иннокентией, духовной дочерью матушки Арсени.

Тогда человек научится видеть свои грехи и душевные страсти, когда затворит свои чувственные окна. Не станет смотреть на то, что ему не нужно, не слушать, что ему не следует слышать; а тем более нужно держать язык, если хочется что-нибудь передать другим слышанное или виденное — не говори и не суди ближнего. Когда будем следить за всеми своими поступками, делами, словами, и будем стараться обуздывать язык, только тогда возможно познать свое сердце и грехи. Как же возможно познать свои душевные страсти, когда мы даже чувственные страсти и грехи не умеем и не стараемся познавать? Не умеем снести от ближнего ни одного обидного слова, а стараемся ему воздать таким же. Все это от невоздержания языка и слуха: и осуждение, и ссоры, и насмешки.

***

21 сентября 1886 года

Нужно приучать себя к подвигам. Пост противится чувству вкуса, потому что этим чувством повреждается сердечная чистота, восстают плотские страсти, отяжелевает ум от вкуса, и много других страстей от этого же чувства. Против чувства осязания нужно противопоставлять: грубую носить на себе одежду, твердую постель иметь для сна, поклоны совершать, все то отвергать, что нежит тело, — этим затворяется окно чувства осязания. Когда научимся держать глаза, тогда не будем впадать так часто в осуждение, сохранимся от соблазна на ближних, от зависти. Зрение — такое чувство, которое приносит в сердце много греха и дурных чувствований. Тогда душа сама поймет, какой ей нужен подвиг для обуздания своих страстей, когда будет беречь свои внешние чувства — эти окна души, которыми входит в сердце грех. Всякими телесными подвигами как-будто не удовлетворяется душа, хотя кто и много подвизается, часто нападает на него уныние и скорбь. Отчего? Оттого, что человек не видит плода от подвигов, хотя он и есть, этот плод. Какой же? Обуздание и покорение своих внешних чувств. Вот плод подвигов телесных.

Путь немечтательного делания. Письма игумении Арсении

Из писем к Петру Александровичу Брянчанинову

1

7 октября 1870 года

Я вообще не люблю стеснять себя перепиской мирской, но люблю иногда передавать свои мысли и чувства тем, кто может их понимать и сочувствовать им и, если нельзя устно, то хоть письменно. Ваше письмо меня утешило. — Вы помните меня, а для меня это дорого. Но ради Бога, прошу вас, не превозносите меня так, это несправедливо, и я извиняю ваши слова только тем, что вашему, духовно осиротевшему чувству хотелось бы так видеть... и вам показалось, что вы видите

знакомые черты того дорогого, высокого, святого образа, созерцание которого освещает вашу душу (то есть епископа Игнатия (Брянчанинова; +1867). — *Ред.*). Будем же вместе созерцать его, в его великих и дивных творениях, а для себя желала бы хоть некоторого познания своих немощей и греховности, о чем прошу вас помолиться Господу, Подателю благ.

2

2 ноября 1870 года

Вполне верую, что воля Божия открывается в обстоятельствах, окружающих нас, и вижу, что настоящие обстоятельства таковы, что нужно убегать в горы, но при всем этом вижу, что для меня указание неполно, — в обстоятельствах, меня окружающих... Для меня вожделенна жизнь, вполне отрешенная от всего земного, и потому-то моя душа стремится к ней иногда довольно порывисто, я и боюсь увлечься порывом чувства, чтоб не взять прежде времени того, что может быть хорошо только во время свое... На днях я получила от А. В. пятый том. Как хорошо вы сделали, что приложили хоть к этому тому портрет владыки — епископа Игнатия. Господь вразумил вас. И как хорош этот портрет! В настоящее время я читаю этот том, и как изречения святых отцов, так и взгляд на святое лицо владыки, действует на меня необыкновенно хорошо. Чувствуешь себя как-то сосредоточенней, когда созерцаешь это изображение, собираешь все помыслы свои, исповедуешь все тонкие уклонения своего сердца, когда смотрят на вас эти прозорливые глаза, смотрят в самую глубину души.

3

7 ноября 1870 года

Жесток путь спасения, жестоко бывает иногда и слово, высказанное о нем, — это меч, обоюдоострый, и режет он наши страсти, нашу чувственность, а вместе с нею делает боль и в самом сердце, из которого вырезаются они. И будет ли время, чтоб для этого меча не оставалось больше дела в нашем сердце? Нет, для него всегда будет дело, нет конца духовному очищению, и во всяком сердце найдется та частица нечистоты, которую нужно очищать. Признаю в себе явным признаком нерадения, когда перестает болеть и бороться мое сердце, — это признак сильного помрачения. Когда же разгоняется этот мрак словом Божиим, то сердце болит, а без болезни просвещение души невозможно — это будет мечтательность.

4

6 февраля 1871 года

Рада я и благодарю Господа, что он сподобил меня, недостойную, передать вам слово моей матушки, схимницы Ардалионы, слово, которое дает жизнь моей душе. Не надивимся мы с Пафнутией тому сочувствию к слову матушки, к духу нашему, которое мы видели в вас. Сила истины — это живая сила, сообщаясь душам, она их образует в один образ. Господь да укрепит нас всех, и да поможет Он нам пребывать

в Истине, которая — Он Сам, а путь к Нему в нас, через нашу немощь, через полноту греховности нашей. Да, это нелживый путь, невыдуманный, несочиненный, и Сам Господь сказал, чтоб не искать Его нигде, ни в каких состояниях, что Он явится Сам. И действительно, является, принося мир, силу, свет в душу погибшую, немощную, темную. Когда же мы будем гоняться за состояниями, то будем ловить одну мечту.

Я крепко немоществую, и иногда унываю, но по опыту дознала, что когда немощь дойдет в душе до крайних пределов, так что никакого упования не останется ни на какое делание, ни на какой разум, то в эту минуту, только в эту минуту и чувствуется — духовно ощущается — особенная помощь Божия, или скорее, познание Его и сила Его действий в душе. Я не заимствую силу нигде, боясь оживить свою самость, боясь этого яда, разлитого даже в каждом добре человеческом, — и потому, иногда, изнемогаю под своею живою немощию. Но она-то ходатайствует мне ту живую Силу, которую единственно вожделевает душа моя. При таком состоянии, большой страх объемлет душу, гибель в ней и во всем окружающем, а спасение в Той Воле, которую она смеет постигать, или насиловать, своею просьбою. Страх наполняет ее до глубины.

5

13 февраля 1871 года

Господь посылает нам на земле скорби, и эти скорби нас отрывают от земли, или лучше сказать, от излишних пристрастий ко всему земному. Значит, и скорби — дар Божий. Отчего же не принимаем их с такою же благодарностью, как и радости? Не от греховности ли сердца нашего, не способного отрешаться от всего и искать одной воли Божией? Если вы заметили, вообще, я избегаю говорить о молитве, потому что сама не имею ее. Но вопросы ваши не хочу оставить безответными, выскажу свои понятия для того, чтоб вы поправили их, если в них усмотрите неправильность. Я сказала: «Ты Сам спасение души моей», — сказала и произношу эти слова по букве, веруя, что это так есть, но постижение их выше нашего мышления. Вы говорите: «Усвоение душою имени Иисусова — есть уже спасение ее». Нет, это что-то не так. Спасение души в силе Божией, действующей чрез это имя на нашу душу, усвоившую себе полное сознание своей греховности. Хорошо сказал владыка, чтоб не принимать мысли во время молитвы, а главное, чтоб не доверять им. Когда сердце начинает сочувствовать уму, из состояния своего самопознания пришедшее в чувство духовного умиления, тогда различные разумения входят в душу, и все они прозябают не в уме, и потому называются не мыслями, а духовными разумениями, или видениями, бывают они неложны и невременны, но делаются достоянием души, выходя из ее состояния и вводя ее в разумения, превышающие ее естественную меру. Но все это Божие, а наше, единое нам свойственное, это разумение своей греховности и вера в Господа, спасающего нас, Которого будем призывать в смирении, оставляя на Его волю самое спасение наше. — Во время правила я стараюсь удержать внимание исключительно в молитве Иисусовой. Иногда же, при большой рассеянности и невнимании, я обращаю внимание на чтение канонов Божией Матери и святым, но с тем, чтоб направить внимание к молитве, а не с тем,

чтоб от молитвы обратить его к чтению. Когда же ум направлен к молитве, то можно внимать и чтению, не оставляя молитвы. Если б в молитве нашей было меньше чувственности, то все пополнило бы ее, а то иногда мешают ей и каноны, и богослужение, и нужны нам для собранности темные келлии, как моя, что в саду, которую я называю своею немощию, и молчание, безмолвие. Но все это временные пособия, мне же ничто так не помогает, как самая жизнь. Хотя и поставлено целью жизни отречение, путь к которому самоотверженное исполнение заповедей Божиих, но закон греховный направляет всякое действие к своей цели, и в этой борьбе сильно бедствует душа. Господь, врачующий немощь чувств горькими обстоятельствами жизни, по мере отречения, сообщает душе невидимую силу и познание Его Промысла. Там я учусь познанию немощи своей и познанию Господа, там отрешает Господь душу мою от дебелости и сообщает ей духовные разумения, так что и молитве я учусь самою жизнью. Думаю, что для молитвы нужна чистота души, а она приобретается самоотверженною деятельностью по заповедям Божиим.

6

20 февраля 1871 года

Боль в левом боку усилилась до крайности. Трое суток я очень страдала... Вчера же мне было очень легко, и мне пришло желание списать для себя некоторые постовые стихиры, которые я люблю напевать иногда в часы уныния... Принесли Постную триодь, и я, не вставая с постели, списала несколько стихир, любимых. Когда окончила я свое писание, тут только заметила, что начинаются они плачем Адама, а оканчиваются плачем блудницы, но какое различие между первым и вторым плачем! Это совершенно два различные состояния души человеческой, и хотя последний происходит из первого, есть его плод — его совершенство, но между ними находится целый путь трудов, борьбы, подвига, не всегда сильного, не всегда побеждающего. В первом мне слышится одно сознание греха — первая степень покаяния, и потому такой страх слышится в этом покаянном вопле, соединенном с легким отчаянием. Во втором же плаче слышится возненавидение греха, любовь и дерзновение. Это последнее состояние возможно только тогда, когда душа не только слухом услышит, но увидит Господа Иисуса, спасающего ее, приступит к Нему, пришедшему спасти ее, умершую, убитую грехом.

На ваши письма мне многое хотелось бы сказать вам, но сегодня что-то сил мало, боюсь, что не dokonчу начатое. Скажу одно: вы как-то часто, вспоминая о смерти, высказываете желание своей души, чтоб в эти страшные минуты иметь помощь от людей, чтимых вами. Это желание вашей души так сильно, что она ищет как бы уверения, что это будет так. По милосердию Божию, оно, действительно, и будет так, если при жизни не лишится душа духовного общения с теми душами, в помощи которых она нуждается... Но как для себя, так и для вас, я не желаю этого требовательного желания, этой уверенности. Боюсь сказать Господу всеведущему, чтоб Он дал мне то-то в тот час, то-то в другой. Боюсь проникнуть в волю Его спасающую и в ней избирать для себя полезное. И хотя постоянно призываю молитвы своей старицы, молитвы всех единокоренных отцов и матерей, спасающихся, на помощь своей грешной душе, и ими укрепляюсь и поддерживаюсь,

но уверенности боюсь искать в чем бы то ни было, и даже люблю такое состояние беспомощное, оно производит страх в душе, который потрясает ее всю до глубины, и она себя живо чувствует во власти Бога, волю Которого она постигнуть не дерзает.

Господь да поможет вам провести время поста, время одиночества, с духовною пользою, чтоб в нем яснее открылась немощь и греховность своя и живее почувствовалась бы помогающая нам Сила.

7

10 марта 1871 года

Заметки свои я потому хотела уничтожить, что они мои, а своему я мало доверяю. Можно говорить о своих малых опытах в жизни, но писать опасно, может к истине примешаться ложь, еще живая в душе, и вместо пользы принесет вред. Листок вам возвращаю. Имея столько слов духовного опыта людей благодатных и святых, нужно ли примешивать к ним то, что иногда открывается слепому оку нечистой души? Сознавая это вполне и боясь, чтобы ложь моя не примешалась к истине, переданной мне матушкой, я прошу вас поверять мои слова, словом отцов и, если увидите неправильность, то, будьте добры, заметьте мне. Вы как-то спрашивали: можно ли отцу архимандриту передавать мои слова и мои понятия? И что это бывает иногда необходимо делать, говоря о себе. Мне помнится, при свидании я высказывала, говоря о наших беседах и, вообще, о слове духовном — слышанном, читанном, испытанном — что его можно передавать только тогда, когда вызывается это надобностию, просто же как новость, поразившую ум, я считаю не только ненужным, но вредным. В отношении же отца архимандрита, совсем другое дело. Вы можете говорить ему все, что найдете для себя нужным сказать, а я буду просить вас об одном, чтоб его определения на мои слова вы передавали мне. Я очень ценю его духовный взгляд, и даже скажу вам, что если вы будете передавать ему мои понятия, то я буду свободнее и откровеннее высказывать их, потому что не буду бояться того, что они произведут в вас смущение и что если в них заметится неправильность, то она будет обнаружена. Только при этом, я прошу вас, передавать мне все, что вы думаете или слышите о моих словах, все-таки не хочется, чтоб их переделывали без моего ведома. Если позволит время и буду в расположении писать, то будущее письмо мое вы получите вскоре, и оно будет писано с полной свободой.

8

20 марта 1871 года

Описанный вами день 8 февраля, насколько я помню, дал вам опытное познание пользы беспомощного и бессильного состояния души, верующей обрести спасение в едином Боге. Если вам памятливы мои слова, то вы наверно понимаете, что усвоение такого состояния постоянного есть цель искания. Конечно, оно может иметь различные степени, виды, но дух всей жизни есть единая вера Богу при полном недоверии к себе. Потому-то я не вполне сочувствую всегдашней вашей жалобе на то, что вы не имеете желаемых добродетелей, что вы замечаете в себе и даже

чувствуете борьбу от своего немощного состояния. По-моему не только умом следует подклониться в эти минуты и даже дни и недели немощи, но и заключить себя в ней, чтоб почувствовать тесноту, погибель своей души, не имеющей в себе никакой силы выйти из этого состояния. Тогда только возможна живая вера в Господа спасающего. Еще вы как-то писали, что вы видите в себе греховность, воображением созерцая в себе страсти и грехи, как гады, им же несть числа. Нет, это созерцание не воображением, никак не им, а открывается в сердце по мере самоотвержения. Ваши выписки и слова владыки, переданные вами о имени Господа Иисуса вполне правильны и умилили меня. Но постижения этого имени, как и Господа вочеловечившегося, есть высшее откровение, и оно дается душе в свое время, душе, усвоившей заповеди евангельские, достигшей некоторого совершенства. Об откровениях Божиих я не дерзаю говорить, но и в нашем духовном делании должен быть порядок и последовательность, чтоб и себя видеть неложно и верую не устремляться к той высоте, над которою находится непроницаемая завеса. Вам показалось новостью различие, поставленное мною между плачем Адама и блудницы. Меня это удивляет. Вам, конечно, известно, что есть путь покаяния, следовательно, есть различные степени, переходы, усовершенствования на этом пути. Не нужно только самовольно перескакивать и, находясь на низшей ступеньке, не искать того, что находится на высшей. Потому то я и сказала, что между этими двумя состояниями, целая жизнь подвига и борьбы. Ничего не может быть полезнее для человека, как узнать свою меру, где он находится. Тогда он безошибочно отнесется ко всему и будет на неложном пути. Вот для этого-то неоцененно дорого иметь руководителя, он укажет неложно состояние и меру руководимого. Помню, как я стала жить с матушкой, часто слушая ее наставления о пути спасения и, как будто созерцая этот путь от начала и до конца, я часто спрашивала у матушки: «Где я?» — и матушка всегда отвечала, что меня нет нигде, потому что во мне еще нет ничего, что служит залогом спасения, нет даже живого сознания погибели, которое заставляет искать истинного спасения. Признаюсь, я не вполне понимала тогда матушкины слова, хоть и верила им, и скорбела за свое состояние, но потом живо почувствовала их истину, и теперь они служат для меня, как и все матушкины слова, основанием самоиспытания.

9

22 марта 1871 года

Ваше письмо от 8 – 11 марта напомнило мне, что я не отвечала вам на один вопрос, на который вы давно уже ожидаете ответа. Когда я говорила, что «путь к Господу в нас через нашу греховность», то я не думала о *Царствии Божием*, которое есть *внутри* человека. Это непреложное обетование Божие обретается в душах чистых и святых и есть конец искания. Я же, говоря те слова, думала о том, что как грехи людей, недостаточность всего человечества к исцелению греховной язвы, были причиною к непостижимому и многомилостивому снисхождению Господа на землю, чтоб спасти человека, так и в каждой душе пришествие Господа, спасающего душу, предваряет ее полное смирение и самоотвержение, а пришествие веры в Господа спасающего полное сознание своей греховности и немощи,

восчувствование ее в себе, сокрушение и страх. Вот почему я и сказала, что путь к Нему в нас, а в нас что другое есть, кроме греховности? Если она будет вполне сознана, если неложно поймет человек свою душу, то не поищет нигде опоры, кроме веры, и не увидит ни в чем спасения, кроме как в Едином спасающем. Я сказала: «Путь в нас», потому что часто уклоняется душа и ищет не в себе, а в чем-нибудь своем. Чрез неложное понимание себя человек необходимо придет к Господу, а ища Его в своем чем-нибудь, то есть в своих добродетелях, трудах и тому подобном не найдет Его, Единого спасающего, а найдет себя. И это случается не только при общем направлении, но даже в частных уклонениях в делание самости. Вчера вздумалось мне заглянуть в Лествицу и прочесть «Слово к пастырю».

Читая конец Слова, я вспомнила вас. Там объяснена постепенность боговидения, открываемая душе по мере ее очищения. 1) гл. 15, с. 360 — при отвержении плотской жизни и самости открывается разум истины; 2) с. 361 и 362 — по бесстрастию — просвещение духовного разума; 3) с. 363 — мир души и зрение Христа — Бога мира, и деятельное последование Ему и исполнение Его заповедей. Но все это только слова, а слово не может выразить то, что выше слова, выше естественных пониманий и ощущений человеческих, как сказал владыка в Слове «Роса» (с. 367, т. 1). Искать в себе какое бы то ни было из этих состояний было бы безумно: кроме одного помилования, может ли чего искать, желать душа, помраченная грехом? Но все дары Божии, спасение и помилование души, мы получаем чрез Господа Иисуса, единого Ходатая между Богом и человеком, и потому Его призываем с верою, без постижения Его, без рассуждения. Отвержение самости и вера вводят душу в простоту и утверждают в душе непоколебимый помысл своего ничтожества, который не изменяется при милости Божией, являемой душе в мире помыслов, во внимании и умилении молитвенном, ни при совершенном охлаждении, рассеянности, невнимании и даже увлечении. Странно, что как в том, так и в другом состоянии, помысл, утвержденный в душе, остается тот же и непоколебим, хотя состояние души изменяется, и от этой непоколебимости является как бы постоянство духа, не возносящегося при хорошем состоянии, не падающего при дурном. И в том, и в другом состоянии все-таки человек один: грешник, нуждающийся помилования от Господа. Излишнее внимание к своим состояниям может обратить деятельность в область чувств, а не духа, так как изменимость происходит больше в них, и это необходимо по их свойству. Значит, и обращать большего внимания не следует, как на помыслы, так и на чувства, одно нужно знать, что они греховны и нечисты и иными быть не могут, потому что происходят от нечистых ума и сердца, и в себе лучшего желать и ожидать невозможно, а чистота наша, и спасение, и очищение и освещение — един Господь. Он неизменяем, непоколебим, непреложен. От этой двойной веры — в свою греховность и Божию непреложность — не поколеблется и дух человека верующего. Я ничего не говорю о молитве, потому что думаю: мои слова о духе служат ответом на вопрос о молитве. Когда дух правильно направлен, то молитва делается его дыханием, необходимым и правильно действующим. А тишина помыслов и мир чувств подается Господом душе, прилепляющейся к Нему верою и молитвою; взять, или установить, этого не может никто в своей душе, и очень стараться об этом не следует. Отец архимандрит сказал правду, что не следует вдаваться в богословские вопросы, — это не

спасительно, а даже вредно и тонкое разбирательство их может привести к заблуждению, а правильное к кичению. Но, если нужно мое мнение, чтоб испытать его правильность, то я скажу, что произволение спасения есть единственная деятельность духа человеческого, необходимая в деле спасения. Не оно спасает человека, но оно необходимое условие в спасении. И предваряет его призвание Божие, и утверждает его сила Божия, но все-таки оно от человека, хоть самое немощное, как и все человеческое. Но об этом довольно.

10

13 и 14 апреля 1871 года

...Вот и теперь мне хочется передать вам одно понятие, которое не спешите отвергать за неясность изложения. Это понятие будет служить ответом на некоторые вопросы ваши. Святые отцы в своих назиданиях духовных часто увещевают нас просить у Господа премудрости, если мы ее не имеем, силы, когда немоществуем, терпения, если изнемогаем в скорбях и, вообще, всего доброго от Него просить. Но я, беседуя с вами, говорила, что лучше не просить себе ничего, кроме помилования, — чему вы немного противоречили. Теперь мне хочется сказать вам, что я не отвергаю и того, о чем говорили отцы, но не дерзаю буквально применять к себе всякий совет. Делание, о котором я хочу говорить, приводит к принятию всего от Господа, даже больше этого, к принятию душою Господа, в котором она находит все. Вы уже по опыту знаете, какую силу находит душа в том исповедании, что в Господе, и в Нем одном ее спасение, что Он Сам спасение ее. Это исповедание может быть произносимо душою только при полном сознании своей греховности. Вы чувствуете силу, оживляющую, в этих словах, и иначе быть не может. Во время молитвы это исповедание, как будто, устанавливает отношение души, убитой грехом, к Господу спасающему. Если душа остается постоянно и глубоко в таком настроении, то она уже молится даже без слов, даже во сне. Это исповедание объемлет всю душу и всю жизнь, и так как душа состоит из частей, жизнь слагается из многих разнообразных состояний (я говорю о жизни духовной), то и это исповедание, сохраняя свой единый, основной характер, разделяется на частности. Например: при духовном неразумении, когда ум тупеет, не проникая ни в слово Божие, ни в свое состояние, душа исповедует, что: «Ты, Господи, один премудр и просвещение наше!». Когда дух немоществует: «Ты, Господи, — Сила моя!» Когда тьма внутренняя наполняет всего человека и, как вы выражаетесь, не пробьешься внутрь себя: «Ты, Господи, один Свет!» и во всех иных случаях подобные исповедания. Из этих частных исповеданий выходит одно полное и живое познание — познание душою Искупителя, Который для нее — единое спасение. Но только эти частые исповедания не следует употреблять без надобности и часто переменять одно другим, но чтоб они были выражением крайней потребности души, чтоб она в Господе, и в Нем одном находила, чаяла зреть то, что не находит в себе, что в себе и искать не дерзала бы. Эти исповедания не суть просьбы о даровании того или другого, нет, душа и не хочет себе и для себя и в себе видеть и находить что бы то ни было доброе, все это она чает зреть в едином Боге, и верою просвещается. Опять повторю, что душа, при каждом своем состоянии,

поставленная в правильное отношение к Господу спасающему, в молитвенном призывании Его имени слышит живую силу Его. Но только, чтоб эти исповедания не были выдуманы умом, составлены воображением, растворены чувствами, нет, они могут быть только вызваны потребностями души, без всяких порывов и разгорячений. Когда чувствуется мертвенность души, то я не стараюсь оживить ее ничем: «Господи! Ты жизнь, души моей, в Тебе одном живот вечный!» — и я призываю Его всесвятое имя и, выходя из своей мертвенности, не ища жизни в себе, не желая ее для себя; не достаточно ли для моей души того верования и исповедания, что жив Господь, и жива будет душа моя! И как-то хочется оставаться в своей мертвенности, чтоб только в Нем одном видеть жизнь. Это не чувство, не мечтательность, но состояние дней, месяцев, годов.

11

22 мая 1871 года

...Отвечу на все вопросы ваши как можно короче, чтоб дать себе свободу впоследствии отвечать подробнее на то, что мне покажется особенно важным и нужным.

Вы не вполне понимаете описанное мною внутреннее делание, которое вы назвали моим любимым, прочтя его в выписке из творений Григория Синаита, и желаете получить объяснение на непонятные для вас слова. Со временем Господь даст понять вам, а мне, молитвами матушки, яснее высказать ее слово, но теперь главное дело состоит в том, чтоб правильно отнестись к слышанному слову. Если слово, переданное мною, покажется вам истинным, то и довольно этого, — вера в истине принятой, хотя и не вполне ясно сознанной, усваивает душе принятую истину. Божественный Учитель говорил ученикам своим: *Уже вы чисти ест за слово еже глаголах вам (Ин. 15, 3)*. И всякое истинное понятие, имеющее основанием своим Его Божественное слово, имеет отчасти тужу силу. Истина, принятая верою, очищает от заблуждений, в которых находилась, которыми жила душа. Входить же усиленно в какое бы то ни было духовное делание очень опасно. Старанием усиленно войти в понимание какого-нибудь духовного понятия — невозможно. Чтоб вполне или хоть даже несколько правильно понять дух человека надо видеть его и беседовать с ним, по словам же другого нельзя никак сделать верного определения. Что же касается вас, то, я думала бы, смущаться мною нечем. Если ваш дух смущается, то лучше отдаляться от сближения, не определяя его духовного состояния. Я смутила вас похвалой, простите меня! — Но нужно ли смущаться? — Я не верю в то состояние, которое нужно беречь. Если есть что хорошее, его нельзя не видеть, нельзя не признавать его хорошим, но можно и должно приписать его Господу и откроется новая причина для души смиряться и благоговеть пред Единым святым и спасающим. Похвала иногда и просто почеловечески принятая и ласкающая самость бывает полезна, как ободряющая унывающий дух. Бывало при матушке, почувствуешь уныние духа от понятия и ощущения полной греховности и немощи своей и придешь к матушке с просьбой, чтоб она похвалила меня и уверила бы меня в моей способности к спасению. Матушка действительно начнет уверять, и так серьезно и сильно, что я поверю, и

утешусь и ободрюсь. И не боялась она поблажить самости, но и ее употребляла, как орудие, спасающее против уныния, наносимого иногда силою вражиею. Так десными и шуими соделывается наше спасение.

12

1 июня 1871 года

Желаю вам здоровья и духовной крепости, не унывайте в минуты душевной пустоты, это состояние совсем недурное. Молитесь за меня, грешную.

13

7 июня 1871 года

Все хочется ответить вам на вопросы ваши, цель которых пополнить или разъяснить сказанное мною в письме моем от 13 апреля, но что-то я очень рассеялась и осуетилась и не выберу довольно свободного времени, чтоб написать вам письмо духовного содержания. И скорблю об этом, зная, что вы ждете моего ответа, так что сегодня ночью вижу во сне, что будто бы приехали вы и я, жалуясь вам на свою развлеченную жизнь, и прошу вас записать и помнить, чтоб поговорить со мною о моем письме от 13 апреля, при другом свидании, когда я буду иметь больше времени. Это показывает, что я забочусь отвечать вам, хоть и не отвечаю. 1) Вы просите дать некоторые объяснения для того, чтоб войти в делание, о котором я говорю. Но войти в него невозможно. Ему предает человека то, чтоб человек потерял все, чтоб он нигде и ни в чем не находил надежды спасения. Если это первое условие вполне принято, то почти нет нужды отвечать на остальные вопросы. 2) Вы спрашиваете: чем занимать ум или внимание, когда помыслам дана свобода увлекать в бездну, и так далее? — Но потому-то они увлекают, что нет сил, нет способности держать их. Ум, внимание и все его силы не существуют, все равно, как не сущие. Не в уме, не в памяти, не вниманием, а глубоко в душе оживает сознание, что есть Спасающий. Это сознание я называю верою и потому, что она не произведение ума, а живое ощущение души, — она названа живою верою, хотя она будет и в самой малой степени и слабая. 3) Чем выражается вера? — Выражается она тем, что не попускает человека искать жизни и спасения своей души ни в чем. Не попускает даже душе действовать для себя и собою. Молитва Иисусова есть выражение живого ощущения веры. 4) Чем выражается воззрение к заповедям и вера в закон Божий? — Душа, не имеющая ничего вне себя и в себе, на что бы она уповала, познавшая ложность и незаконность всех своих законов (земных и человеческих) и слабость сил своих в исполнении их, — в воле Божией, и в ней одной находит тот чистый и святой закон, который естество человеческое выводит из тли. Познание его дается душе, отвергшей всякое составление своего понятия о нем. Закон этот обретает душа в промыслительной воле Божией, в слове Божиим, а полноту его и совершенство во Иисусе. 5) Вы говорите: «Если они выражаются исповеданием Единого спасающего, то я не удивляюсь, если это исповедание приводит к молитве». — Исповедание устное приводит к молитве устной, чтоб не сказать чувственной. А исповедание, присущее душе, отвергшейся всего,

исповедание жизнью действительно приводит к молитве. Не соблазнитесь, если я скажу, что на пути этого делания не всегда можно оставаться верным деланию внимательной молитвы, но, теряя все, теряется иногда на время и труд молитвенного делания. — Иисус есть начало и конец, есть цель — есть «всех человеческих желаний краю». Он — есть дверь, которою входит человек в жизнь духовную, Он — путь, ведущий к жизни, Он есть и жизнь, вкусивши которой человек будет мертв для всего. До этой последней минуты человек не может умереть для всего, но по вере может и должен потерять все, прежде чем приступить к Той двери, которая вводит на путь, Его же мало кто обрящет. Еще о законе. На днях во время литургии читали Послание апостола Павла к Римлянам: *О законе*. Несколько дней шло это чтение. Закон чем больше требовал, тем более немоществовал человек. В нем открывалась греховность, наконец, совершенная невозможность исполнить его. Господь Иисус Христос умертвил в Себе грех и упразднил правду законную, убивающую человека, приобщив его закону благодати, жизни и свободы, который открыл ему в Себе. — Не умею высказать, но так мне чувствовалось при слушании Послания апостольского. Моей душе открывался тот закон, который дает жизнь, а не смерть. При этом что может носить память, кроме имени Иисуса?

14

26 июня 1871 года

Сегодня отправила отцу архимандриту письмо, в котором жаловалась на вас, а посланная моя, относившая то письмо на почту, принесла мне с почты два ваших письма от 14 и 17 июня. Очень обрадовалась я этим письмам и утешилась всем, что в них написано. Обрадовали они меня еще более потому, что в последнее время письма ваши ко мне стали как-то кратки и редки. Причиною этого может быть были гостившие у вас родные ваши, но мне думалось, что есть и другая причина. Мне показалось, что вы смутились некоторыми моими словами и взглядами на духовную жизнь. Эта мысль меня очень огорчила. Не потому, что я желаю от вас безусловной веры к моим словам, но потому, что я не сумела хорошо, точно и правильно изложить учение моей духовной матери, и слово ее, животворящее мой дух, перешедшее через мои уста, принесло смущение слышавшим. Простите мне мое неразумие и немощь моего духа, искажающую святую истину, и не спешите чуждаться меня. Вспомните, с каким смелым и решительным требованием духовного общения я приехала к вам. Родство духовное было признано еще тогда, как я не видала вас, потому-то я требовала от вас, как от родных, чтоб вы его признали. И теперь потерять общение с духовной семьей преосвященного Игнатия — это значит остаться опять в совершенном духовном одиночестве, а это очень тяжело. Если я говорю иногда, что есть различие, то я признаю его не в духе, не в направлении, не в основании и цели, но в некоторых приемах духовного пути. Это различие я замечаю не между владыкой и моей матушкой, а между нами. Правда, что оно связывает меня немного, но и оно со временем должно разъясниться. Потерпите и вы то, что видите во мне или в моих словах не вполне понятное для вас или даже чуждое. Я сильно верую, что если мы будем по возможности верны словам

наших духовных руководителей и по милости Божией не отчуждимся от их духа, то никогда не будем чужды и друг другу. Теперь буду отвечать на ваше письмо от 14 июня. Сличая мои слова о том, чтоб не стараться выйти из мертвенности со словами, читанными вами в 2-м томе Аскетических опытов, на с. 525, строка вторая сверху, вы говорите, что по видимому есть различие. Да, различие есть и не может не быть, потому что говорится о различных состояниях или преуспеваниях духа. В состоянии мертвенности, в которой я нахожусь, еще не может быть правильное зрение своей греховности. У мертвеца нет глаз, чтоб видеть; нет языка, чтоб просить. В этом состоянии может быть одна вера, хотя не живая, но твердая и непоколебимая, что Создавший может вновь воссоздать, если будет угодно Его благодати и Его всесвятой воле, все устрояющей для спасения человека. Когда же начнут открываться очи, то тогда зрение греховности своей бывает не принужденное, но естественное состояние души, причем естественен и вопль постоянный души о помиловании. Но переход из одного состояния в другое не может быть самовольный. Можно, конечно, прийти в это зрение самому, потому что ум, обогащенный чтением слова Божия, может воображением входить во всякое духовное состояние, может шевелить чувства, умилять их на время, и этим утешиться, но это неправильный путь, и этот труд бесплоден. Что сам берешь, то сам и должен хранить и непременно утрачивать при малейшем столкновении с жизнью, с действительностью, потому что состояние было ложно, мечтательно, воображаемо. А то, что приходит от Господа, то состояние, в которое душа вводится Самим Господом, бывает вечно, неизменно. Это не взятое ею делание, а ее состояние. Лишиться его она может только тогда, если совсем сойдет с духовного правильного пути, а столкновения внешние даже свои собственные немощи и страсти не отымут у нее того, что сделалось ее вечным достоянием. Но и самое ощущение мертвенности не может быть взятое, оно приходит от полного познания живущей и действующей в нас самости и от решительного намерения не жить в этом противлении Господу. Вы спрашиваете: как стать в правильные отношения к ближним, чтоб от собеседования с ними могла быть общая польза и чтоб они не расстраивали обыденный порядок жизни. Можно давать только то, что мы имеем. Вы имеете большую веру к слову владыки, эту веру вы сообщаете всем беседующим с вами, и в беседе, и в вас она оживляется. Вот и польза от собеседования. А вреда большого от рассеянности я не вижу. Конечно, ваш дух развлекся тем, что вошел сочувствием в отношения семейные и общественные ваших родных, но это не значит, что они внесли в вашу душу расстройство, они открыли только то, что живет в ней. И вот в эту минуту оживления чувств и должна быть внутренняя борьба. А борьба состоит не в том, чтоб не хотеть видеть в себе оживление некоторых чувств, но в отречении того, что рождает их в душе, и в терпении, как их обнаружения в себе, так и того страдания, которое последует отречению, и той борьбы чувства, которое отвращается духовного закаления, которое противится ему. Такая борьба очень очищает чувства и научает познанию себя и духовному разуму. Постоянное уединение и строгое хранение себя, едва ли полезнее некоторых уклонений от обыденного порядка и борьбы последующей за ними.

29 июня 1871 года

Поздравляю вас с днем вашего Ангела, и все, что только может пожелать душа душе спасающейся, было выражено в моем молитвенном желании об вас сегодня.

16

10 сентября 1871 года

8 сентября все мои собрались у меня и пили чай в той комнате, которая около гостиной, — она очень маленькая, — я сидела и лежала на кровати, кто на стуле, кто на скамеечках, кто на ящиках, кто просто на полу, — всем было хорошее место. Разговаривали. Общее требование высказалось в том желании, чтоб я указала, что нужно, что потребно для спасения, что есть спасение души? Требование это вызвало мое любимое слово, вызвало меня на то, чтоб я указала им, что единое нужное, единое на потребу, единое, дающее спасение и жизнь духу, единая цель, к достижению которой стремятся все души и все духи Ангельские, — есть Господь. Но для того, чтоб все пришли к этой единой цели, чтоб все в душе объединилось Единым искомым, нужен труд всесторонний, чтоб во всем трудилась, во всем находилась душа и от всего отрешилась. Во всем искала Господа, искала добра, приводящего к Нему и отрешилась от себя, от того зла, которое отчуждает от Господа и возвращает самость. При этом я не могла не указать на те сети, которыми опутывает враг души человеческие, обманывая их и отводя от спасения. Знает он, бывший денница, к какой славе и блаженству призывается человек, и всеми силами старается попрепятствовать исполнению воли Божией во спасение человека. И подмешивает он свою сладость ко злу, чтоб ею уловить души наши, и любим мы эту сладость врага, и ею заменяем вечное блаженство. Полюбим лучше, говорила я, горечь подвига духовного, болезнь отречения, чтоб этой горечью и болезнью избежать сетей вражиих и выйти на путь, ведущий к единой цели, к единому спасению, к чему во всю вечность будут стремиться духи и души праведных. Мне грустно, что ваши отношения к А. Ж. приняли такую натянутость. Есть в ней то, что может быть залогом вашей неизменной дружбы к ней, — это ее искание Господа. В отношении меня что бы ни было у нее, — я человек, около меня искать нечего, и общение ради меня такое же непрочное и ложное, как и я сама. А ради Господа, и в Нем одном общение душ вечное. Поэтому вам не следовало бы отдаляться от нее, нужно только поверить ее желанию спасения и помогать ей в этом искании: то подкрепить ее дух унывающий — силою веры, то возбудить ее стремления ко спасению, объясняя пользу отрешения от того, из чего слагается жизнь земная и ее утешения и так далее. В отношении А. Ж. вам нужно тоже приобретать любовь к ближнему, ту любовь, которая не ищет своей пользы, но пользы и спасения ближнего.

17

21 сентября 1871 года

Не стесняйтесь писать ко мне и часто и много, никогда меня это не отяготит. А если б что и отяготило, то зачем же беспокоиться об этом, разве не к труду мы

призваны? разве труд не есть наше настоящее дело? Да избавит нас Господь от дел увлеченных, приятных, сладких, как я выражаюсь, а от труда я не желала бы уклоняться.

18

5 октября 1871 года

Не отвечаю на все ваши вопросы духовные: надеюсь скоро видеться и беседовать с вами. На сегодня скажу только одно, что исповедание Господа спасающего, как духовное делание, может быть принято душою не только в течение целых часов и дней, но даже и годов. Не скажу, чтоб оно заменяло молитву, но в нем может пребывать душа долгое время, не переходя к молитве, если сама молитва не придет. Когда от лености, от рассеянности нет молитвы, тогда нужно ее поискать с трудом; когда от восстания страстей отходит она, тогда надо побороться и отречься от причины страстей, когда от уныния, от помрачения душевного не находит ее душа, тогда лучше всего пребывать в исповедании Единого спасающего.

19

30 ноября 1871 года

Наше стадо понемногу прибавляется; вчера была принята под руководство еще одна послушница, после целогодичного испытания нашего искания и ее. В монастыре у нас утвердилось такое убеждение, что ко мне под руководство духовное так трудно попасть, что лучше и не искать этого, кто же решится поискать, тот решается всею душою. Отчего же я так стеснила вход к себе? Оттого, что очень тесен путь. Тесен он тем, что требует отречения полного, тесен тем, что ни в себе, ни около себя не дает человеку видеть опоры на этом пути, тесен еще более тем, что во мне, как в названном руководителе, видит трость, ветром колеблемую, часто приклоняющуюся к земле и почти сокрушенную. А в руководителе всегда хочется видеть твердый жезл, на который во всякое время можно было бы опереться. Но этого я не могу и даже не хочу дать. Довольно того, если руководитель укажет, где искать, где найти этот жезл, и блаженна душа, если найдет его, этот непоколебимый жезл опоры, в едином крепком и никогда неизменном, вечно живущем Господе.

20

10 декабря 1871 года

Жду от вас письма, уведомляющего меня о том, что уединение, молитва, чтение и вообще вся обстановка жизни монастырской принесла вам душевное спокойствие, укрепило ваши силы для того, чтоб вновь начать делание спасения и, что в этом делании вы ощутили усиление веры, которой дала место самость, разбитая немощами. Да, на почве смирения вырастают хорошие плоды. В познании греховности своей душа верою познает Господа. А в самости, что она будет видеть и знать, кроме себя? А свое «я» как бы оно ни было хорошо и украшено добром, что оно может дать? Ни света, ни жизни. В нем есть сила, страшная, воюющая против

всех заповедей Божиих, против ближних, против Самого Бога, сила, убивающая самую душу, лишаящая ее добра, жизни, Бога. В минуты покоя трудно усмотреть, какой дух движет всеми действиями человека, даже добрыми, даже стремлением ко спасению, к добру, к Богу. Но во время искушений обнаруживается то, что было неясно. Если Господь управлял душою, то время искушений будет для души временем побед и венцов, временем сильного преуспевания. Если же самость управляла действиями человека, то во время искушений, сила ее на нее же обращается, и мучит бедную душу, как пленницу, отводя ее в самую глубину ада. Но все-таки эти минуты лучше воображаемого покоя. В эти минуты душа может правильно понять свое состояние, не обманывается воображаемым добром своим, и понятий ума не сочтет своим достоянием. В это время, если только правильно отнесется ко всему, в это благословенное время может низко, низко сойти душа. И, если она согласится полюбить свою низость, свою полную нищету, если отдаст предпочтение ближним и Господу, — порадует, что Он один высоко и что есть приближающиеся к Нему из моего естества, тогда вкусит утешение от того добра, которое не самость создает, но ее умерщвление. Говоря вам о том, что я считаю полезным немоществовать иногда, я говорю вообще, вашего же теперешнего состояния я не знаю и, признаюсь, даже не понимаю, отчего могло произойти такое сильное немоществование. Думаю, не огорчила ли я вас чем? Отец архимандрит говорит правду, что я к вам слишком строга, — он очень не хвалит меня за это, — а мне кажется даже больше этого: в отношении вас я беру на себя не свое. Простите мне эту дерзость и в знак совершенного прощения выскажите то, что имеете против меня. Только полная откровенность может уничтожить то стеснение, которое я замечаю в вас. Помолитесь за меня, многогрешную, но желающую вам всего доброго, спасительного.

21

1 января 1872 года

Поздравляю вас с новым годом. Желаю вам здоровья, мира душевного и обновления жизни. Великий Арсений говорил ежедневно: «Господи! ничего доброго не сделал я, даруй мне хотя с нынешнего дня начать». А нам, хотя бы с каждым новым годом начать вновь, с новым произволением, с новым стремлением духа, отречься от всего старого в нас, чтоб приобрести общение с тем новым обновленным естеством, которому обещано воскресение. Даруй, Господи, начать и чаще, чаще начинать.

22

4 марта 1872 года

Теперь вы уже в Петербурге. Господь да благословит вас и да поможет вам потрудиться в пользу истины. Вы боитесь рассеянности при встрече с родными и знакомыми и, конечно, рассеянность будет, но только бояться ее не следует. Сидя в келлии, мы боремся с помыслами страстными, греховными, а среди людей — с самими страстями. Вот и выходит, одно и то же, только в последнем случае борьба

обширнее, живее, действительнее. В келлии мы изучаем слово Божие, а среди людей должны стараться исполнять его. В петербургских гостиных заповеди Божии могут исполняться на деле, и вы не сетуйте, что не успели выписать их из Евангелия. Исполняться же они могут тогда, когда вы свою душу будете становить на пути самоотвержения, а целию действий своих, будете иметь отречение. Это состояние души сейчас же укажет на то, что должно быть в ее отношениях с людьми, с ближними. Она сейчас найдет эту среднюю меру, которая чужда сласти, человекоугодничества, как одинаково чужда холодности, жестокости, жесткости. Эта средняя мера есть любовь. Не беда, если вы увлечетесь иногда и понемоществуете, но беда, если при этом вы сойдете с того места, где я советую вам стоять. Блаженное самоотвержение! пребывая в нем и среди огня не сгоришь, и среди воды не утонешь, а с самостью не только в затворе келлии, но и в самом раю погибнешь.

23

8 марта 1872 года

На первой неделе мы говели, и в воскресенье мне что-то захотелось поговорить с своими дочками. Собралось их человек десять и, между прочим, говорили о любви к ближнему. Ближнего надо поставить на то место, где сам стоишь, значит прежде надо сойти с того места, где стоишь. Где же это то место, где стоишь? Это весь мир видимый и невидимый. Везде самость захватила все себе, ничего не хочет уступить ближнему, и как же может любить душа ближнего, когда чувствует, что он у нее все отнимает, имея на все такие же права, как и она. Вот она и видит его врагом своим и ненавидит его. Надо все у себя отнять, чтоб уступить все ближнему, и тогда-то вместе с ближним душа обретет и Господа.

24

5 апреля 1872 года

Сегодня прочла в книге Исаака Сирского одно слово и так осталась довольна и утешена им, что закрыла книгу. Он говорит, что «для верующего любовь к Богу — достаточное утешение и при гибели его». Желаю, чтоб это слово утешило и вас и придало вам силу даже в самой немощи вашей.

25

15 апреля 1872 года

Накануне светлого праздника Пасхи пишу вам и поздравляю вас и желаю вам встретить его с духовной радостью. Мы не приготовили себя, как следует, или даже хоть сколько-нибудь к тому чтоб радоваться духом, но самое событие, воспоминаемое грядущим праздником, так велико и благотворно, что оно действует радостно, светло и во тьме.

26

25 января 1872 года

Благодарю вас и всех близких мне по духу, всех сострадавших мне. Общая любовь, общая молитва умиливали милосердного Господа и моя болезнь видимо подалась. Конечно, далеко до того, чтоб сказать, что болезнь прошла, думаю, что она потребует еще продолжительного лечения и ухаживания за собой, но она настолько уменьшилась, что бывают часы, когда я забываю, что болезнь живет во мне, и живу и действую так, как живут и действуют здоровые. Отец архимандрит уехал от нас 22-го числа. Много, очень много утешил он меня своим приездом. Чем более я узнаю его, тем более вижу в нем плоды правильного духовного руководства. Моя душа отдыхает в беседе с ним, а его способность к самоотвержению удивляет меня и укрепляет мой слабый дух. При всем, что он имеет доброго, в нем есть еще такой задаток к духовному восхождению, что я не знаю и меры его будущему преуспеянию духовному, если Господу угодно будет продлить его жизнь телесную и духовную. Все это я говорю вам одному — он не любит, когда я ему пророчествую что-нибудь больше сознания греховности своей, но это-то состояние и есть основание, с которого никогда не должна сходить душа и, если потерять его, то не только большего не получишь, но погибнет и путь, ведущий к добру.

27

16 февраля 1873 года

Письмо это вы получите в Великий пост и это будет очень кстати, потому что вы, наверно, более другого времени будете склонны прощать ближнего, а этим письмом я прошу прощения у вас, так как пишу его на последних днях сырной недели, в дни, назначенные Православной Церковью для прощения. Всегда нам найдется за что прощать друг друга, и я нахожу покой, когда сочту себя виновной. А пред вами я виновата в том, что часто требую от вас того, чего сама не имею, — простите.

28

20 февраля 1873 года

Поздравляю вас с наступившей четырьдесятницей, которую желаю провести в совершенном здоровье и духовном подвиге. Мы, по обычаю монастырскому, говорим: «С душевной пользой», но польза не от нас, а от Господа, об ней будем молить Его милосердие, а я желаю вам пребыть в подвиге, потому что подвиг от нас, в нем пребывать нам нужно непрестанно, а теперь и время способствует ему, и Церковь помогает. В чем же должен состоять подвиг? и какая цель его? Подвиг должен состоять в отрешении тела от сонливости, от лени, чтоб оно бодро стояло на службах церковных, на келлейных молитвословиях. В отрешении души от уныния, ума — от помыслов суетных, сердца — от чувств страстных, чтоб всецело внутренний человек предстал пред Господом. Это-то и есть цель всех подвигов. Но приведет ли Господь достигнуть желаемой цели? Об этом опять не нам рассуждать, а подвиг оставлять было бы грешно; и только одно уныние, подкрепленное неверием, основанное на развлечении, может пренебрегать им,

сделавши своею целию удовлетворение своих страстных влечений. Но не хорошо и то, что вы очень унываете от напора искушений. Бросьте свое смущение, я не хочу его видеть в вас! Помыслы безнадежны от врага, а я не хочу, чтоб вы прислушивались к его внушениям, Господь не попустит нас погибнуть. Он победит врага и наши страсти, Он дарует нам вечное спасение своим непобеждаемым милосердием. Я верую в это и, зная вашу душу, не нахожу вины (причины. – *Ред.*) не иметь и вам этой веры, полной и неизменной. Немощи наши не погубят нас, но может погубить нас неверие, от чего да избавит нас Господь Своим милосердием.

29

2 марта 1873 года

Вы занялись чтением Петра Дамаскина. Да, я помню, что желала читать его с вами не для того, чтоб читать собственно Дамаскина, но чтоб в своих беседах с вами иметь руководителя. Вам одному его читать не знаю, будет ли полезно? Если б вы читали просто, как слово Божие, недоступное пониманию нашему, недоступное толкованию, недоступное усвоению, то тогда всякая книга могла бы без вреда читаться вами. Но вы все хотите усвоить, взять силою и потому выходит, что самое полезное слово обращается во вред. Что, если вздумаете усвоить те восемь видений, о которых говорит Петр Дамаскин? Что, если вы будете держать себя силою хоть на первом из них? Думаете, я похвалю вас за это чтение? Нужно знать меру свою, нужно держаться того слова, которое прилично нашей мере, мере невозрожденного человека. *В поте лица твоего хлеб твой снеси.* И нам ли мечтать о духовных видениях, когда мы еще не погибли в труде, чтоб приобрести свой насущный хлеб, когда земля нашего сердца родит постоянно терния и волчцы? Господи! помилуй нас по велицей Своей милости! Господь да покроет вас Своей милостию! Вот желание и молитва преданной вам искреннейше.

30

31 марта 1873 года

В первый раз я была у обедни в пятницу на Крестопоклонной неделе. Вошла в церковь в ту самую минуту, как пели: *Кресту Твоему поклоняемся Владыко.* Я прямо подошла и приложилась ко кресту. После долгого и мучительного страдания мне было умирительно, отрадно лобызать Крест Христов, прославляемый Церковью, славить единое искупающее нас страдание. Потом я стала на свое место, пока прикладывались сестры. В это время продолжали петь стихи: *...и древа спасения вкусивши, греховных страстей свободу улучихом.* Моя душа отозвалась на эти слова с глубоким сочувствием. Внесли святой крест в алтарь, ушла и я в церковный придел, где пролежала всю обедню. А потом опять проболела...

Всякое ваше делание благословляю, молю Господа, чтоб оно было для вас спасительно, вело бы вас к познанию силы Божией, а своей — немощи, к простоте и вере.

31

1 мая 1873 года

Хотя я буду в Крыму, почему бы вам не продолжать писать мне о своем духовном делании? Я не обещаюсь всегда отвечать вам, но, слушая что-нибудь ваше, я не утерплю, чтоб не сказать вам свое, а если Господь вразумит меня, то Его слово.

32

30 мая 1873 года

Вы просили меня сказать вам свое мнение об определении отца архимандрита, что вас надо держать в грязи. Я думаю, что это для нас с вами слишком высокое слово. И потому, что у вас нет и решимости быть затоптану в грязи, нет и веры к тем, кто бы вас там подержал, да у кого же найдется столько самоотверженной любви, чтоб вас перевести чрез эти непроходимые, низменные болота, в которых не только смиряется ум, но теряется и обоняние, и вкус ко всему, что есть хорошего на белом свете? А иного пути-то нет — вот в чем наша беда.

33

3 июня 1873 года, Себрово

У нас сегодня с родными был разговор об уме. Выше его и дороже его ничего нет в человеке, а я говорила, что прежде и мое суждение было такое же, потому что умом познаем мы все, что есть хорошего и прекрасного на свете. Но теперь я согласна лишиться и ума, лишь бы не лишиться веры. Ум и чувства — это орудия века сего, они усовершенствуются или умаляются судя по летам и по направлению жизни каждого. Вера — это око души; она душу вводит в бессмертие, в силу духовную. Но сама вера как человеческое чувство тоже ничто, а Господь, к Которому приводится душа верою. Она есть сила и источник жизни вечной, в Нем и чрез Него все бессмертно, все свято, все неизменяемо. Что же после этого ум человека? Без Бога, без Господа, он — безумие, он ничто.

34

31 августа 1873 года, Феодосия

Не понимаю, на чем основана ваша жизнь, когда маленькая рассеянность — переделка окон в келлии и тому подобное может вас наполнить помрачением, пустотой и безжизненностию? Пойдите всмотритесь, поймите, на чем была основана жизнь того великого старца, (кажется, Сисоя) который говорил: «Если небо с землею столкнется, и тогда не ужаснется душа моя и не отлучится ум мой от памяти Божией». — Где же теперь вы, и на чем вы стоите? Или тот, кто говорил: *Ни высота, ни широта, ни глубина (Рим. 8, 39)* и так далее, или: *Аще ввиду на небо, Ты тамо еси, аще сниду во ад, Ты тамо еси (Пс. 138, 8)*. Отчего же вы все теряете, от переделки окон в вашей келлии? — Оттого, что только ум свой отдаете в работу, им одним все хотите приобрести и держать, а сердца своего боитесь отдать в рабство

заповедям Божиим, боитесь, что ему будет больно. Вот оно-то, наполняясь ощущениями чуждыми, не дает и уму стоять на том месте, где вам хочется его держать.

35

25 сентября 1873 года

...Но не спешите уверять меня, что вы ее простили уже, что помирились с ней в душе. Я не поверю минутному увлечению чувства. То, о чем я говорю, дар Божий. Это невозмутимый мир, это любовь — все носящая, которая дается душе по очищении ее не только от пристрастий, но и от страстей. Наше же дело познать их в себе и подъять труд отречения от них. Но и увидеть их в себе мы не могли бы, если б Господь, по человеколюбию Своему, не открывал бы их в нас, посылая такие обстоятельства, которые их обнаруживают в нас. Познается же страсть в душе, когда ощущается болезнь сердца томящая, давящая, возмущающая помыслы душевные, наводящие уныние. Пока не ощутила душа свободу, пока не вкусила мира и любви, не говорите и не думайте, чтоб пристрастие было уничтожено. Оно только огорчено, приняло другую форму, и в этой- то форме его возможно стало узнать. Когда оно услаждает, тогда его трудно познать, а когда огорчает, — тогда легко. Благодарите же Господа, что Он дает нам познание пристрастий и страстей наших и Сам выручает нас, освобождая от них душу горькими опытами жизни, а еще больше святым и животворящим словом Своим.

36

19 декабря 1873 года

Душевное состояние мое таково, что требует много труда. А в труде нужно потерпеть, и еще потерпеть, и еще потерпеть. Чтоб цель терпения был труд, чтоб цель труда — выносливость в терпении. Дальше этого не должен идти труд, ближе этого не должно останавливаться терпение. Но без Господа ни того, ни другого не достигнет душа и опять трудится и терпит с немощию и самоукорением.

37

26 февраля 1874 года

...Исполняя мои поручения, имейте в виду мою волю и желание и мысль, а не свою. От своих же соображений всегда отрекайтесь, иначе это будет не послушание, а совершенное самочиние.

38

30 марта 1874 года

Накануне праздника святой Пасхи, поздравляю вас и, хотя еще не приветствую вас радостным: «Христос воскрес!» — но желаю вместе с мироносицами прикинуть к тому гробу, где во Христе почилло все человечество от работы греху и

диаволу. Моя мысль очень часто бывает с вами и у вас. Да хранит Господь нас всех и нашего отца архимандрита. Пишите мне чаще, прошу вас, и извещайте об его здоровье.

10 июня 1874 года

Вот вы какой! трудитесь для меня много, много, а сами все укоряете себя, что плохо исполнили послушание, все беспокоитесь, что я буду недовольна. Ведь за это всякий добрый человек удивлялся бы вам и похвалил бы вас за смирение, за недоверие к себе и своим трудам. Чувствую, что и мне бы следовало так сделать, а я вот собираюсь сделать вам замечание, или, как выражается отец архимандрит, нагоняй. Отчего вы не подождали и не потерпели молча. Если б в правду остались недовольны исполнением вашего послушания, высказали бы вам, и тогда вы могли оправдаться и сказать все, что у вас было на душе. А то так много оправданий представили, так смиренно каетесь и укоряете себя, что если б и действительно была бы в чем-нибудь ваша ошибка, то опять всякий добрый человек, кроме меня, спешил бы успокоить и утешить вас. Но по-монашески ли это? Где тут иноческое терпение, молчание, подклонение под все случившееся? Где путь к тому, чтоб дать действовать обстоятельствам, руководителю суцу Самому Господу? Во всем действует самость, она все поправляет сама, оправдывает себя, очищается, вырывает душу несвоевременно из того состояния, куда поставило ее попущенное Господом обстоятельство, в котором она могла бы поучиться и самоукорению, и смирению, и самоотречению, если бы потерпела и пождала, как следует.

Но в том случае ваше смущение было напрасное и, если бы, действительно, потерпели молча, то и увидали бы, что оно было от врага, непременно вы почувствовали бы сильные порывы смущения, помрачающие сердце и доводящие до ропота. Это самые явные признаки вражеского смущения. Послушание же ваше так хорошо Господь помог вам исполнить, что за него, кроме благодарности я не имею ничего больше сказать. Вы все уповаете на руководство людей и даете ему много цены. Конечно, оно было бы так, если б имелись духовные руководители, теперь же, в наше время, видимо Сам Господь руководит души, ищущие спасения. Вот и вам своевременно посылает Он то, что вам на пользу. Я могла только усмотреть вашу нужду духовную, когда говорила вам об исполнении заповедей, а Господь посылает вам и обстоятельства и дела, где вы можете поработать и потрудиться. Но от человека ли это? Нужно только законно трудиться и всеми силами, чтоб не только работал дух, терпением сдерживая порывы ума, смирением — все порывы сердца, чтоб познала душа всегда и во всем единого Господа сущего всяческая во всем.

У меня очень много дела, так что едва достает сил на ежедневные заботы. Но жизнь идет своим путем. На днях, возвращаясь с кирпичного сарая через сад, я посетила схимницу в ее затворе и передала ей понятие, вновь открытое моей душе о памяти смерти. А еще нет времени передать ей о памяти Страшного суда. Вам же скажу, что эта память имеет началом заповеди Божии, которые при постоянном деятельном обучении в них, делаются постоянным судилищем, с которого не может никуда уйти душа, тем более забыть его. Думаю, что тогда молитва не далека будет

от сердца всегда подсудимого, всегда осужденного за свою нечистоту, за всечастные уклонения. Но довольно...

40

15 июля 1874 года

...Потому-то и не сказала вам до сих пор, что я была крайне утешена милостию Божиею, сподобившею меня присутствовать при закладке церкви.

Лик чудотворной иконы Казанской Божией Матери во время закладки, освещенный солнцем, был так радостно светел, что я не могла без умиления молиться Ей. Митрофанию нашу постригли 13-го числа в день Архангела Гавриила. С таким чувством уничижения и прочувственного смирения она распиналась, что все присутствовавшие были тронуты и проникнуты страхом, а меня, покрывавшую ее мантией, оно умилило и сочувственно сокрушило.

41

20 августа 1874 года

...Вы спрашивали о молитве. Но я много говорить о ней не могу по малоопытности. Молитва веры, молитва при сознании своей греховности, всесторонней немощности и недостаточности — вот единственная не прелестная молитва человека, не достигшего чистой молитвы. А о чистой молитве мне говорить неприлично, как не имеющей ее. Она дар Божий, она венец жизни иноческой, она возможна при действии благодати Божией в сердце, или, лучше сказать, она есть само то действие благодати. Путь к ней — чистота.

Чистоту помыслов и чистоту чувств не трудно приобрести уединением, чтением, упражнением в молитве; но чистота сердца многими смертями приобретается, она есть совлечение страстей. Попробуйте уединиться на некоторое время, попробуйте отрешиться от всякой заботы и попечения, отдайтесь молитве и вы увидите, как улягутся смятенные помыслы, как успокоятся раскаченные чувства, вы начнете в мирном и внимательном настроении молиться. Но там, в груди, есть тяжесть непонятная, которая давит и давит. Без всяких порывов, без всяких желаний, но лежит, как камень, на сердце, производит тьму и тесноту, которая, как стена, стоит между душою и Господом. Эту стену может разрушить только благодать Божия при нашей решительной борьбе со страстями по заповедям Божиим. А для нас, во тьме страстей живущих, необходима молитва сокрушенная, при вере в Господа спасающего.

42

6 марта 1875 года

Помните, я говорила вам о том, что желаю положить начало, но какое начало, не сказала. *Терния и волчцы возрастит тебе земля, и в поте лица твоего хлеб твой снеси.* — Вот это начало. Земля моего сердца постоянно родит терние страстей. С трудом искоренять их, при постоянной бдительности над сердцем, решается воля,

усматривая их разумом, действуя на них именем Господа Иисуса Христа.

43

13 апреля 1875 года Христос воскрес!

На первый день Пасхи приветствую вас православным приветом и от души желаю, чтоб он отозвался радостью в вашем сердце. Христос воскрес! Только потому и не радуемся радостью совершенною, что не умирали со Христом, не распинали с Ним и о Нем нашей плотской воли. Воскресению этой воли нашей, оживающей исполнением какого-нибудь страстного, греховного дела, мы радуемся более и живее. — Будем же плакать!

44

8 мая 1875 года

...Сожалею о болезни вашей ноги. Болезни — напоминания смерти, и надо готовиться к ней. Слышу, что вы спрашиваете: «Как?» — Думаю, отречением от земли, от всего, что составляет ее жизнь и сладость. Довольно работать страстям, служба им кончена, счета сведены и, если в этой работе душа успела помощью Божию приобрести терпение, самоотвержение, смирение, то она не вотще трудилась, работая им. Но все же не это искомое, ей надо идти дальше.

45

21 июня 1875 года

Прочитывала я присланное вами сновидение Сн-вой, и нахожу, что все, написанное в нем, истина. Описание духов и их действие на ум чрезвычайно верно. Когда человек живет земною жизнью, то он не может познавать, насколько дух его находится в порабощении, в зависимости от другого духа, не может этого вполне познавать потому, что у него есть воля, которою он действует, как и когда хочет. Но когда со смертью отнимется воля, тогда душа увидит, чьей власти она порабощена. Дух Божий вносит праведных в вечные обители, просвещая их, освещая, боготворя. Те же души, которые имели общение с диаволом, будут им обладаны. Вот потому святые отцы, зная тайну эту, руководствуют нас к истинному обетованному спасению, путем не мечтательного делания, но действительного подвига душевного и телесного. Со смертью разрушится мечта. Она разрушается и при жизни, когда сном ли, болезнию ли, усталостию, рассеянием, различными искушениями ослабеет наше произволение направлять себя на добро. Видим мы в эти часы и дни немощи, что наша хранина создана была не на камени, а на песке мечтательности; не составляем хороших мыслей и не прибывают они в уме, не сочиняем добрых чувств и нет их в сердце, и расхищает диавол ум наш, и увлекает сердце туда, куда попускает его увлекать живущее в нас зло. А чтоб это зло искоренилось из естества нашего, нужна особенная благодать Духа. Но и со стороны человека, Богу помогающе, нужна деятельность немечтательная. Она бывает немечтательная тогда, когда человек действует теми именно свойствами, какие есть в нем, очищая их

отречением от греховности, а не унижением своих человеческих свойств. Труд в заповедях Божиих — единый неложный путь к спасению; он врачует самое естество греховное, образует его в подобие Божие и делает, что всякое добро естественно его сердцу, как всякая истина естественна возрожденному (Духом Божиим) уму. — Не успела я кончить, как желалось...

46

4 февраля 1876 года

На воскресном чтении у нас читалась беседа владыки на *Отче наш*. Все сестры были очень довольны и слушали не только со вниманием, но и с любовью. Одна я ничего не поняла, а главное, не поняла последних прошений: *Да будет воля Твоя!* Но как познать эту волю всесвятую? А принявши от Господа некоторое познание ее, как творить, когда к творению собственной греховной воли влечет неудержимое стремление моего падшего естества? *Како воспоем песнь Господню на земли чуждей?* (Пс. 136, 4) А потому единственная правильная деятельность души, пребывающей на реках Вавилонских: *сидеть и плакать*. Желаю вам всего, что может служить ко спасению и преуспеянию душевному.

47

6 февраля 1876 года

Вчера мы читали житие Антония Великого; Слово его о доброте мне очень понравилось... Посылаю вам отрывок из этого чудного Слова. Как просто и истинно. — «Не приходите в страх, слыша о добродетели, не смущайтесь при ее имени. Она недалеко от нас, не вне нас образуется; дело ее в нас, и оно легко, если пожелаем только. Еллины, чтобы обучиться только словесным наукам, предпринимают дальние путешествия, переплывают моря, а нам нет нужды ходить далеко ради Царствия Небесного или переплывать море ради добродетели. Господь еще прежде сказал: *Царство Небесное внутри вас есть*. Поэтому добродетель имеет потребность в нашей только воле; потому что, добродетель в нас и из нас образуется. Она образуется в душе, у которой разумные силы действуют согласно с ее естеством. А сего достигает душа, когда пребывает какою сотворена: сотворена же она доброю и совершенно правою. Посему и Иисус Навин, заповедуя народу, сказал: *Исправите сердца ваша к Господу Израилеву* (Нав. 24, 23); и Иоанн (Креститель.— Ред.) говорит: *Правы творите стези* (Мф. 3, 3), ибо душе быть правою значит разумной ее силе быть в такой согласии с естеством, в каком она создана. Когда уклоняется душа и делается не сообразна с естеством, тогда называется сие пороком души. Итак, сие дело не трудно. Если пребываем каким созданы, то мы добродетельны. Если же рассуждаем худо, то осуждаемся, как порочные. Если б добродетель была чем-либо приобретаемым отвне, то, без сомнения, трудно было бы стать добродетельным. Если же она в нас, то будем охранять себя от нечистых помыслов, и соблюдаем Господу душу, как принятый от Него залог, чтоб признал Он в ней творение Свое, когда душа точно такова, какой сотворил ее Бог. Будем же помогать, чтоб не властвовала над нами

раздражительность и не преодолела нас похоть, ибо написано: *Гнев мужа, правды Божия не соделывает. Похоть же зачещи рождает грех, грех же содеян рождает смерть (Иак. 1, 15)*».

48

7 февраля 1876 года

Вчера я читала одной послушнице эти слова Антония Великого. Я говорю ей, что эти слова так ясно и просто указывают на деятельность духовную, а она, эта послушница, говорит, что, напротив, ей они кажутся непонятны и непросты, потому что в себе она не видит и не находит того естественного добра, которое святой отец увещевает хранить, а напротив, что в себе она видит только тьму, мрак, жестокость и влечение ко всему злу, и оживление чувствуется только при удовлетворении этого зла или хотя при последовании ему, так что она считает зло более естественным своей душе. Вот как сроднился с нами порок, какую власть взял враг над нашими душами! И кто может победить его, выйти из-под его власти, увидеть стези света? Только тот может освободить нас, кому все возможно; Он рече: *Да будет свет, и бысть свет*. Не хочу же я после этого признавать над своей душою никакой власти, никакой силы, никакого влияния, кроме Его всемогущей власти и силы и Его животворящего действия.

49

9 февраля 1876 года

Не могу вас похвалить за письмо к П. Вижу в этом не только крайнее самочиние, но даже неуважение к моей просьбе... Я просила вас ничего не писать, и вы мне дали слово не действовать по этому делу, не сообщивши мне предварительно плана своих действий. Надеюсь, что само дело накажет вас и научит не самочинничать, а я наказываюсь за то, что свое дело отдала в руки мирского человека... Мне жаль, что я вас огорчила в начале этого письма. Покажите деятельное послушание принятому от меня слову: не допускайте скорби до сердца, обратите свое чувство к ревностному желанию вновь полагать начало отвержению своей воли и в деле, и в слове, и в помысле, и перед мною, и пред всеми, с кем случится жить, или встречаться, или говорить.

50

14 февраля 1876 года

...Если любить ближнего для себя, надо желать исполнения своих хотений, своей плотской воли. Если любить его ради самого, надо исполнять его волю, его желание. А если любить ближнего ради Господа, то надо стремиться и в отношении его исполнять волю Божию и ходить непорочно во оправданиях Его. Будем любить ближнего ради Господа. Отречение нужно, необходимо нужно, но не от человека, не от вещи, а от своего пристрастия к тому или другому. Будем же отрекаться от себя,

чтоб дать славу Господу, спасающему нас.

51

20 февраля 1876 года

Вы чувствуете перемену в своем духовном состоянии — слава Богу! Слово Божие, принятое с верою, действует самовластно. Но оно действует тогда, если со всей простотой, безыскусственностью и смирением живет душа, отдавшись верою Его водительству. Господь посылает обстоятельства, попускает немощи, скорби, лишения, при которых является в душе особенная борьба, особенный подвиг.

Тогда-то слово Божие, принятое верою, руководит душу, дает ей правильное познание своего состояния, ставит ее в должное отношение и к встретившемуся обстоятельству, и указывает ей, где и в ком она должна искать неизменную опору. Из этого душа на самом деле познает, что спасает ее Божество, как говорит схимница, даруя словом своим — правильное познание; обстоятельствами — вводя в должную деятельность; оставлением — приводя ко взысканию.

Все наши вам кланяются и считают своим, несмотря на то что вы человек мирской. Желаю вам и себе милости Божией. Мне немного нездоровится, но болезнь тела не тяжела, тяжело болеть душою и не находить врача. А врач всегда около нас. — Врач, Который взял на себя грехи наши и язвен бысть за беззакония *Наша (Ис. 53, 5)* Он о нас болезнует, а мы язвою Его исцелехом.

52

16 марта 1876 года

Как это? — спрашиваете вы, — будем отрекаться от себя, чтоб дать славу Господу, спасающему нас? Объяснить этого нельзя, но думаю, что, когда Господь воздаст душе радость спасения Своего, тогда она поймет, что обрела Его там, где потеряла себя; и ощущение спасения восчувствовала там, где погубила свою душу; и радость спасения там, где вкусила горечь смерти и прославила Господа, спасающего ее там, когда все ухищрения ее спасти себя оказались ложными, когда она от всех отеклась, как от мерзости и неправды. Господи, Ты Сам спасение души моей.

53

27 марта 1876 года

Сегодня в обедню схимница стояла около меня, в своем уголке. По окончании обедни я позвала ее к себе праздновать день Воскресения Лазаря. За чаем прочла ей из Лествицы Слово 1, 6. Потом о Темнице, потом разобрали с нею весь великий канон Андрея Критского, как он изложен. В начале изображен человек, весь исполненный греха; все виды грехов и пороков в нем вкоренены. От этого видения своей греховности в нем является некоторое безнадёжие и легкое отчаяние. Но Христос явился на земле. Он очистил все виды греха, искоренил порок во всех видах и свойствах. Душа получает дерзновение в покаянии, она ищет, как в

Силоаме, очистить слезами сердце, она находит в себе силу побороть плотские страсти и лестные помыслы. Но, принося эти плоды покаяния, она познает, что не эта жертва угодна Господу и наконец говорит: *Достойных покаяния плодов не истяжи от мене, ибо крепость моя во мне оскуде, сердце мне даруй присно сокрушенное, нищету духовную: да сия Тебе принесу яко приятную жертву, Едине Спасе!* В этом стихе, как чувствуется моей душе, заключается вся суть великого канона и великого делания покаяния. После этой беседы и после обеда старица, утешенная, пошла опять в садовую келлию. Напишите мне, что такое «победы знамение». Буду ждать ответа на этот вопрос безотлагательно, а тогда скажу, как я понимала. Даруй нам, Господи, возродиться для новой жизни о Христе Иисусе.

54

30 марта 1876 года

Вчера я получила два ваших письма от 15 и 21 марта. В одном из них вы описываете свое состояние, которое называете тупоумием, и смущаетесь тем, что душа, находясь в этом состоянии, не имеет никаких сил отражать искушения, приражающиеся к ней помыслами и ощущениями. Душа и ни в какое время не имеет силы побеждать ни страсти, ни помыслы о страстях; их побеждает в нас Господь силою Своей благодати. Но вам хочется знать, как должна держать себя душа во время известного перехода, который вы называете тупоумием, когда прекращается деятельность ума, и унынием, когда прекращается деятельность внутреннего духовного чувства. Состояние души в этом переходе бывает очень тяжело. Для немощного позволительно в это время развлечение. Менее немощному помогают занятия послушанием, духовная беседа и вообще внешние подвиги. А более сильному, святые отцы во дни этого душевного зноя, давали такой совет: «Ешь, пей, спи, но не выходи из келлии, и она тебя всему научит». Испытавшие такой совет называли келлию «пещию Вавилонскою». К чему же приводит последний совет? — К обретению Того, Кого обрели отроки в Вавилонской пещи. Вы, наверно, пожелаете узнать, кто такой этот более сильный? Это тот, кто имеет правильные духовные понятия. Они дают ему силу во время искушения не уклоняться с истинного пути. А другой силы человек от себя и ожидать не может, потому и несет все в терпении.

55

18 августа 1876 года, Себрово

Ваша поездка в Воронеж и теперь не состоялась. Это приводит к мысли, что поездка эта была бы на пользу души и потому так много встречается препятствий к исполнению ее, что вот уже несколько лет, как вы желаете и намереваетесь поклониться святым мощам угодника Божия, и никак не удается. На будущее время нужно укрепить произволение и решимость.

56

20 августа 1876 года, Себрово

Господь повелевает покончить счета (не помню, как именно, сказано в Евангелии) с соперником своим, *дондеже еси на пути с ним (Лк. 12, 58)*. Пока мы еще на пути жизни, мы можем кончить эти счета, кончить их отречением от того, что нам мешает на пути духовного восхождения, отречением от всего, что сопутствует нам в этой жизни. Когда же окончится путь, тогда не будет и предметов и чувств от чего бы следовало отречься, останется одна нищета душевная и богатство мучения душевного, как у должника, не успевшего уплатить долг свой. А должник не всегда страдает только тем, что совесть его упрекает, но больше тем, что лишается и того, что мнил себя иметь; лишается всего достоинства, довольства и свободы. — Да, нужно уплатить долг сопернику, дондеже на пути с ним, — уплатить отречением.

57

16 сентября 1876 года

...За это время много было неприятностей и скорбей, отчасти и болезни... Если тяжелы бывают неприятности внутренние (монастырские), то еще тяжелей внешние, при столкновении с миром. Тогда-то чувствуется беспомощность монашества и ненависть мира. Да, часто при подобных обстоятельствах вспоминаю слова пророка Давида: *Лучше мне впасть в руки Божию, нежели в руки людей жестокосердых*. Да избавит нас Господь и да спасет от такого креста, который и святому пророку казался не под силу.

58

20 сентября 1876 года

...Вчера я была у схимницы, и мы беседовали о том, что много у меня скорбей в настоящее время и что наведением скорбей враг усиливается погубить душу, уклоняя ее в уныние, в ропот, в нелюбовь к ближнему, а Господь, попуская скорби, хочет спасти ее, давая ей возможность борьбою приобрести мужество, терпение, разум духовный и, наконец, смирение, когда самые эти скорби превысят силу. Вот посреди этих путей стоит душа и, куда склонится, тот путь и примет ее, и доведет до своей цели.

59

13 октября 1876 года

...Вы негодуете на П. П., что он меня награждает крестами скорбей. Нет, вы, ошибаетесь; эти кресты не П., а Господь мне посылает, и я ценю их больше золотых, так как они больше всех наших стараний и подвигов очищают сластолюбивую сторону души. И часто, вкушая горечь скорбей, я говорю: *Древа спасения вкушивши, греховных страстей свободу улучихом...* Все обстоятельства устраивает великая десница Божия. Он низит и богатит, низводит и возводит. И как хорошо себя узнать

и чувствовать под Его высокой десницей! Не предай нас, Господи, в руки человеческие неверием в Твой Промысл.

60

10 ноября 1876 года

Письмо А. П. вас встревожило; это понятно, но постарайтесь по возможности предать его воле Божией. Это можно сделать тогда, когда отстранишь собственную волю и не станешь указывать, что лучше и как следует. Мне думается, что надо дать ему свободу пожить, как ему хочется. Если ему наскучила служба в Петербурге, то не лучше ли было бы взять место вице-губернатора где-нибудь в губернии; там жизнь как-то повольней, пошире в своем роде. Ваше влияние на него большое, а поэтому следовало бы теперь остерегаться давать ему советы, они могут быть тяжелы для него и слишком угнетут его внутреннее чувство. Любовь тем и хороша, что она дает свободу, не ограничивает места, до которого она может следовать за любимым, но, напротив, она идет за ним в самый ад. Потому-то она и сильна, и не раз восхищала (извлекала. — *Ред.*) любимых из дна ада.

61

29 ноября 1876 года

...Вы спрашивали о памяти смерти. — Хорошо иметь память смерти, но с разумом. Когда она служит к отречению, к умилению, к сокрушению духа, к смирению. Если же она производит уныние, то и самая память смерти будет вести не к спасению, а к гибели. Во время уныния полезнее иметь память милости Божией, Его благости, Его дарований, туне (даром. — *Ред.*) нам посылаемых, спасения, даруемого Им нам и обстоятельствами жизни, и самыми нашими падениями. Все хорошо в свое время, в не вовремя и самое хорошее может послужить во вред. Но есть одно дело, для которого всегда время, это дело — смирение духа, оно лучше всего.

62

5 января 1877 года

Газеты известили нас, еще во время моего пребывания в Себрове, о кончине преосвященного Леонида у вас на Бабайках, а потому я особенно была рада вашим письмам, принесшим мне подробно описание всех этих достопамятных дней. Вот как дивны судьбы Божии! Я была поражена благоговейным удивлением при чтении известия об этом событии. Господь сподобил вас послужить дивной тайне: переходу души в вечность иерарха, боголюбивого, подвизавшегося от юности, зачатого в духовную жизнь семенем слова Божия, преподанного владыкой.

63

27 января 1877 года

...Всегда, как только случится что-нибудь неприятное для чувств наших, или скорбное по отношению обстоятельств, нас окружающих, или что-нибудь вообще противное воле нашей, вы всегда при этом говорите: «Это попущение Божие». Это слово мне всегда не нравилось и коробило мое внутреннее чувство. Я не давала себе отчета, почему так делается, но сама никогда не повторяла ваших слов и не называла попущением Божиим случаящиеся с нами неприятности и скорби. Я называла это волею Божиею. Когда Господь наш Иисус Христос, в виду предстоящего страдания крестного молится в саду Гефсиманском, Он не называл чашу скорбей «попущением Божиим», но принимал ее как волю Отца. И в нашей жизни все скорбное есть выражение спасающей нас воли Божией. А попущением Божиим мы можем назвать то зло, которое мы делаем. Так, мы можем говорить: «Господь попустил врагу действовать — попустил мне забыть Его заповеди и предаться рассеянности, сластолюбию, роскоши и прочим греховным делам. Но по воле Его постигла меня болезнь, или другая какая земная скорбь, и я вошел в себя и стал отдаляться от греха». Вот видите, где попущение Божие? Там, где зло, где грех нас постигает, а не там, где скорбь земная, плотская.

Но волю Божию не только нужно принимать, а надо ее и творить, а для этого прежде всего ее нужно познавать. Познается же она душою, когда открывает Господь душе Свою волю Сам. Открывает же Он волю Свою душе, когда она ходит пред Ним в правоте. Эта правота состоит главным образом в нелицемерном намерении исполнять волю Божию, в совершенной готовности отречься от своей, в неуклонной решимости принять все, что пошлет Господь, без всякого рассуждения и самооправдания.

64

24 марта 1877 года

Вчера в обедню, слушая пение стихир, я мысленно говорила вам, или передавала свою мысль: «Господа можно продать подобно Иуде за самую малоценную земную вещь, но взять Его своею собственною силою нельзя». *Сам бо пришел есть спасти блудницу*, поет Святая Церковь. Сам Он приходит к душе, если она не будет Его продавать и делом, и чувством, и мыслию.

65

10 января 1878 года

В этом году я еще не писала вам и не приветствовала вас с новым годом. Это отчасти происходит оттого, что я не всегда ценю обычаи света и вообще все перемены этого изменяемого мира. Вот был бы действительно новый год жизни, если б душа из тьмы пришла к свету, из страстей — в бесстрастие. А то, что нового у нас? и вчера — страсти и грехи, и сегодня они же с нами, все те же старые, и все такие же новые.

66

28 октября 1878 года

...Как видно, вы немного унываете. И действительно, как не унывать душе, когда она останется одна с своими грехами, страстями и немощами? Как ей не унывать, когда она видит в себе только одно зло, одну нечистоту, а сил не имеет выйти из своего состояния гибели и даже не видит исхода, не видит пути, по которому могла бы выйти? Но когда она обратится к Богу, когда откроется ей бездна милосердия Божия к людям, пути Его благого Промысла, спасающего человека погибшего, когда она начнет искать свое спасение в этой бездне милосердия, когда верую в путь Его Промысла, неизреченно спасающего нас, уничтожит в себе всякое сомнение, тогда почувствует и силу, и покои, и утешение. Тогда отойдет от души мрачное уныние, отвалится камень бесчувствия.

Мир и радость — это плод смирения. Вот пристань, где находили свой покой все добрые подвижники, все скорбящие душою, все жаждущие спасения. Не бойтесь потерять все для получения смирения, не бойтесь проходить по пустыне уныния, в которой душа все теряет и, неимущая бесчувственная, не в силах двигаться. С этого пути скорей всего прийти к смирению отрешением от себя.

67

9 ноября 1878 года

Сегодня у меня болела щека всю ночь, и потому рука несколько успокоилась, и я имею возможность написать вам... По мнению всех и отца Феодора, лучше бы я совсем не ходила в церковь. После каждого выхода, у меня усиливается болезнь. Я и не ходила бы и берегла бы себя больше, если б была надежда на то, что болезнь пройдет, но так как я уверена в том, что она неразлучна будет со мною на всю жизнь, то я пользуюсь часом или днем отдыха, чтоб пойти в церковь, чтоб заняться делом, чтоб послужить чем-нибудь своим сестрам, или утешить кого словом, лаской. Бог знает, много ли будет таких часов в жизни? В эти дни, полные страданий, и в ночи бессонные, я очень полюбила молиться молитвою Господнею «Отче наш». Только теперь я начала несколько видеть ее Божественное достоинство, ее высоту, ее цену для человека, для души христианской. Она для меня служит и молитвенным обращением к Богу, везде царствующему, всем управляющему, все животворящему, все освещающему. Она направляет мой дух в смирение, мое чувство — к умеренным желаниям в настоящем, мое действие — в пути Божии, мое стремление — в волю Божию. Все мое существо руководствует во спасение, носит меня, заключает в истине. Кроме этого Божественного руководства, не нужно ничего; оно одно может направить на истинный путь, дать душе все то, что составляет христианское совершенство. Но довольно. Будьте здоровы и молитесь обо мне, грешной.

68

3 февраля 1879 года

...Мне трудно писать, но я взялась за перо, чтоб дать весточку о себе и рассказать вам мой вчерашний сон. Мне снилось, что показывают мне большую картину

Тайной Вечери. Покрыт большой стол, за которым сидят по правую сторону мужчины, а по левую женщины, одеты все в одежду первых веков христианства. Смотрю и недоумеваю: где же Господь Иисус Христос? Его изображения нет посреди стола, хотя Его присутствие ощутительно и благодать Его ясно освещает всех присутствующих на Вечери. Всматриваюсь еще и вижу, что у правой стороны стола стоит диакон, а на левой диаконисса, и оба читают Евангелие. Увидавши это, я со слезами припала к столу и воскликнула: «Господи! вот, когда я уразумела тайну Вечери! все святые приобщаются слову Божию, все духовно воспринимают его и им преобразуются».

24 октября 1879 года

Сегодня в обедню я вспомнила вас. Вы всегда, а как-то недавно особенно сильно, высказываете то, что нуждаетесь в милости Божией. Но вы выражаетесь неточно и неполно. Мы не только нуждаемся в милости Божией, прощающей грехи наши, носящей немощи наши, терпящей беззакония наши, но мы нуждаемся еще и щедрот Божиих, которые очищают нас от беззаконий наших, просвещают разум наш к познанию воли Его, укрепляют дух наш к стремлению богоугодному, направляют волю нашу к творению заповедей Его. Когда душа познает, насколько она нуждается в щедротах Божиих, и увидит насколько Его щедроты благотворят нам и во внешней и во внутренней жизни нашей, тогда только душа способна молиться Ему с сокрушенным и благодарным сердцем, и тогда только молитва будет живым словом души. Святой пророк Давид был введен в познание Господа милостивого и щедрого, и потому его молитва была полна благодарения, славословия и сокрушения. Только познание греховности своей приводит к исканию милости Божией, только познание бессилия, беспомощности, полной немощи своей приводит к познанию Господа прещедрого. Прошу вас молиться обо мне много нуждающейся в ходатайстве другой души пред Господом милостивым и щедрым, но и правосудным.

Привыкнувши вникать в смысл всякого дела и слова, я часто останавливалась в недоумении перед обрядом и обычаем просить у всех прощения накануне поста. Мы просим прощения в этот день не только у тех, с кем не встречались на деле и не могли быть виноватыми пред ними, но даже и у тех, кого иногда совсем не знали, не видали никогда. Зачем этот обычай у всех просить прощения, точно он не имеет смысла и как будто эту безразличностию затмевается настоящий, существенный смысл этого постановления. Так я думала и смущалась духом, и не умела делать поклона с душевным сознанием, и скорбела об этом. И только теперь мне открылось и душа моя сознала точный смысл этого постановления.

Лично мы не делали ничего обидного и нет нашей вины пред всеми, но если даже мы могли с Давидом сказать: *Тебе Единому согреших*, то и тогда наш грех становится грехом пред всеми, и мы делаемся виноватыми не только перед ближними, но и перед всеми людьми. Если наша душа при содействии благодати Божией усвоит какую добродетель, то она становится достоянием всех. Милостивый всех милует, смиренный всех прощает, кроткий всех терпит, опытный в борьбе с

своими страстями помогает другим и так далее. Эти добродетели становятся достоянием всего мира. Об них говорят, передают друг другу в назидание, об них слышат дальние, они становятся для них примером подражания, укреплением и поддержкою. Точно так же и грехи наши. Сделанные в сокровенности сердца, не только словом, но хоть мысленно, они оскверняют сердце, расслабляют его, делают порочным, слабым, недейтельным, слепым и глухим. Греховность наша отзывается и на других, на всем мире. Мы не даем нашим ближним того, чего они вправе требовать или ожидать от нас. Ни любви, все носящей, все терпящей, всем жертвующей, ни силы опытного слова, ни примера терпения и благой деятельности — ничего мы не даем им. И смотрят они на нас тоже с нелюбовию и идет об нас общий говор все расслабляющий, всех растлевающий. Вот и виноваты мы пред всеми, вот и нужно просить у всех прощения, вот и новая причина смириться глубоко, глубоко в своем сердце.

70

13 апреля 1880 года

Христос воскрес! Сегодня день Лазарева Воскресения — и этот день самый приличный для такого приветствия. Это событие, усвоенное душою, то есть когда сама душа о Христе воскреснет, тогда она может с сознанием приобщиться дарам Воскресения Христа. Нам, сидящим во тьме и сени смертной, прилично только радоваться и благодарить Бога, что дал нашему естеству эту способность, этот великий дар Воскресения о Христе, радоваться и благодарить за то, что есть и были избранные души, воскресенные Им от смерти к жизни, а о себе смиренномудрствовать.

71

23 февраля 1881 года

...«Леонида уже дней десять как дома... Я тоже рада ее возвращению, но за это время уже привыкла без ее общества, и мое уединение было мне иногда приятно... Я рада посту и его тишине, хотя спрашиваю себя: «Что дает мне эта тишина?» Правда, что она дает покой телу, что для моего больного тела очень дорого. Но покой души не всегда находишь при внешней тишине и покое. Напротив, часто, если не всегда, в этом покое внешнем в душе возрастает буря страстей. И если при рассеянности нужно воздержание, то во время уединения еще нужнее терпение. Терпение — это тоже живая сила души при духовном разуме, познающем изменения вещей и всего земного, при вере сердца, при смирении духа. Терпение дает душе постоянство, оно переходит в мужество и тогда становится не пассивным чувством, а деятельным. Да укрепит вас Господь в терпении, столько нужном во время поста.

72

1 июля 1881 года

Благодарю вас за поздравление меня с днем рождения. Вот по милости Божией

прожито уже 48 лет. Вижу, что силы уменьшаются и даже способности умяляются. Весна, в которой сеется все доброе, давно прошла; прошло и лето, в которое зреет плод; теперь проходит и осень, во время которой собирается плод. И что же? Если и есть малый плод, посаженный и воспитанный покойной матушкой, ее трудами и молитвами, то и этот малый плод я ленюсь собрать. Придет зима, и душа моя будет умирать с голоду. Я это увидела на днях. Нет у меня подвига нисколько, а без него нельзя жить. Нужно понудить себя и к молитве, и ко всему доброму. Я это так сильно почувствовала, что стряхнула несколько свою леность и немного понудила себя к молитве. И так было хорошо. Но потом опять леность и нерадение! Так нужен мне душевный подвиг, так необходим. Помолитесь обо мне, чтоб Господь послал мне силу понудить себя к подвигу.

73

14 декабря 1881 года

Не только для постоянного пребывания в молитве, но даже и для исполнения молитвенного правила необходим мир душевный. Если мир душевный чем-нибудь нарушен, то молитва становится или только устною, или с большим подвигом совершается умом; сердечную же она никогда не может быть. Мир душевный, как достояние *чистых сердцем* приобретается или, правильнее сказать, ниспосылается Господом по многим трудам и подвигам над душевными страстями и после многих отречений. Но мы, грешные, питающиеся крупичками со стола богатых, стремимся приобрести мир, хотя во время молитвы. Для этого тоже потребен подвиг тяжелый и продолжительный. Полное отсечение помыслов во время молитвы, отречение от чувств и от всего окружающего мира, предание всего на волю Божию, непоколебимое утверждение сердца в вере, несомненное упование на силу Божию. При таком утверждении сердца молитва совершается в мире. Но если это состояние достигается нашими трудами, а не есть дар благодати Божией, то иногда наш внутренний мир подавляется и омрачается двумя противоположными состояниями: или хладом сердечным, или радостью чувственной, заменяющими (или занимающими место) смятение помыслов и волнение чувств. Хлад сердечный — это такой исполин, которого победить не достанет человеческих сил. Много надо подвига любви к ближнему, много милосердия к недостаткам ближних и прощения их, чтоб смягчилось сердце. А во время молитвы — упования на силу Божию; нужна молитва за ближних, за весь мир, за *вся человеки*, молитва о прощении грехов всех грешников, из них же *первый есмь аз*. Пройдет хлад, и наступает безумная радость, которая волнует внутренние чувства и нарушает мир. Тогда-то потребно глубокое смирение, временное даже оставление молитвы по не достоинству, служение самоотверженное ближним делом или словом. И только в глубине смирения и самоуничиженного чувства кроется мир внутренний, при котором совершается молитва.

74

22 декабря 1881 года

...Блаженный Иероним сам о себе свидетельствовал, что «мое тело, прежде общего разрушения человеческого состава, было уже мертво; а мои страсти все еще кипели». Он описывает свой подвиг деннонощный, свое сокрушение, а мятежная плоть продолжала брать перевес над силой, и душа повергается в уныние. Это постоянное пребывание в подвиге, неуклонное стояние в нем — вот черты, запечатленные в его изображении на образе. — Даруй нам, Господи, всегда пребывать в подвиге, а что выше этого состояния, то не от нас.

75

21 марта 1882 года

Жизнеописание владыки нашего я получила и читала. Читала с большим удовольствием, с душевным утешением и назиданием. Дороги слова самого владыки, его собственное свидетельство о себе. Сказать о нем слово может только тот, кто возвысился до понимания всех его деяний. Чем меньше о нем сказано, тем лучше. Об Лествичнике так мало нам передал его жизнеописатель, а между тем для всего монашества, и древнего, и нового, и будущего, он будет руководителем и его образ, такой ясный и живой для всякой души, руководимой им. По-моему, очень довольно сказанного и для настоящих и для будущих почитателей и учеников владыки. Пусть бы еще и еще печаталось это издание. Но скажу к этому, вам необходимо собрать все материалы, все мелкие и подробные сказания, которые вписать чисто в одну тетрадь и скрепить своею подписью. Пусть это будет памятником для ближайших последователей владыки, а может быть, в будущем они будут иметь более обширное применение.

Брат Василий Михайлович пишет, что они читали жизнеописание владыки и что его поразило сходство с одной знакомой ему душой, в особенности в призвании на путь духовной жизни.

76

3 января 1883 года

Кончина моего батюшки Михаила Васильевича последовала 20 декабря. Хотя кончина его была самая мирная, но для меня она была так тяжела, точно я сама умирала. За пять дней до кончины его я приехала к нему, нашла его очень ослабевшим и неподвижно лежащим на постели. Он не чувствовал никакого страдания, но все слабел постепенно. Я не оставляла его ни днем, ни ночью. Много беседовал он со мною. Последнюю ночь просил читать молитву: *Богородице Дево радуйся...* Вспоминал творения владыки и при этом сказал, что лучшее его сочинение это о Иисусовой молитве. Просыпаясь он все время читал Иисусову молитву. Последние месяцы он приобщался Святых Таин каждые две недели, а при последних днях 15-го и 20-го числа в 6 часов утра. В 4 часа пополудни он мирно скончался, точно уснул. Погребение его совершилось 23 декабря в 2 часа... Его постническое тело не спешило разлагаться... Народу на выносе было очень много, и ни у кого не погасла ни одна свечка. Все провожали его со слезами, называли благодетелем, милостивым отцом и кормителем, праведником...

30 марта 1883 года

...Вы отчасти знаете, как сильно я была привязана к моему родному батюшке. Если я в жизни кого почитала полным чувством, кого благоговейно любила, кого безмерно обожала в молодости, то это его, моего дорогого отца, моего воспитателя, моего друга, духовного руководителя. Когда я сидела около него последние дни и ночи, то сердце мое было переполнено горечью, и я желала, готова была вместо него вкусить горькую чашу смерти. Господь даровал ему мирную кончину. Но все же кончина его для меня была тяжела. В молитве о нем я находила утешение, облегчение скорби. В келлии, мы все, келлейные мои и я, читали до сорока дней неугасимый Псалтирь по нем. Ночью под сороковой день я читала в своей комнате, когда начала читать 17-ю кафизму, то почувствовала в душе своей изменение. Слова псалмов читались глазами, языком, а смысл их передавался душе моей душою батюшкиною. И эта душа, ходившая на земле путем заповедей Господних, утвержденная в законе Его, отдавшая себя слову Его, отвергшая все и себя самого для последования слову уст Его, эта душа, отшедшая от земной жизни с твердым упованием и верою, сообщала свет душе моей, радость сердцу моему. В ту ночь я уже не могла уснуть от полноты духовной радости, и сороковой день был для меня днем радости... В Себрове на этот день многие видели его во сне светлого, радостного, окруженного светом и убеждающего не скорбеть о нем, что ему так хорошо, как лучше нельзя.

21 марта 1884 года

...Не воображение должно руководить духом молитвы, а то, что составляет корень нашей жизни, наших ощущений, наших всех помыслов, нашего духа, то, во-первых, что живет в нас, и, во-вторых, то, чем бы мы должны жить. Первое сознание своей греховности, ощущение ее в себе, в духе покаяния и сокрушения, и второе — заповеди Божии, написанные в нашем сердце при создании нашем, данные нам Евангелием, явленные во Христе. Эта постоянная работа над своим сердцем в борьбе с грехом приводит к сознанию своей полной греховности; это стремление души к заповедям Христовым приводит ее к сознанию своей полной немощи и бессилия. Молитва Иисусова при таком делании становится деланием сердца, дыханием души, духом жизни. Она естественна при таком делании, для нее не нужно ни особенного уединения, ни времени свободного; она обретается душою при самом развлеченном даже ее состоянии, она действует в сердце и тогда, когда оно, укрепленное благодатию Божиею, служит ближнему словом или делом самоотверженной любви. В этом делании бывают уклонения только тогда, когда сердце отдается и живет страстями или теряет веру. В первом случае оно скоро возвращается на путь покаянием и отсечением страстей, а во втором особенная благодать Божия утверждает в нем потерянную веру. Не знаю, сумела ли я вам высказать ясно свои понятия духовного делания, но другого пути я не знаю. И

оставаясь в уединении и отделяя свободное время для молитвы, и отражая помыслы, не нужно убегать от себя, вне своего сердца искать пути ко Господу, искать умиления и сокрушения духа. В нем, в нашем сердце, в его ощущениях причина наших грехов, в нем же и причина сокрушения. Это делание приводит к глубокому смирению, к сокрушению духа, к ощущению теплоты душевной и умиления. При таком делании ничто не мешает и не рассеивает и, как выражаются отцы, самый ад бессилён поколебать душу верующую и смиренную. Но при делании молитвы, руководимой воображением, все может помешать, даже ветер, говор голосов и тому подобное, не говоря уже о собственной немощи, которая собьет с пути, и вернуться на него вновь не сумеешь. Не полезно искать того, что вне нас. Если Господь сказал, что Царствие Небесное внутри нас, то там же и путь в него.

79

7 апреля 1884 года

Покаяние также, как и молитва, не должно быть мечтательно. Истинное покаяние — дар Божий, оно полно сокрушения. А наше покаяние должно быть только сознание, уверенность в нашей греховности, безнадежность на себя. Она-то и приводит к вере. У святителя Тихона (Воронежского. — *Ред.*) это изложено хорошо. Надо прочесть вместе.

80

6 августа 1884 года, Киев

...Слушая пение в Великой Лаврской церкви, небеси подобной, вспоминаю вас, как вы называли его: «духом бурным». Это пение ни с чем несравнимое так меня утешает, наполняет душу неземным чувством. Вы знаете по себе, как оно говорит душе. Познакомилась с наместником (архимандрит Ювеналий Половцев, из Оптиной пустыни). Мне он очень нравится, но по духу, я думаю, мы не можем сойтись; первая наша беседа была спор. Я люблю поспорить, когда дело идет о различии мнений, но при различии духа, спор невозможен и лучше молчать.

81

24 августа 1884 года, Усть-Медведицкая

...В этот приезд особенно усердно я посещала Великую Лаврскую церковь. Это пение лаврское, полное покаянного сокрушения и твердой, непоколебимой, дерзновенной веры, — пробуждало мою ленивую душу, сокрушало ее. Как мне было грустно слышать, что те, которые стоят во главе, не понимают это пение, даже укоряют его. Наместник несколько раз приглашал меня к себе и по несколько часов мы проводили в духовной беседе. Из них — результат. Я поняла, что он человек духовный, но насколько он не единомыслен нам, я сужу из того, что, чем дальше шла наша беседа, тем моя душа все глубже уходила сама в себя и закрывалась. Но он хороший монах и, кажется, на своем месте. При прощании наместник сказал мне: «Мудреный вы человек». Он не хочет признать, что стремление у нас к одной цели,

что есть оно — это стремление.

82

12 ноября 1884 года

За эти дни много было мне хлопот. Кроме суеты, сопряженной с празднеством и посетителями, хотелось еще готовившихся к постригу сестер, всех вместе и каждую отдельно, подкрепить и направить соответствующим словом. Одним советовала отречение от своей воли и своего разума, возможного только при отречении от своих хотений, другим — внимание к помыслам при непрестанной молитве Иисусовой; третьим — подвиг внешний, способствующий к усмирению плоти, другим — последование неуклонное заповедям Христовым, приводящее к познанию своей немощи. Вам же, родной о Христе брат, желаю всего вполне, всего того, что пожелала сестрам каждой порознь. Господь своею благодатию да возрастит все благое в душах, верно к Нему приходящих, и их благое начинание да совершит молитвами Пречистой Богородицы и святых отцов и матерей наших.

83

20 ноября 1884 года

Опасайтесь о Господе и нас поминайте в своих святых молитвах. Я и мои близкие сестры от всего сердца порадовались известию о вашем пострижении в рясофор. Точно теперь вы еще ближе к нам стали, роднее. Хотя родство духовное всегда было так полно, что к нему прибавить и увеличить его трудно, но во всем есть мера и эта-то мера исполнилась, или готова исполниться. Вы все пишете о нечувствии и сонливости. Я думаю, что вы мало даете себе покоя. Когда вы утомлены, вам не следует себя нудить; не понуждать себя что-нибудь чувствовать. Если не будете давать телу своему покоя, и во время утомления будете понуждать себя к молитве, или собирать помыслы, или искать в сердце покаянного чувства, то вы никогда не будете иметь мира душевного, напротив, всегда будете в смущении помыслов и в отягощении духа. Василий Великий говорит: «Если покой вредит молодому и здоровому телу, то несравненно больше вреда приносит чрезмерный труд больному и слабому телу». Без смущения давайте себе побольше покоя, чтобы иметь часы или хоть минуты бодрого духа, свежего чувства и ясной мысли. Иначе можно дойти до омрачения. Господу так мало нужно от нас, только смиренного духа, а нам Он все дает своею благодатию.

84

8 декабря 1884 года

Грязь, дождь, Дон еще не замерзал, а переправа уже не существует. Поэтому к нам никто не ездит, а погода и меня держит в четырех стенах. Я очень довольна своим уединением, хотя не всегда употребляю его с пользой. Большие зимние вечера я очень люблю. Иногда собираю близких сестер на чтение, я объясняю прочитанное. Это не такое чтение, какое было когда-то при вас. Теперь собираются

только свои близкие — больше свободы в беседах. После одного чтения Вероника говорит мне: «Я только одно слово взяла из всего сказанного вами; и этого одного слова для меня довольно. Вы сказали: что когда чем-нибудь увлечешься, то надо вспомнить смертный час и что тогда ничего не нужно, все на земле останется, и пойдет одна душа с своими делами — эта память приводит меня к молитве и дает свободу духу». — Уча сестер, от них я учусь сама. Читаем мы больше из Добротолюбия. Я давно не читала эту книгу, многое в ней открывается моему понятию, что прежде было закрыто, а многое закрыто и теперь.

85

7 февраля 1885 года

Благодарю вас за известие о кресте. Мои все рады до бесконечности. Рада и я. Честь — лучше бесчестия, и еще далека душа от того, чтоб одинаково смотреть и принять то и другое. Но скажу откровенно: честолюбие не главная моя страсть, есть другие более сильные. Я замечаю, что у меня гордость сильнее честолюбия. И как эти противоположные страсти уживаются вместе, в одном сердце? — об этом ведаёт тот, кто их незаконно сеет, и тот, кто чрез-естественно их в себе питает. Жизнеописание матушки-схимницы (Ардалионы) у меня окончено. Я писала без всякого правила и законов писания. Раз решивши, что оно не будет печататься, по крайней мере, в таком виде, как я его пишу, я уже не стесняюсь ничем. Много там я говорила лично о себе, много изложила бесед матушкиных со мною. Написала и о схимонахине Пафнутии, где тоже пришлось сказать о матушке Ардалионе и о себе. Мы все остались очень довольны этими записками. Так они воскресили пред нами время, прожитое с матушкой и все ее слова, и все ее действия по отношению нас, как руководимых ею.

86

5 марта 1885 года

Вы пишете, чтоб я прислала прочитать свои записки о матушке-схимнице Ардалионе. Я очень желаю и сама, чтоб вы их прочли, но мне хочется их сначала переписать, а то они очень дурно написаны и с такими перемарками и выносками, что в них трудно разобраться. Только вчера я их выручила от Прав дина, и когда они будут переписаны, то я их пришлю к вам.

87

1 декабря 1885 года

...Что вам сказать о себе? — Хочется молчать. Начинаю понимать, что молчание плодovитее всякого слова. Молчать словом, помыслом, чувством — вот какое молчание вожделенно, потому что и говоришь, и думаешь, и чувствуешь — все страстно-греховно. *Да молчит всякая плоть человека.* Далеко от этого молчания моя грешная душа, но иногда приходит желание молчания, точно отяготится душа суетностью, точно она потеряет вкус ко всему земному, преходящему, точно она

увидит несостоятельность брения. Вот и пожелает замолчать.

88

23 января 1886 года

...Нам и всем нужно иметь смерть перед глазами, она и есть постоянно с нами, так как день прошедший, час, минута пережитые, уже умерли навсегда для нас; мы живем в смерти, ежеминутно умираем, и дела наши греховные умерщвляют нас вечною смертию. Но этот путь, в юдоли плача и смерти, еще надо проходить с верою, пока Господь Сам найдет, что плод созрел и время его собрать.

89

26 ноября 1886 года

О себе скажу вам: я здорова, хожу ежедневно в церковь, дома занимаюсь делами по послушанию, читаю, пишу. Но этого мало вам. Вам хочется знать, как живет моя душа? Живет в грехах и, главное, в нечувствии своей греховности. Иногда откроются очи душевные и увидит она свою слепоту и свою греховность и страшно станет. Но что же она делает, чтоб прозреть, чтоб сохранить в сердце страх, чтоб познание своей греховности приводило ее к отречению от своей грехолюбивой воли, от своего лжеименного разума? — Вот в этом-то вся и беда души, что работа над своим внутренним человеком отягощает ее, и ищет она покоя в рассеянности помыслов, в смятении чувств. Помолитесь, чтобы Господь воззвал душу мою на покаяние.

90

20 февраля 1890 года

Мне все думается, что болезнь ваша не к смерти... Я надеюсь, что вы поправитесь. Мне очень тяжело думать, что вы отойдете в будущую жизнь и я вас больше не увижу. Никогда я ни о чем не прошу Господа, всегда все предаю Его воле, прошу, чтоб во всем исполнялась Его воля благая и спасительная, а теперь горячо молюсь Царице Небесной, чтоб поддержала вас, чтоб мне еще на земле видеть вас. Если Господь благословит нас дожидаться весны... ждите меня; укрепляйтесь силами, выздоравливайте. Укрепляйтесь телом и душою. Укрепите дух ваш верою. Не пугайте себя представлением близкой смерти и ответом за гробом. Не носите в душе страха смерти. Этот страх спасителен, когда мы живем земною жизнью, живем в страстях, в похотях плоти, когда же жизнь наша кончается, когда мы смотрим за ее предел, то страх этот может быть для души великим искушением. Таким и сочтите его. Смотрите на предстоящий переход с верою и упованием, укрепляйте дух свой упованием на обетование Господа. Положите все свое чаяние, всю надежду на Его заслуги, на Его милосердие, на Его любовь к человеку, хотя грешному, но Ему единому преданному. Нет у вас ничего. Мертва душа, нет памяти Божией. Но пусть будет уверенность в Его спасение. Отгоните страх и безнадежие. Не погибнет душа верующая, душа, преданная Его

воле. Напомню вам. В первый раз, когда я видела вас, вы сказали мне, что ничего не имея, чем могли бы спастись, желаете только одного, чтоб в обители владыки быть, подобно маленькой собачке. Это слово живо напомнилось мне. Да, это и будет. В небесной обители святого владыки Игнатия, уготовано и вам светлое место. Веруйте и радуйтесь. Если придет уныние или страх, отгоните его, с надеждою и радостию думайте о переходе в загробную жизнь и тем, кто стережет во вратах душу, чтоб восхитить ее, скажите с дерзновением: «Не имеете вы части во мне, я послушник моих отцов, которые отвечают за меня пред Господом Богом моим». Аминь.

91

1 марта 1890 года

Боюсь, что вы обременяете себя тяжелой, постной пищей и прошу вас забыть, что теперь пост, а кушать скоромную пищу, питательную и легкую. Забыть о разности дней можно, когда верить тому, что эта разность дана нам Церковию, как узда здоровой плоти, а вам дана болезнь и немощь старости... Главное, молю вас, не отягощайте своего духа. Да будет он мирен во всем, как дитя, преданное, в руках Господа спасающего укрепленное; как муж, этою верою опоясан силою упования на милосердие нашего Искупителя. Что суть грехи наши против милосердия Божия, говорит святитель Димитрий Ростовский? Яко паутина противу ветра великого. Возрадуемся о Господе нашем Спасителе. И будем мирны и радостны...

Неизреченны пути Божии, спасающие нас!

92

8 марта 1890 года

Сегодня сороковой день нашему дорогому другу архимандриту Иустину. Даруй ему, Господи, вечное упокоение со святыми, молитвами владыки Игнатия! Мы молились за упокой его души и поминали его хлеб-солью. Я всю панихиду проплакала. Вспомнился он мне, как живой, и вся его жизнь с девяти лет в стенах монастыря, как в печи Вавилонской, с молодых лет в должности настоятельской, как мученик и исповедник. Еще скажу вам одному: путь духовной жизни, основанный на отвержении самости, всегда бесчестен; не дает ему Господь славы на земле и даже кончиной не удостоверяет в его праведности. Пусть Он один будет нашей правдой и оправданием, нашею святынею и освящением. Будьте мирны в этой вере и уповании.

93

2 августа 1890 года

Слава Богу за все! Для вас теперь по состоянию здоровья вашего, по немощи старческих сил, самое главное быть в мире со всеми окружающими и чувствовать мир в душе. Меня очень успокоило, что с отцом Илией вы сошлись... Надеюсь, что он вас будет покоить. Меня трогает и умиляет та любовь, с какою вы относитесь к отцу П., и та жалость, которою вы покрываете отца М.— Не думайте, что я их

осуждаю, а тем менее сужу. Я не могу произнести своего суда ни над кем; все в руках Божиих и эти всемогущие и благостные руки, всем хотят даровать спасение — и туне всем даруют его. Я говорю только, что путь наш, путь грешников, какие мы есть и есмы на самом деле. Смиряться надо и не сходить с этого пути покаяния, не брать личины праведника, когда мы грешники и не искать себе оправдания, а чаять и веровать, что наше оправдание — Христос. Не стыдиться своих братий и отцов, если жизнь их и кажется позорна, а кончина бесчестна. Лучше будем подражать их вере и смирению и предадим себя спасающему нас Господу.

Письмо к схимонахине Пафнутии

5 августа 1873 года, Феодосия

Вчера мы были у обедни, и я очень утешилась словом Божиим. Оно всегда и везде родное мне и сильное, и питает душу, и освещает ее. Пели на причастном: *Воскрес из гроба и узы растерзал еси ада, разрушил еси осуждение смерти, Господи, вся от сетей врага избавивый; явивый же Себе апостолом Твоим, послал еси я на проповедь, и теми мир Твой подал еси вселенней, Едине многомилостиве.* — Эти слова показались мне живыми, и увидала я силу их в жизни человеческой и в жизни духовной. Человек живет земною жизнью: все в ней смертное, все преходящее. Обстоятельства переменяются, чувства человеческие изменяются, переходят. Если кто живет только в обстоятельствах и чувствах, то он постоянно вкушает смерть, все умирает в его жизни, и он сам находится под осуждением этой смерти. Когда же человек в этой преходящей, переменяемой жизни ищет Господа, когда каждое обстоятельство жизни поучает его познавать Господа, каждое чувство, направленное по заповеди Божией приближает человека к созерцанию Господа, вообразившегося в чистом сердце, когда воскресает Господь в душе человеческой, тогда осуждение смерти разрушается, потому что смертные обстоятельства, смертные чувства привели человека к бессмертному состоянию и вкушение их не принесло смерть, но — жизнь. Когда же человек живет одним смертным, то враг из всех земных обстоятельств и чувств устраивает человеку свои сети. Если же это смертное обратилось для человека в бессмертие, если оно привело человека к познанию Господа в обстоятельствах, к соединению с Ним в духе чрез чувства земные, то сети врага сокрушены, и Господь, приобретенный чрез смертную жизнь, сделался избавлением от погибели, которую готовил враг чрез свои сети, заключив в них яд смертный. Все это в духе, все это переживает душа, и в себе, в своей жизни видит объяснение слова Божия. Да дарует нам Господь не только языком читать и прославлять слово Его святое, но и последовать Ему жизнию.

Письмо к Лидии П.В.

15 ноября 1870 года

...Я всегда рада слышать, если в ком-нибудь открывается желание к монашеской жизни, если же кто из образованных и умных людей посвящает себя этой жизни, то

меня это радует еще более. Но при этом нужно знать, какая причина заставляет избрать эту жизнь и какую цель имеет человек в этом избрании? Цель дает направление и характер всей будущей жизни и деятельности человека, и потому она очень важна. Вы пишете, что решается на поступление в монастырь, видя окружающие вас скорби. Я этого не понимаю. Если вы смотрите только на внешнюю сторону жизни и от скорбной жизни желаете найти покой в тишине монастырской жизни, то вы ошибаетесь. В монастыре свои скорби, и даже, может быть, более тяжелые, чем в миру. — Если же вы духом постигли суету жизни земной, если в ней вы не находите удовлетворения своей душе, и желаете найти эту полноту в жизни духовной, жить для вечности, для Бога, то это стремление ваше правильное. Но при этом решении нужно приготовиться на все скорби душевные и телесные. От человека, желающего спасения, многого требуется. Стены монастыря, черная ряса, даже все внешние подвиги жизни монастырской ничего не значат без внутреннего подвига, который составляет цель жизни монашеской. Состоит же он в совершенном перерождении всего человека, в совлечении всего земного, в умерщвлении всего своего, человеческого разума, всякого чувства человеческого, для того чтоб ожить для Бога и в Боге. Как далек человек от Бога, так велика и бездна, разлучающая его с Богом, так велик и труд воссоединения. Мало того, что путь этот тяжек, но даже не для всех доступен, не всем открывается, не всякий находит его, не всякий ищет, даже не всякий вожделевает его. Его вожделевает, ищет и находит только тот, кто призван на этот путь самим Господом. Призвание же Божие чувствует душа, когда она в земной жизни ничем не удовлетворяется, когда она постоянно чувствует какую-то неполноту и когда она ищет, чтоб в ней самой открылось ощущение бессмертия, вводящее ее в жизнь вечную и приближающее к Господу вечному. Такому призванию Божию душа не может противиться, она делается послушной и не остановится в своем искании внутренней жизни, общения с Господом, до тех пор, пока не найдет пути, приводящего к этой цели, и тогда не остановится, но все трудится на земле своего сердца, все идет дальше и дальше, несмотря на то что путь делается все труднее и труднее, все более и более требует отречения от души, вверившейся Ему, и в этом умерщвлении себя, во внутренней смерти (человек) находится всю жизнь, до тех пор, пока угодно будет Богу призвать его к вечной жизни. Если не принять этого внутреннего подвига, не искать этого пути, то не нужно и поступать в монастырь. В него поступают для того, чтоб в этом училище духовной жизни образовать свой дух, чтоб в нем найти руководителей и все средства для прохождения этого духовного поприща. Подумайте об этом хорошенько, и по возможности приготовьте себя, и тогда только решайте. Ознакомьтесь по возможности с требованием внутренней жизни и прислушайтесь хорошенько к своему духу, способен ли он отдаться им и наклоняется ли он к этому новому призванию? Ознакомьтесь вы можете с ним, если добудете себе книги: Лествицу Иоанна Лествичника и еще четвертый том сочинений епископа Игнатия Брянчанинова.

Письмо к сестре матушки А.М.М.

17 декабря 1851 года

Благодарю тебя за письмо и за твою любовь ко мне, недостойной. Я радуюсь, что здоровье твое поправляется, дай Господи, чтобы ты была здорова, добрая моя сестра! Но и болезнь иногда бывает нам на пользу, милосердый Господь наказывает нас здесь временным страданием, чтоб избавить нас от вечной муки. Как утешительно думать, что мы на земле странники и Отечество наше на небесах! И как вожделенно это Отечество! *Господи, не лиши меня небесных Твоих благ, избави мя вечных мук!* Но если душа совершенно исполнится Божественной любви, то ей не страшна геенна, она и там будет неразлучна с сладчайшим Иисусом, и там будет любить Его. Господи, сподоби мя любить Тя такой же любовью, какой Ты возлюбил меня! Ты сшел на землю для меня, когда бы могла душа моя взойти на небо для Тебя!

Поздравляю тебя с праздником Рождества Христова и молю рождшегося Господа, да возродит Он в душе твоей все добродетели и приведет тебя в меру совершенства твоего.

Прошу твоих святых молитв и остаюсь от души любящая тебя твоя сестра, недостойная послушница, грешная Анна.

Из писем В. И. И.

1

С апреля 1885 по 1889 год

Не стремитесь так усиленно узнавать волю Божию в вашем деле, чтоб не принять за волю Божию горячность собственного сердца. Надо знать и глубоко познать, что сердце наше так испорчено, так помрачено грехом, жизнь наша так спутана нашими пороками, испорчена своевольными умыслениями нашего грехолюбивого сердца, что не только творить волю Божию или познать ее мы не можем, но даже действовать в нас и в нашей жизни мы не допускаем всесвядой воле Божией. Пророк говорит: *Святим иже суть на земле, удиви Господь вся хотения Своя в них (Пс. 15, 3)*. Видите ли, что в святых душах и только в них Господь исполняет Свою волю? В них нет препятствий для совершения в них воли Божией. Грешник же, живущий в своих страстях, живет постоянно в противлении воле Божией. И хорошо, если он принимает то, что попускает ему выносить Господь, если он смиряется под это попущение Божие. Такое смиренное подклонение под попущение Божие есть признак грешника кающегося. Живя греховною жизнью, мы накопили много неправды, около себя запутали других, своими грехами и их погубили.

Кающийся грешник видит, и видит то, что с прошедшим ему не легко сделать счеты, что ему нужно искупить его трудом и подвигом великим. Не только себя, но и все, и всех окружающих его, ему надо спасать и выводить на путь истины и добра. Этот подвиг трудный и многолетним, но он великий и истинный. А если он истинный, то он и возможен при помощи благодати Божией. Да, этот путь действительно есть единый истинный. Нужно приносить плоды, достойные покаяния, нужно трудиться там, где грешил, вставать там, где падал, поправлять то,

что сгубил, спасать то, что утратил собственным небрежением, собственными страстями. Спасение возможно на всяком месте и во всяком деле, его не нужно искать вне нас, все в своей душе можно найти — и рай, и ад. Если в ней мы находим ад, то в ней же, по благодати Божией, по труде над собою, мы можем найти рай. Есть одно условие, по которому позволительно бегство и решительная перемена жизни. Это условие то, когда немощь собственная дошла до крайних пределов, когда не только подвизаться, но даже терпеть не имеет сил душа, когда и физическая немощь ей соответствует. Тогда не погрешим, если убежим от нестерпимого положения.

2

Вы решили все бросить и идти вслед Христа. Это хорошо. Но где его найти? Вы думали узнать этот путь в богословских науках в семинарии, но там его не укажут. Там учение богословское, объясняющее только букву закона, а не его дух. — Вы желали священства, монашества. Это хорошо. Но я боюсь, что в первых шагах вы увидите, что только место и платье переменили, а жизнь внутри и даже совесть осталась та же. Надо — отречение от себя, последование слову Божию под руководством и направлением духовного человека. Вопрос, где его найти? Найти можно, если поискать. Я поэтому советовала вам не спешить решением, чтоб не сделать решительного шага и потом не раскаяться, когда душа ваша не удовлетворится тем положением, какое вы себе устроите. Я бы думала прежде вам взять отпуск и поехать посетить некоторые русские монастыри, где есть духовные старцы, с которыми вы могли бы побеседовать и получить от них направление своей жизни.

3

Как добродетели, так и пороки составляют из себя неразрывную цепь. Одна с другой тесно связаны и, где начало, где конец, трудно определить, даже невозможно. Если познание своей немощи и греховности есть начало веры, значит, и начало своего спасения; если без веры невозможно творить волю Божию и исполнять Его заповеди, то и познать свою немощь не может душа, если не будет трудиться над исполнением святых Христовых заповедей. Только подклонив свою волю под волю Божию, принявши в свое сердце произволение идти путем заповедей Его, только при деятельности по этому направлению может познать душа свою немощь, свои страсти и всю глубину своей греховности.

Вместо заповеданной нам любви к ближнему, она найдет в своем сердце только любовь к себе. Вместо познания воли Божией, она найдет в своем уме только самомнение, или неразумие. И при этом столько душевной немощи, полное бессилие воли. Тогда только душа поищет помощи свыше, познает на деле, что без помощи Божией она вполне бессильна, тогда она живою верою поищет Живого и Действующего в мире. А при содействии благодати Божией она уже в состоянии будет исполнять Его животворные заповеди, а от них получать просвещение и освящение души. Вот круг, вот венец, которого достигали святые. Но это дело всей

земной жизни. Скоро ничего взять нельзя, да и никогда нельзя взять без помощи благодати Божией того, что выше сил человеческих. Наше дело только трудиться со смирением и верою. Иногда при своем труде, душа будет увлекаться разными чувствами приятными, или неприятными, будет огорчаться, или радоваться, будет рассеиваться умом, но все это не должно смущать нашего духа. Только неуклонно должна она хранить произволение, чтоб волю свою подклонить под волю Божию, и разум свой отдать вере. Поэтому я и сказала вам, что нужно больше обращать внимание на действие воли, чем на чувства сердца, больше на уклонение разума, чем на помыслы.

4

Первый том епископа Игнатия может оставаться у вас, а потом я могу дать вам и другой. Мне хотелось сделать вам одно замечание об этом чтении. Книга, которую вы читаете, называется «Аскетические опыты», ее написал монах-аскет, в ней, да и вообще во всех сочинениях епископа Игнатия, советы даются аскетам, людям, отрешившимся от мира. Хотя и все христиане должны идти путем Христовых заповедей, путем отречения от своих греховных страстей, но есть различие в духовных подвигах, в приемах жизненных, если можно так выразиться. Достигать отречения своей воли может затворник, и послушник, и мирской человек. Но достигать этой цели они все трое должны различными путями. Первый из них видит волю Божию, пред которой он отвергает свою собственную волю, во свете слова Божия, второй — в воле своего духовного руководителя, а третий — в обстоятельствах жизни. Для всех трех доступна чистота сердца, но первый стремится к ней постоянной молитвой, второй трудом послушания и исповедания помыслов, третий честным исполнением служебных обязанностей и семейного долга. Все достигают одной цели, но разными путями. Так и во всех вопросах жизни. Я указала главные черты, указала слегка, но я хочу сказать вам только одно, что я боюсь, чтоб вы не уклонились слишком в аскетизм. Монашество не больше, как форма внешней жизни и, как оно ни хорошо, все же оно не должно быть крайней целью искания. *Ревнуйте дарований больших*, говорит апостол (Кор. 12, 31). В заповедях Христовых сокрыто все духовное сокровище. Любить Бога больше всего и ближнего, как себя. Сколько нужно отречения от своих страстей, чтобы полюбить Бога выше и больше всего земного, больше себя. Сколько нужно борьбы над собой, чтобы полюбить ближнего, как себя. И вот в этих двух заповедях вся чистота, вся святость души!

Вспомните слова матушки схимницы Ардалионы. Она говорила, что нужно поучиться еще, как себя любить. Да, и очень надо над этим потрудиться. Например: человек несправедлив бывает к себе, и требует иногда от себя того, чего дать не может. Требует от себя победы над своими страстями и скорбит, волнуется, негодует на себя, когда видит, что его берут во власть те самые страсти, от которых он решил отстать. Но справедливо ли такое негодование на себя? Нет. Человек своею силой никогда не может победить в себе страсти: их побеждает в нас сила Божия. Эта сила присуща Его заповедям. Когда с помощью Божией человек усвоит их, когда они будут жить в его сердце, тогда грех и страсти ослабевают и совсем

прекращают свое действие в сердце. Нужно постоянно оживлять в своем сердце намерение жить по заповедям Христовым, нужно просить в молитве Его помощи, нужно смиряться в своих уклонениях, нужно подклоняться под свою немощь и не негодовать на себя за нее. Ведь не силен ее победить в себе, зачем же требовать от себя того, что может дать один Господь, зачем же скорбеть на себя, что не стал выше себя. В таком требовании от себя духовного преуспевания сказывается наша гордость. Будем всего ожидать от единого Господа и глубоко смиряться в своих немощах и греховности.

Страсти иногда упорно держатся в нашем сердце и действуют в нем властительно, помимо нашей воли, даже как будто против нашей воли. Господь попускает им так мучить нас, чтоб мы вполне узнали наше бессилие, чтоб мы смирились духом, чтоб мы поискали силы в едином сильном и едином святом Боге нашем. Эти слова я пишу в ответ на вашу жалобу, что вы иногда сердитесь. Не скорбите, но всякий раз смиритесь духом и полагайте намерение терпеть, и в терпении исполнять волю Божию и Его святые заповеди. А познавая свою немощь, приходите к познанию и немощи ближнего.

Если вы не можете победить в себе свои страсти, когда, по милости Божией, и видите их и желаете выйти из них, когда трудитесь над собою, то как требовать от ближнего что-нибудь сверх его меры. Познайте эту общую всем нам немощь и старайтесь простить ближнего, примириться с ним, понести его недостатки.

5

В письме своем от 19 мая, вы высказали опасение, чтоб я не прекратила письменную беседу с вами. Нет, я не думаю прекращать, пока вы будете нуждаться моим словом, пока оно будет приносить вам пользу и утешение и пока Господь потерпит моим грехам, будет давать мне понятия для уразумения Его святого слова. Но беседа духовная и руководство — две вещи разные. Я вообще уклоняюсь от руководства, кроме сестер, мне вверенных. Руководит вами само слово Божие. Не достаточно ли будет, если я помогу вам иногда разъяснить слово Божие? Пусть до времени это дело остается в таком виде, в каком оно было до сих пор. Если вы найдете себе руководителя более сильного, то это будет хорошо, если нет, то будем помогать друг другу, хотя ощупью искать путь Божий. Лишь бы не потерять усердия и желания стремиться к цели, трудиться для ее достижения, веровать, что Господь приведет к ней и всего ожидать от Него единого. Вы спросите, какая же цель и какой путь к ее достижению? Цель жизни человеческой — общение с Богом, в чем и состоит спасение наших душ, их вечное блаженство. Путь — исполнение Его заповедей, подчинение Его воле, сказывающейся в обстоятельствах жизни. Труд — очищение сердца от страстей. Смирение — приводящее к вере, к принятию Его благодати, без которой ничто не может совершаться в нас благое и святое. Выше буквы закона способны стать высокие личности, и те не всегда находят нужным и полезным отступать от закона. Буква убила много хорошего, много святого в нас и нашем обществе христианском. Нужно стараться, чтобы буква ожила, чтобы она не убила нас, а, напротив, давала бы нам жизнь духа, или хоть указывала бы путь к жизни.

Скажу несколько слов нужных о заповедях евангельских: Сам Господь указал на две главные заповеди, в которых заключается все — любовь к Богу и любовь к ближнему. Но есть заповеди, указанные Им в блаженствах, когда Он говорил: *Блаженни нищие духом...* и прочее. В этих словах Христовых указаны те качества души и сердца, которые нужно приобрести, и тогда только исполнимы и те высшие заповеди, о которых сказано, что в них все заключается. Начните с первой: нищета духа в том и состоит, чтобы уничтожить свою самость, чтобы увидеть все бессилие своей души, всю ее немощь, греховность. Если будет себя видеть, знать, чувствовать так душа, то она непременно придет к вере, к тому убеждению, что в Боге и в Нем одном ее сила, ее очищение, ее спасение, а эта вера души есть уже дверь в Царство Небесное, не только в то Небесное Царство, которое будет в вечности наследием святых душ, но то царство, которое в нас. Эта нищета духа, действительно, блаженна, потому что душа, увидевшая свое бессилие, свою нечистоту и всю недостаточность ни к чему хорошему, теряет веру в себя, перестает надеяться на себя, а в этом и состоит начало веры и упования на Бога. Она находит Его там, где себя потеряет. И трудно ей, горько остаться в этой нищете, в этом безнадеежии и кажется ей, что она погибает, что нет ей спасения, нет помощи ниоткуда. Но это состояние безнадеежия необходимо нужно пройти, чтобы прийти к вере. Нужно не только умом познать, но всем своим существом почувствовать свою немощь, пожить в ней, тогда только приходит душа к живой вере в Бога. Она Его увидит во всем действующим, когда перестанет сама, своею самостью действовать во всем. Она Его увидит царствующим, когда перестанет полагаться во всем на свой разум. Вы спрашиваете, знали ли друг друга схимница Ардалиона и епископ Игнатий? Нет, не знали, и даже никогда не слышали о существовании друг друга, Я тоже не знала владыку. И в мои руки попало его сочинение только в 1867 году. Оно было издано в 1865 году. А матушка скончалась в 1864 году. Когда я прочла первый том, то была поражена сходством нашего духовного пути. Тогда у меня уже сложились духовные понятия и у меня уже были духовные ученицы. Они тоже, читая епископа Игнатия, удивлялись сходству наших понятий духовных. Это признали и ученики епископа Игнатия, когда я приехала к ним в 1867 году. У меня тогда был только первый том... Ноя вам должна сказать, что от одного чтения нельзя усвоить духовных понятий, а нужно жить по слову. Мне хочется вам дать одно послушание. Чтобы вы выучили 24 молитвы Иоанна Златоустого наизусть: *Господи, в покаянии прими мя, Господи, не остави мене* и прочее.

Это хорошо, что у вас есть страсти. Святые отцы говорят, что если бы не было страстей, не было бы и венцов побеждающих. А как хороши эти венцы! Но только не нужно действовать по страстям, не нужно их считать целью, к которой бы стремился, которой бы достигал.

Вы хотите все постигнуть умом и тогда уж работать правильно над своим

сердцем. Это не может быть дано человеку. Увидеть правильно свое состояние он не может до очищения греховности. Самый ум наш помрачен. А вы начинаете познание греховности с этой самой минуты, когда вы видите, что не понимаете себя. Это грех затмил око душевное, в этой духовной слепоте познавайте свою греховность, немощь своего естества. Так и во всем. Сейчас приходите к покаянию, к познанию греховности, не ждите, чтобы она открылась вашему уму, а познавайте ее в недостаточности того самого ума, в бессилии воли, в изменчивости сердечных чувств.

8

Вы в нескольких письмах спрашиваете меня, какие заповеди евангельские? Вопрос этот показывает, что вы решаетесь отдать себя под водительство этих заповедей, что вы решаетесь взять на подвиг исполнение их. Да поможет вам Господь. Но зачем вы меня об этом спрашиваете, раскройте Евангелие, читайте его, вникните в то, чему учил Господь Своих учеников, и вы узнаете, какие заповеди Он дал своим последователям. Он учил их отречению от всего, от себя главным образом, даже до отвержения души своей. Это отречение необходимо нужно, потому что в душе нашей так много нечистоты, страстей, противных духу Христову, что без отречения от них невозможно общение со Христом. Это отречение от себя возможно только тогда, когда есть цель, для которой мы можем отречься от себя, отвергать свои страсти. Цель эта — любовь к ближнему. Чтобы исполнить долг любви к ближнему, необходимо оставить себя, отречься от души своей. Любовь эту Господь указал и словом, и примером, как проходить. Он учил прощать врагам, иметь милосердие к немощным, не осуждать грешных, жертвовать собою для пользы ближних. Эту заповедь о любви к ближним невозможно исполнить без отречения от пристрастий к земным благам. Можно отречься от себя, можно все уступить ближнему только тогда, когда будем искать вечной жизни, когда будем стремиться возлюбить единое вечное, неизменное Благо, единое полное Совершенство — Бога. И вот главная и первая заповедь Христова: возлюбить Бога всем сердцем, всем помышлением и всею крепостию. В двух словах Господь указал на совершенство духовного пути, но всей жизни человеческой мало для того, чтобы усвоить, чтобы исполнить это слово Христово. Отречься от себя? Но что такое я? Себя познать, как следует, увидеть всю нечистоту своей души, всю ее страстность, всю немощь — вот в чем заключается задача всей жизни для тех, кто искал спасения. Спасения, — сказала я, — но отчего мы спасаемся? Мы спасаемся из той погибели, в какой находимся. Значит, узнать, какая погибель нас окружает — вот самый насущный вопрос. Эта погибель наша общая, погибель, устроенная нами самими, из наших страстей и грехов, погибель, которую мы в себе не видим, даже не подозреваем. А между тем то, что живет в нас, то мешает нам идти вслед за Христом, мешает, несмотря на нашу решимость, на наше желание. Вот и нужно, во-первых, очистить *внутренние стекляницы*, очистить тот сосуд, из которого, по словам Господа, исходят блуд, убийство, татьбы и всякие страсти и грехи. Вот поэтому-то, говоря с вами, я постоянно указываю на страсти душевные. Мне хочется, чтобы вы познали всю испорченность человеческого сердца, всю немощь

свою, и этим бы пришли к вере. Так как без веры нельзя получить Божию благодать, а без благодати нет возможности исполнять волю Божию.

9

Вы писали о скорбях жизни, спрашивая, необходимы ли они для человека? Этот вопрос поставлен неправильно, хотя в нем жизненный смысл. Господь создал человека для блаженства, и был он, действительно, блажен, пока своим грехом не извратил в себе все то добро, которое Господь вложил в его душу. Сделавши из себя самого бога, к которому направил все цели жизни и все стремление, он все извратил в себе самом и во всем, что его окружает. Каждый человек для себя бог, и потому такая неурядица между людьми, такая вражда, такая ненависть друг к другу. Чтобы возродиться, чтобы прийти опять в свое естественное состояние, нужно отречься от себя, нужно отказаться от своего я, от самости, как говорила матушка схимница Ардалиона, нужно стать на свое место, а свое место уступить Тому, Кому единому подобает честь и поклонение. Но нелегко человеку отказаться от себя. Ему нужно умереть для страстей, а смерть всегда тяжела и горька. Тем более ему тяжела и горька, что окружающие его другие люди все живут в том же состоянии падения, в котором находится и он. Они друг друга толкают в погибель, и тот, кто хочет выйти из погибели, чувствует на себе эти толчки прямо в лицо. Но если Господь поможет, по отречении от страстей вместо гордости даст душе вкусить смирение; вместо себялюбия — любовь к ближнему; вместо жестокости — умиление; вместо злобы — кротость; вместо страха — веру; вместо отчаяния — надежду; вместо самолюбия во всех его видах — любовь к Богу. Тогда для души составляют отраду жизни — скорби; она выше их, она их не чувствует, а только сознает и видит, и чувствует великую помощь Божию, укрепляющую дух в скорбях и искушениях жизни; великую премудрость Его путей, ведущую человека к свободе через скорби; и в самих скорбях очищающую его, выводящую из неправильного положения, и ставящую всегда на правый путь. Тогда душа чувствует и силу, и радость, и благодарит Бога за скорби, и кажутся они ей ничтожными в сравнении с теми благами, которые Он даровал ей через скорби.

10

В письме вашем есть выражение, в котором заключается вся суть письма: «Требования души и тела объясняются законом природы и совершаются по этим законам, без отношения к тому, греховны ли они или святы». Да, это так, и это показывает, что природа человеческая тленна. Наш дух связан с плотню так тесно, что составляет одно нераздельное существо. Если мы будем развивать в себе все животные силы, то мы будем скотоподобны. Животными силами я называю не только физические, но и все силы души, данные для земной жизни. Если же мы будем, при помощи Божией, стремиться развивать в себе силы бессмертного духа, то это будет непременно в ущерб сил животных, даже противоречить будем всем законам и требованиям животной природы нашей. Стать выше этой природы может только душа, укрепленная благодатию Божией. Вы справедливо сказали, что закон

природы влечет нас к действиям, ему свойственным, не разбирая, святы они или греховны, даже не спрашивая нашего согласия. Это влечение закона животной нашей природы называется естественным в падшем естестве человеческом. Он для духа нашего противоестествен, потому что он его угнетает, подавляет, убивает. Живя по законам нашего падшего естества, мы все же иногда чувствуем безотчетную тоску, неудовлетворение, стремление к чему-либо высшему, к свободе из всего, что составляет нашу земную жизнь. В этой тоске, в этом стремлении сказывается потребность нашего духа. Если мы будем заглушать в себе этот голос, то совсем он замолкнет или обратится в чувство отчаяния. Но отчего он так слаб? Оттого, что по падении мы не можем никакого добра взять своею силою, и только благодать Божия может его в нас оплодотворить, когда мы дадим место благодати в себе своим смирением и верою. Оттого и называется духовная жизнь вышеестественной. Надо трудиться над собою, надо искать того, что выше земных интересов, и надо веровать, что все святое получается только благодатию Божией, — и оттого и надо смиряться.

11

Не оправдывая уклонения в чувственность, я все же скажу вам, что вы, живя среди мира в семейной жизни, не можете предаться всецело духовным целям. Вы пишете, что деятельность ваша вращается около наслаждения телесного, славолубия и материального обеспечения. Так, отрешиться от этой деятельности вы даже не можете, но вы могли бы и в этой деятельности не уклоняться от пути спасения. Если по требованию своего падшего естества вы делаете дело из видов славолубия, и при этом встретите успех дела, не забудьте благодарить Господа за милость Его. Ему одному приписать успех дела, от Него принять утешение, посланное в жизни, Его восхвалить за милость незаслуженную. Если же встретится неуспех, огорчение и, вместо удовлетворения чувства славолубия и честолюбия, придется потерпеть бесчестие, то постарайтесь принять это от Господа как заслуженное, смиритесь перед Ним и пожелайте еще большего бесчестия для очищения своей гордости и самолюбия. Потрудитесь над своим сердцем, чтобы оно простило врагов, чтоб не мстило даже мыслию, чтоб воздало за зло добром. Так поступайте и в других случаях, при другой деятельности. Если по страсти делается дело, то чтобы каждая его часть делалась по слову Божию. Тогда-то увидите вы, с чем бороться, и сколько немощи в душе, бессилия. Тогда и вера возродится в сердце. А когда будете видеть помощь Божию, то еще больше утвердитесь в вере и уповании на Его силу. Не умом, а сердцем надо ощутить и свою немощь, и Его силу.

12

Господь Иисус Христос взял на себя человеческое естество, чтобы очистить его от первородного греха, умер поносною смертью на кресте, чтобы умертвить грех. Воскресением и вознесением нашего естества на небо Он дал нам область (власть) чадами Божиими быть. В крещении мы получаем залог к этому сыноположению, мы можем, если захотим, получить все дары Его благодати; мы вошли крещением в

дверь, отверстую нам Самим Господом. Если будем идти путем Его заповедей, последовать Его слову и образу Его жизни, если будем приобщаться Его добру и правде, то первородный грех не будет в нас действовать, а будет действовать благодать Христова. Нужно приобрести веру в Искупителя, веровать тому, что только Его правдой мы можем быть спасены от своей неправды. Его святыней мы освящаемся, Его чистотой очищается наша скверна. Без Господа Иисуса Христа, все человечество гибло во грехе, без Господа каждая душа гибнет в своем грехе. Оттого, что мы последуем греху и воли плоти нашей, он укоренился в нас, властвует над душою, над умом и сердцем нашим, стоит, как стена, между душою и Господом. Вот и надо призывать Его в молитве, чтобы Он пришел к душе и разрушил это средостение.

13

Вы справедливо замечаете, что то состояние, о котором говорила я, — есть совершенство христианское; чтобы сердце настолько было расширено любовью, чтобы никто и ничто не мешало жить ему в присутствии Божиим и быть полным любви к Богу и ближнему. Да, это совершенство и, как всякое совершенство, оно должно стоять перед нами, как цель в конце пути. Если мы будем его иметь целью, хотя далекой, но все же вожденной, мы будем стремиться достигать ее, будем все свои чувства, мысли и поступки направлять сообразно с этой высокой целью, будем ею освящать для себя путь, будем видеть, насколько мы от нее самовольно отклоняемся, или с помощью Божией преуспеваем. Понимая так путь христианской жизни, я не могу советовать вам ничего, кроме того, что советовала и раньше, то есть борьбу с своими собственными страстями. По отношению к другой личности вот мой совет: не быть к ней требовательным, прощать ее недостатки, быть терпеливым при оскорблении собственного самолюбия, быть самоотверженным, когда приходится выносить разные неудобства жизни от того разлада, который существует в семье. А если очень немоществуете, то смириться надо и уступить своей немощи, если нет сил идти против своих страстей и побеждать их. Страсти имеют такую силу и власть над человеком, что, отдавшись им однажды, мы становимся их пленниками, они сковывают нас и не дают возможности выйти на свободу. Они ослепляют наш ум и не дают ясно видеть себя и свой путь. Берегитесь давать волю своим страстям, а лучше отдайте себя в работу заповедям Божиим, чтобы быть рабом Божиим.

14

Как это вы говорите, что вы корабль без руля? А сегодня Святая Церковь (6 января) провозглашала всем верным: *Се предстоит Христос, от тли мир избавляяй*. Он наш якорь спасения, руль, направляющий нас на верный путь, кормчий, руководящий наш корабль к пристани спасения — в Небесное Царство; с Ним хорошо в жизни, с Ним не страшна смерть, с Ним жизнь за гробом называется блаженством. Не беда, что вы не получили желаемого священства, не беда, что вы не монахи, можно и мысль об этом оставить, если нет на то воли Божией, но никогда

не оставляйте Христа. Пусть Он будет целью всех душевных стремлений, целью всех желаний сердца, всех мыслей ума. Любите Его волю, Его заповеди. Сделайте ради него какое-нибудь добро своим ближним, словом или делом. Если вы будете любить Христа, если для Него вы в чем-нибудь поступите против грехолюбивых стремлений и желаний своего сердца, если Ему принесли в жертву какое-нибудь свое пристрастие, то вы будете Его священником, тайным монахом, ангелом. Я читала в Патерике, что однажды похоронили одного мирского человека и монаха недалеко друг от друга. Когда впоследствии открыли их гробы, то нашли, что на монахе мирская одежда, а на мирском — монашеская. Видите ли, нам неизвестно, кто монах перед очами Божиими. А вас я считаю своим сыном духовным и желаю вас видеть последователем Христа, Его учеником.

15

Чтобы сохранить чистоту тела, необходимо сохранить чистоту сердца и ума. Вот и нужна молитва, нужно внимание к своему сердцу, нужен подвиг над собою. Если мы не всегда можем сохранить теплоту, так как она есть дар Божий, то можем всегда укреплять в себе решимость воли, подвизаться против страстей, можем возгревать в себе стремление к совершенству, можем нудить себя к подвигу. Заповеди Божии даны нам не для произвола: хотим или не хотим их исполнять; нет, мы обязаны их исполнять, иначе мы погибнем вечно. Вот я и убеждаю вас для Бога, для исполнения Его пресвятой воли понудить себя, понести недостатки ближних, а к себе, к своим недостаткам быть строгому, требовательному. Хорошо бы вам иногда читать жития святых и иметь, хоть небольшое, но постоянное молитвенное правило. А чтоб начать внимание к своему сердцу, я дам вам небольшой совет, который попробуйте исполнять в течение поста. Давно когда-то я посоветовала вам выучить наизусть молитвы Иоанна Златоустого: *Господи, не лиши мене небесных Твоих благ*. Теперь я советую вам, начиная с первой молитвы, ежедневно держать в уме и в течение дня почаще повторять одну из этих молитв. Сегодня первую: *Господи! не лиши мене...* Завтра вторую: *Господи, избави мя вечных мук*. Эту молитву вы носите в уме, и в сердце, и в воображении. Когда вы просите небесных благ, то сравнивайте их с благами земными. Вы дайте своему сердцу почувствовать всю тщету этих земных благ, их преходящесть, их изменчивость. Так размышляйте об каждом прощении, пусть целый день душа живет этим созерцанием. Если придут хорошие мысли, запишите их, если придет умиление — уединитесь. Дайте пищу вашей душе, дайте занятие вашему уму, дайте направление вашему воображению. Пусть приносит плод посильный труд ваш, чтобы в будущей жизни не голодать вечным голодом.

16

Я не сужу никого — сама грешная. Но всех вас судит слово Божие, данное нам для руководства жизни, для спасения, для указания пути в вечную жизнь, для нашего очищения. Оно судит нас, когда мы его не слушаем, когда преступаем его. Оно будет нас судить и в будущей жизни. Страшно перед ним согрешать. Страшно

оттого, что сердце черствеет, и слово Божие перестает на него действовать. Это состояние хуже смерти телесной. Не шутите чувствами, они, как огонь, все могут истребить в душе, и в сердце, и в уме: что насадило слово Божие, все сожгут и оставят душу с одними ее страстями и грехами. Надо хранить чистоту тела и души; иначе умрет душа смертью вечной, и эта смерть ужаснее всего, что есть на земле и на небе. Посмотрите в житиях святых, как люди добрые подвизались и искали Господа всеми силами души и тела.

17

Скажу вам: что мы никогда не должны давать поблажки своим страстям. Вы преследуете вора, который украл потому, что ему нечего было есть. Самая потребность естественная не может быть оправданием его воровства. Будьте же строги и к себе. Всякая поблажка своим страстям убивает чистоту нравственного чувства. Совесть, этот естественный, нравственный закон, написанный в нашем сердце, гложет, если мы не слушаем ее внушения, если мы делаем поступки, противные ее внушениям. Что это за слова «я хочу», или «я не хочу», эти слова не имеют значения там, где дело касается нравственного закона спасения души.

Вместо своего хотения должна быть заповедь Божия, воля Божия, ведущая нас к жизни вечной. Если бы вы были на войне, могли ли бы вы сказать, что не хочу идти в сражение? Нет, вы шли бы, не думая, шли на явную смерть. Если настает (приближается. – *Ред.*) духовная брань, если заповеди Божии требуют борьбы, как же мы можем говорить, что не хотим бороться, что приятнее отдать себя в плен нашим врагам. Какой срам! Какой ужас в здешней жизни, кто расслабит свою волю до такого состояния, а в будущей жизни еще более срама потерпит душа, когда откроются все ее дела и помышления. Надо просить, молить Господа, чтобы укрепил волю противиться страстным помыслам, обратил бы все силы, все стремления и хотения души к высшим целям, святым, высоким, благородным. Я буду молиться, чтобы Господь даровал вам решимость не только терпеть, страдать, но даже умереть за Его заповеди.

18

Когда совесть и сердце чисты пред Богом, то Он не попускает делать неправильные шаги, а если мы их делаем, то по греховности нашей не познаем воли Божией в своих поступках. Дай, Бог, вам быть добрым христианином, всегда пред собою имея Господа и Его святую волю, а не свое произволение, не угождение своим страстям и чувственным желаниям. Вы говорите, «что помимо всех увлечений греховными чувствами, развлечениями всякого рода, в душе вашей живет стремление к духовной жизни и так живо иногда дает себя чувствовать, даже во время самых развлечений». Знаете ли, что это стремление души есть призвание Божие? Не заглушайте в себе этого живого чувства, берегите его. Огонь не может гореть при ветре, его задует он, так благодать Божия призывает нас, но ветер страстей и развлечений гасит в душе свет и теплоту Божественного огня; не оставляйте молитвы и чтения слова.

Господь спасает нас всеми мерами, эти тяжкие, телесные недуги, которые так часто посещают вас, постоянно напоминают вам о смерти. А что может быть полезнее для души, как не память смертная? Она нас от всяких пристрастий земных освобождает, дает нам познать цену всех земных дел и больше всего помогает стремиться к будущей жизни. Дай, Бог, чтобы болезни ваши приносили плод душе вашей — спасение. Веруем, что все то, что Господь строит, все служит к нашей пользе и вечному спасению.

Из писем к М. С.

1

Благодарю тебя за те чувства любви и преданности, которые ты выразила в письме своем и в стихах от 6-го числа. Я знаю, что ты всегда любила слушать слово мое, слово Божие, слово спасения, передаваемое мною. Знаю, что это слово всегда оживляет твой дух, и даже на твои физические силы действует укрепляющим образом. В этом я вижу твою любовь к Богу, желание последовать Его слову, вижу также и твою преданность ко мне. Мне жаль, что теперь, когда ты болеешь и немного унываешь, я не могу видеть тебя и лично побеседовать с тобою. Мне хотелось бы сказать тебе, чтобы ты не падала духом, не унывала. В твои годы и у меня была подобная болезнь, расстройство нервов доходило до крайних пределов, в голове дурнота и слабость, случалось до отсутствия сознания... Я тоже ожидала, что я лишусь рассудка, даже доктора мне предсказывали что-то подобное. Благодарение Богу, этого не случилось тогда, и с годами окрепли нервы. С душевной силой Господь посылает и крепость телесных сил. Но я хочу сказать тебе не это. Мне желательно передать тебе то, как я тогда смотрела на свое состояние, как относилась к нему. Думая, что я умираю, я предавала Господу свою судьбу временную и вечную в Его власть. Я желала, чтоб свершилась надо мной воля Божия, чтоб все мои желания и стремления направились только к единому повиновению Его воле и покорности Его Промыслу. Когда я думала, что лишусь рассудка, то я соглашалась с этим безропотно и без боязни, видя в этом всю нищету человеческой природы. Я соглашалась оставаться без сил душевных, без здоровья тела, без разума, ума — только бы дух мой не жил в противлении воле Божией, только бы он смирялся пред Богом, Ему одному отдавая честь и славу и поклонение. И в этом состоянии радовалась моя душа, радовалась тому, что Он один велик, премудр и силен. Даруй, Господи, чтоб и в твоём сердце была эта радость спасения о едином Боге, эта вера в Него и преданность Его воле. Да хранит тебя Господь своею благодатию.

2

...Но отчего же ты чувствуешь болезненное и томящее ощущение в сердце?

Отчего? — конечно, от страстей. *Иде же Дух Господень, ту свобода.* А я скажу, где страсть, там теснота и страдание. Что страсти живут в нашем сердце — это неоспоримо, но они не дают себя знать томительною тяжестью, когда мы их не сознаем и исполняем их. Не томят они и тогда, когда, сознавая их, мы им противимся. Но когда мы сознаем их в себе и не хотим всеми силами души восстать против них, когда мы одною частью души отвергаем их, а другою прислушиваемся к их сладкому говору, когда мы уклоняемся от обличений, когда жалеем себя и не решаемся идти по крестному пути за нашим Крестоносцем, Учителем, — тогда, конечно, будем чувствовать томление и боль. Господь, взявший на Себя все наши грехи и немощи, показал Собой пример борьбы воли. В Гефсиманском саду Он до тех пор томился, пока воля Его согласилась принять страдание. Испытай свое сердце и ты увидишь, что в нем много противоречий. Надо один раз навсегда предать душу свою водительству воли Божией, последованию заповедям Его и руководству суровым монашеским правилам. Когда согласится душа, так и будет легко. Мне нравится в тебе способность увлекаться и восторгаться всем святым и хорошим, но не забудь, что отречение монашеское лучше всего и полезней всего. «Бегай от людей и спасешься». И ты бегай от всего в глубину своего сердца, чтобы там быть с Единым. Да хранит тебя Господь, Ему я молюсь о тебе и Ему тебя поручаю.

3

...Да поможет тебе Господь Бог, Он укрепит и дух твой. А я от себя скажу тебе одно слово опыта. При всяком смущении и искушении единственный выход и успокоение — это смирение. Только этою стезею приходит душа к истине, все разрешающей, к теплоте врачующей, к свободе облегчающей. Если потеряешь эту стезю, то окружает душу мрак и теснота. Она приходит к ложному разуму. А это бедственно. Потому что ложный разум показывает все в превратном виде; все обстоятельства жизни представляются горькими и бедственными, не видишь в них путей Божиих, великих судеб Его спасительного Промысла. Люди не братья, а враги, их немощи возрастают до крайних пределов. Собственные немощи делаются страшными и даже живыми образами мучений внутренних. Да, одна стезя спасает в это время — стезя смирения. Читай раза три в день 50-й псалом. Читай, принуждая себя, даже в церкви во время Херувимской песни, и Господь откроет тебе смысл истинного покаяния и глубокого смирения духа.

Из писем к А. С.

1

Радуюсь, что твое пребывание в монастыре принесло тебе утешение. Великая милость Божия, когда есть на земле место, где может душа получить отраду, есть люди, с которыми сердце отдыхает. Но зачем ты все приписываешь мне. Без Господа мы ничего не можем взять, без него мы ничего и дать не можем. Все Он

подает нам Своею благодатью. Те, которые любили Его, видели Его везде и во всем. И Он открывал им Свое живое слово, открывал волю Свою и пути Своего Промысла. Как и в чем открывал? В чистоте их сердца. Надо, с Божией помощью, хранить свое сердце от страстей. Хранить, главным образом, от самомнения, от гордости. Хранить его от лжи, от самооправдания. Хранить его от нелюбви, от презрения к ближнему. И, если при благодати Божией, помогающей нам, мы не дадим всем этим страстям обладать нашим сердцем, то оно будет способно принять внушение слова Божия и последовать Его воле. Я радуюсь за тебя, моя родная, что сердце твое открыто для слова Божия, даруй, Господи, чтоб оно было открыто и для исполнения воли Его. Молись Матери Божией, проси Ее усердно, чтобы указала тебе путь, по которому угодно Промыслу Божию вести тебя; на всяком пути боящиеся Господа найдут Его и придут к Нему путем заповедей Его, трудом и подвигом против живущего в нас зла и порока. Дай Бог тебе не уклоняться с этого пути, где бы ты ни жила.

2

Молитва Иисусова так творится душою, что при ней ни о чем не просит душа, сердце ничего не желает, ум молчит; только вера живая в силу Иисуса, только сознание своего недостойнства, своей немощи, греховности. При молитве Иисусовой я никогда ни о ком не молилась. Ты знаешь, как я любила своего батюшку. Я любила его больше всех и всего на свете. Я молилась за него первого, когда подходила прикладываться к чудотворным иконам, к мощам, когда дома подходила к образам, чтобы им помолиться, я призывала на помощь ему всех угодников, иконам которых молилась. Когда кончала читать Евангелие, или Псалтирь, или акафист, я молилась, во-первых, за него. А молитвой Иисусовой я никогда за него не молилась. Мне кажется, я и за себя не молюсь при молитве Иисусовой. Я только чувствую силу, действующую во мне, силу имени великого Бога, Бога живого, Которому верует моя душа всеми своими силами, всеми жизненными действиями.

3

Я с Господом ничего не боюсь. Иду своей дорогой, впереди вижу, или хочу видеть, одну свою цель, какая бы ни была, но цель, к какой стремишься. К этой цели стремлюсь, а все остальное не вижу и видеть не хочу. Вот в чем сила. Против этой силы не устоит никакая интрига, и даже не коснется ее. *Господь помощник, не убоюсь, что сотворит мне человек (Евр. 13, 6).*

4

Я верю тому, что тебе нелегко живется. И болезнь родителей, и все, что делается не так, как бы тебе желалось, все это тебя мучает. Но как же ученик Христов учит нас за все благодарить? Он говорит: *Непрестанно молитесь, за все благодарите (1 Сол. 5, 17–18).* За все, значит, за все скорби и за все неприятное, что случается в

жизни. Да, прежде надо укрепить веру в сердце, что все творится по воле Божией. Нужно согласиться предаться этой святой воле. Нужно смириться сердцем, признать себя недостойной лучшего. Тогда только можно за все благодарить. Епископ Игнатий учил своих учеников часто во время скорбных обстоятельств, так же, как и во время радостей, повторять слово благодарения Богу, так часто и подолгу, как молитву Иисусову: «Слава Богу за все!» и опять: «Слава Богу за все!». При этой молитве отходит ропот от сердца, смущение исчезает, и так мирно становится на сердце, радостно... У Господа есть свет, который всякое смущение отгоняет. Только бы приступила к Нему душа верою.

5

Думала видеться с тобой и лично поговорить. Несколько писем твоих я оставила без ответа, находя неудобным отвечать на них по почте. А какие хорошие твои письма, с каким отрадным чувством я читала их. Я слышу в них душу живую, чувствующую глубоко, с тонким духовным чутьем. Вижу ум развитый, тонкий, понимающий и видящий так ясно себя и все, что делается в душе. Благодарю Бога за тебя. Радуюсь и утешаюсь тобою. Сердце, кроме того, готово жить для других и все им отдать. Но ты не гордись тем, что я тебя хвалю, теперь начну укорять тебя. Я буду укорять тебя за излишнее самоукорение, за требование от себя совершенства. Един Господь совершен и всесвят, а мы, люди, все с немощами и недостатками. И как это хорошо, что свое совершенство мы можем получить только в Нем и чрез Него! Если мы веруем, что Он всемогущ, то должны веровать, что все Он может сделать для нашей пользы, если будет угодно Его святой воле. Если мы веруем, что Он всеблагий, всещедрый, то мы должны надеяться, что Он все даст, что нам нужно. Если мы веруем, что Он всеведующий, то должны полагаться вполне на Его волю, веровать праведности Его судеб, Его промыслений. Он может все нам дать, Он хочет нам дать всякое благо. Если же не даст нам, чего мы желаем, не даст того, что нам кажется полезным и хорошим, даже спасительным, то значит, или мы не готовы принять, или не наступило время и самый дар был бы нам во вред, если б мы получили его по нашему желанию. У тебя есть недостатки, с которыми ты не в силах бороться иногда, ты просишь помощи Божией, и не чувствуешь помощи. Но ты не довольна трудишься, а самый труд этот необходим, необходимо увидеть собственное бессилие, чтоб в борьбе укрепилась воля, а главное, чтоб узнала душа всю свою немощь, смирилась бы глубоко и всю свою надежду возложила бы на Господа единого, спасающего нас. Святые отцы, научая нас бороться с страстями, говорили так: «Падай и восставай». Падай не исполнением греха или греховного чувства, но падай ослаблением воли, произволения в борьбе с греховным помыслом. А потом опять вставай, то есть укрепи произволение, вновь начинай борьбу с грехом. Но тот, кто упадет, не может вскоре вскочить и бежать. Он ушибся, все члены его разбиты, он едва опомнился от падения, в борьбе он слаб пока не соберется с силами или пока кто другой не придет ему на помощь. Точно так и воля наша. Если она пала, то есть увлеклась греховным помыслом, она ослабела, разбита, бессильна. Этими слабыми силами ей надо вставать, начинать бороться, хоть вся она разбита и как бы мертва. Должно звать на помощь Того, Кто один может

помочь, но и голос ее бессилен, даже нет его совсем. А когда придет помощь от благодати Божией, то она укрепит и вновь восставит.

6

С самого отъезда из Петербурга я не писала тебе, а между тем часто, очень часто мысленно с тобою беседую. Точно сон, и хороший сон, мое пребывание в Петербурге. Наша поездка в Кронштадт к батюшке отцу Иоанну, его посещение нашего дома, все его слова, все это точно дни, прожитые в ином мире, хорошем, святом. Теперь я поняла душою значение всех его слов ко мне, поняла и пережила их, не одним сердцем пережила, но и жизнью. Все его слова сбылись со мною, и, когда сбылось то, что он мне предсказывал, его слово меня поддерживало, направляло мой дух, давало смысл всему, и даже плод чувствовался от пережитого. По его слову, на меня много и разнообразных скорбей нашло по Божию попущению. Но ты не беспокойся! По милости Божией, явленной мне молитвой отца Иоанна, все теперь проходит, точно буря утихает, и скорби и искушения миновали.

7

Угодно ли Господу исполнить наше прошение и дать мир и спокойствие жизни? Настойчиво просить о чем-нибудь мы у человека не решаемся, тем более у Бога не можем просить и ожидать непременно исполнения своей просьбы. Мы даже не знаем, что для нас полезно, что вредно. Но в чем мы можем видеть помощь Божию, Его милость к себе? Это в том, что Он даст нам переносить невыносимое с терпением, с смирением, с покорностью Его святой воле. Это великая милость Божия — и я вижу, что она совершается над тобой. Ты выносишь то, что человеческие силы выносить не могут. Ты терпишь со смирением и покорностью. Твое сердце не ожесточается против виновника скорбей. Не Божия ли помощь тебе содействует и укрепляет дух твой? Только веруй Господу и все Ему предавай. Он своими путями, Ему одному ведомыми, всех приведет к себе, к миру и спасению. Будем же Ему молиться, да совершается Его святая воля над нами.

8

Что значит верить в Бога? Верить необходимо не только в существование Бога Творца и в спасение, дарованное нам через Иисуса Христа, но надо верить неизменно, во всех обстоятельствах жизни, как бы тяжело ни было, что Бог милосерд, хочет нашего спасения и, видя, зная не только в чем временное наше благо, но и вечное, ведет нас к нему как любящий, но мудрый отец своих детей, направляя их с одинаковой любовью, лаской и строгостью. Поэтому надо принимать с упованием милость Божию, прося только помощи Его, всякое испытание, или искушение, извне ли оно приходит, от наших ли немощей, или от людей — орудий Божиих для нашего спасения и часто обоюдного. Нашим смирением спасаются и ближние наши, огорчающие нас.

1

Ты спрашиваешь, видит ли тебя твоя мама. Без сомнения, видит, но не так, как мы земные видим, и чувствует не так, как мы плотские чувствуем. В ней нет эгоизма, себялюбия, желания личного земного счастья и довольства. Душа ее живет в Боге, как едином Источнике жизни, и для Бога. Вот и видит она твою душу — угодны ли Богу твои чувства и желания, и твои помыслы. Ей приятно, чтоб ты, живя на земле, исполняла волю Божию, заповеди Божии по отношению к Богу и людям. А что ты жалеешь, что лично ей иногда приносила неприятности, то все это она забыла, простила и теперь своей бесплотной душой поняла и приняла все земные скорби большие и малые, как очищение, и за все возблагодарила и прославила Господа, все подающего ко спасению души. Да, родная, оставь свою тоску и гнетущее раскаяние, и перед ее бессмертной душой положи доброе намерение воспользоваться этим опытом жизни и на будущее время стараться поступать не по влечению своих чувств, а тем более страстей, но по заповеди Божией и по нужде тех людей, с которыми Господь тебя будет ставить на жизненном пути. Вот она увидит тогда тебя и порадуется за твои добрые дела и намерения.

2

Достоинство и благородство человека не столько в преимуществах, полученных им от предков, сколько в его собственных достоинствах и в том добре, которое он приобрел в труде над собою. Так ценит Господь все доброе в нас, так ценят нас и люди разумные. А сам человек должен ценить все то, что подает ему Господь. Тебе же, родная, Господь так много дал, что не скорбеть, а благодарить Его следует. Теперь о другом вопросе. Святые отцы всегда советуют, чтобы никакого не делать решения во время душевного смущения. Когда мы духом смущены, то не можем правильно и здраво рассуждать, а тем менее можем чистою совестью и сердцем мирным познавать волю Божию. И сердце и дух смущены, и Солнце правды закрыто от взора души. С этим решением надо подождать, не торопиться, и пока никому не говорить. Монастырская жизнь очень тяжела. Она требует особенного призвания Божия, особенной душевной потребности жить высшими идеалами. Без этого она даже смысла не имеет.

3

Ты оттого, моя родная, так сильно волнуешься, что мало имеешь веры в Бога. Ведь без Его воли и волос не спадет с нашей головы, а тем более никто не погибнет без Его Промысла. Все Ему отдай и полюби Его волю и пожелай, чтоб она совершалась всегда над нами, и свое сердце успокой этой верой. Желаю тебе здоровья, прошу лечиться серьезно и жить под Божиим водительством.

4

Когда тебе придет нетерпение, то ты вспомни, как много и долго терпят узники, заключенные в одиночную тюрьму, а ты не в тюрьме, окружена удобством и людьми. Надо тебе взять себя в руки, надо назначить себе молитвенное правило и правило терпения лишений, одиночества — это необходимо монаху, чтобы прийти к Богу с сердцем терпеливым, одиноким, бесстрастным. Надо полагать начало.

5

Тебе Господь всегда и везде посылает тяжелые кресты. И видится мне, что во всем воля Божия, во всем для тебя послано испытание, чтобы ты училась терпению и самоотречению. Ты говоришь, что ты далека от того, чтоб иметь чистоту сердца. Но ведь всякий человек далек от всякого истинного добра, а тем более от добра духовного, от чистоты сердца. Без Бога, без Его помощи и благодати человек не может даже приблизиться к понятию о добре духовном. Вот Господь и ведет тебя Сам, воспитывает в тебе твоего внутреннего человека, очищает, умудряет во спасение, посылает тебе скорби и труды, чтобы научить терпению, подклонению под волю Божию, познанию своей немощи. Что может человек сделать? Одно — подклониться под волю Божию и в смирении духа взывать к Нему: «Веди, Господи, Сам, куда знаешь, и помоги мне исполнить волю Твою». И как легко, как спасительно идти по тому пути, куда ведет Господь. Помоги тебе, Господи, во всем покоряться Ему.

6

Мне грустно вспомнить, что вчера ты была такая расстроенная. Не больна ли ты? Если тебя смущает мысль, что я оставлю игуменство, то и это напрасно. Скажу тебе от души, что я всегда желаю и подвигаюсь, чтоб все творить, все делать и поступать по воле Божией. Есть у меня желания, я их высказываю, а на душе у меня одна мысль и желание, чтоб все совершилось по воле Божией. И в этом случае. Если я и желаю провести последние годы жизни в уединении, то это не есть мое решение, а только одно желание. А мое желание, чтоб все совершалось в моей жизни по воле Божией. И при таком настроении моей души, при такой преданности воле Божией мое сердце мирно и никогда не бывает в смятении, или неудовольствии, если что не сделается, как я желала, или предполагала. Советую тебе искать душевный мир в своем сердце, предавая все воле Божией, люби ее — эту волю, старайся и подвизайся всегда подклоняться ей. Один святой отец говорил: «Если б небо столкнулось с землей, и тогда я не утрашился бы». Дай Бог и тебе утвердиться в преданности Божией воле.

Твоя мать о Господе, игуменья Арсения

Старица схимонахиня Ардалиона. Жизнеописание и молитвенные размышления

Схимонахиня Ардалиона была дочь священника слободы Завязки, Хоперского округа, отца Андрея Игнатова, родилась в 1816 году 30 января и при крещении наречена была Анною. Семи лет она лишилась своего отца, который умер, оставив после себя двух сыновей и трех дочерей, из коих Анна была старшая, на попечение престарелого родителя своего Дмитрия Игнатова, бывшего также священником в той слободе Завязке. Трудно было прокармливать, не только воспитывать осиротевшую семью: детей надо было обучать грамоте, и за неимением лишних средств мальчиков стал учить сам дедушка, а девочку Анну мать Матрена Семеновна отдала сперва учиться грамоте к одной черничке — старой девице, потом отправила к сестре своей, дворянке Краснушкиной, жившей в 20 верстах от Завязки. У тетки Аннушка прожила несколько лет, и когда выучилась читать, то так страстно полюбила чтение, что не могла равнодушно видеть ни одной книги. Когда бывала в доме у своего деда, то, невзирая на его строгость, часто уносила из его домашней библиотеки книги, уходила с ними на гумно и там, забравшись на скирду, погружалась в чтение на целый день, так что забывала и о пище. По смерти отца Дмитрия, прожившего 105 лет, внуки стали делить между собою его имущество, состоявшее из всякой хозяйственной мелочи. Анна Андреевна ни на что другое не обратила внимания, а взяла хлебный мешок, наложила его доверху книгами и ушла к себе. Мать, увидя это, стала упрекать ее, что набрала ни к чему не годных старых книг, а годных вещей никаких не принесла из наследства дедовского; но дочь выше всяких сокровищ на свете ценила эти книги. Такая беспримерная в детском возрасте любовь к чтению расположила сердце девушки к духовной стороне жизни. Когда Анна Андреевна на 18-м году от роду прибыла случайно с богомолками в Усть-Медведицкий монастырь, то скромная обстановка монастырская и жизнь монашеская до того ей понравились, что она решительно не могла оторваться от святой обители и захотела остаться в ней навсегда. Молодая душа, напитанная духовным чтением, ощутила, что тут кроется исполнение ее заветных мыслей и чувствований, какие наполняли ее тогда, когда она предавалась чтению любимых книг. Игуменствовавшая тогда мать Афанасия приняла Игнатovu в число сестер. Это было в 1834 году. Воспомяя это время, Анна Андреевна говорила впоследствии, что чувствовала тогда такую радость в сердце, такую легость в душе, что «точно у нее были крылья». Избранница Божия в первые две недели обоняла всюду вокруг себя благоуханный воздух: и в церкви, и в келлии, и в огороде, куда была посылаема.

В первые годы жизни в монастыре Анна Андреевна проходила послушания по черным работам: то в огороде, то на покосе в летнюю пору, и всякую тяжелую работу исполняла с веселым расположением духа, радостно и льготно (легко. — *Ред.*). Бывало, в покосное время, в час отдыха возьмет книжку и читает; около нее соберется кружок слушательниц, и звонкий голос читательницы раздастся далеко по лесу. Игуменья Афанасия, узнав, что послушница Анна Игнатова хорошо читает и имеет сильный голос, поставила ее на клирос. Странно было видеть ее молодую среди сверстных по летам сестер-клирошанок, всегда чисто и изящно одетых, стоящую в мухояровой рясе из толстого сукна, неуклюже сшитой, в боках разноцветной, и с клобуком на голове, который никогда не переменился. Но, занятая своим внутренним человеком, она не обращала внимания на внешность свою. Часто

во время службы, стоя на клиросе, проливала тихие слезы, которые текли неудержимым потоком, так что иногда вся грудь делалась мокрой у плачущей. Слово Божие, читаемое в келлии и слышимое в церкви, было единственным источником утешения и наставления для Анны Андреевны, носившей тогда имя Алевтины, данное при пострижении в рясофор. Книги были ей везде неразлучными спутниками. Когда случалось ей приходить по зову в келлию какой-либо сестры, то она брала с собой книгу, там читала и толковала прочитанное; речь ее бывала тогда так обильна, что келлейницы оставляли свои дела, сходились к ней и заслушивались по несколько часов. Иногда читая у себя дома, вдруг вставала и, не одетая, с читаемой книгой в руках, шла к какой-нибудь монахини, чтоб поделиться уяснившимся понятием прочитанного слова; но понятие это было слишком возвышенно для того, чтобы могли его воспринимать неприготовленные к такой беседе и развлекаемые келлейными занятиями слушательницы. Так ей приходилось не раз уходить от своей восприимчивой матери по пострижению, казначеи Мариамы с упреком: «Когда ты, Марфа, оставишь свои блинцы». Потом Алевтина прекратила такие свои посещения, убедившись из опыта, что-то сокровище духовных понятий, какое она носила в себе, непередаваемо, давалось только ей одной на обладание.

Но и для матери Алевтины приходили такие обстоятельства, где Мариина часть неминуемо сталкивалась с Марфиной; и, верная слову Божию, дознавши опытно всю тщету последней, она отдала первой решительный перевес. Такого рода обстоятельства встречаются нередко в жизни, и хотя по видимости являются простыми случайностями, но имеют важное значение, так как служат всегда пробным камнем для духовной деятельности, и часто бывают такими поучительными уроками, которые не забываются всю жизнь. Одновременно с клиросным послушанием Алевтина, называвшаяся тогда Анною, так как это было еще до пострижения ее в рясофор, определена была в золотошвейки к одной монахини, занимавшейся этою работой. В то время жили с нею старая тетка, дочь отца Димитрия, и младшая сестра Павла, которую она взяла к себе, чтоб облегчить для матери воспитание семьи; жили они все в одной келлии. В свободные от урочной работы часы она занималась своим шитьем, и от продажи своего рукоделья содержала себя, тетку и сестру. Трудно ей обходилось такое содержание: целые ночи, не разгибаясь, она проводила за шитьем, хотя скоро и много работала. Потом старуха тетка умерла, а сестра ее, молодая девушка, не пожелала продолжать более жизнь в монастыре и вышла замуж. Облеченная тогда в рясофор мать Алевтина совершенно оставила занятие рукодельем, дни и ночи стала посвящать чтению и молитве.

При таком беспопечительном образе жизни подвижница должна была терпеть скудость в материальных потребностях. Но кто не заботится о завтрашнем дне, ища Царствия Божия и правды его, тому, по слову евангельскому, прилагается все потребное. Бывшая просфорня мать Павлина, мать Митрофания, дочь полковника, и мать Рипсимия, впоследствии схимонахиня Пафнутия, были усердными слушательницами матери Алевтины, часто звали ее к себе, с верою и любовью внимали ее духовной беседе, и с своей стороны служили ей от своих избытков, чем могли, пополняя ее недостатки. Однажды игумении представилась надобность перевести ее из собственной ее келлии в обительскую, что в женских монастырях

обыкновенно обходится не без скорби; она сделала этот переход без малейшего сожаления, и при этом из келлеинного имущества ничего с собою не взяла, даже любимых книг своих, кроме Евангелия и Псалтири. «В церкви много книг, — говорила она, — была бы охота слушать слово Божие». Отсекая в себе привязанность к вещам, она неоднократно повторяла: «Еще в ранней молодости я стала понимать не только умом, но и внутренним глубоким чувством, что душа в час смерти разрывает все связи с земным миром, и как тяжело и трудно душе это разлучение, если в ней много пристрастных привязанностей к земным предметам. Чтоб легко было умирать, нужно прежде смерти умереть для всего, нужно уничтожить все земные пристрастия». Мать Алевтина не только сама себе ничего не приобретала, но и глубоко огорчалась тем, когда в других видела противные нравы. Состоя в должности благочинной монастыря, по требованию этой должности она посещала келлию одной своей соседки и часто заставляла ее за чтением Псалтири воздыхающею, как бы с отягощением исполняющею свое правило. Тогда она говорила ей: «Довольно тебе читать, отдохни». — «Нельзя, мать, — та всегда отвечала, — ведь я монах!» Случилось, что в общей трапезе не достало дров; благочинная приходит к этой самой монахини и говорит: «У нас в трапезе дров не достало, Дон еще не замерз, привезти из лесу нельзя; у тебя много дров, отдай одну свою поленницу в трапезу». Та с ужасом возразила: «Как ты могла это высказать, чтобы я свои дрова, над которыми столько трудилась, собирая их, перевозя из-за Дона, прибирая, — и чтоб я отдала их в трапезу! Ни за что не отдам». — «Ну, мать, — сказала благочинная, — не монахи же мы с тобой, если и с поленницей дров не можем расстаться». После таких случаев мать Алевтина (в полном пострижении она носила то же имя, какое и в рясофоре) затворялась в своей келлии и не выходила из нее по два и по три дня. Отречение свое от привязанностей всякого рода она простирала до того, что не дорожила никакими удобствами и собственным покоем. У нее была одна келлейница Агафья Прокопьева, весьма преданная ей и очень ловкая в услужении. Когда одна болящая монахиня попросила благочинную дать ей хорошую послушницу, то она привела к ней свою Агафью и убедила ту служить болящей с такою же преданностью, с какою она служила ей самой. Послушная Агафья выполнила это в точности, усердно служа больной до самой ее кончины.

Мать Алевтина вот что говорила о себе: «При работе над своим внутренним человеком такая иногда чувствовалась немощь, недостаточность всех внешних подвигов, всех своих душевных сил, что не раз приходила в уныние и некоторое безнадёжие. В эти тяжелые часы приходилось в церкви слышать слово апостола Павла о бессилии закона и о вере, и хотя я их и прежде знала наизусть, но в эти минуты они были для меня новым откровением. Всею немощию души своей я сознавала, что ни на себя и ни на что свое я не могу надеяться, что ничто мне не поможет в моем спасении, ничто не спасет моей души от ее собственной нечистоты и несовершенства. Всем существом своим я верила, что Господь, один Господь и сила Его благодати может меня спасти, может просветить, очистить и у совершить мою душу; может дать силу ей внимать Его слову, понимать Его и исполнять Его заповеди. И эта сила будет Его сила, во мне действующая, а не моя, я же и все мое навсегда остается немощным, безжизненным, беспомощным. И хорошо, что человек

сам по себе так немощен; хорошо, что только Бог один силен, что Он один Живый, во всем действующий и царствующий!» При таком глубоком познании своей немощи и при такой живой вере и благодать Божия осеняла и усовершенствовала ее подвиг. Она передавала одной своей духовной дочери: «Один раз — еще была я в рясофоре — читала я покаянный канон ночью в своей келлии и молитву покаянную, в которой были слова, коими молящийся сравнивал себя с червем, с прахом земным. Читая эти слова, я вдруг ощутила глубокое чувство смирения, своего ничтожества; и это ощущение было так полно, так сильно и так отрадно душе, что слезы обильно потекли из глаз; и всю ночь я провела в коленопреклоненной молитве, а продолжать чтение по книге в ту ночь я больше не могла».

Духовного подвига матери Алевтины никто не видел, ничего особенного за ней не примечали, и мало было таких, которые могли понимать ее тайную жизнь. По принятии монашества в 1855 году она редко стала выходить из келлии. Иногда спрашивали ее сестры, отчего она никуда не ходит, мать Алевтина отвечала так: «Прежде я ходила чай распивать, а теперь чай не пью и ходить по другим келлиям незачем». Тогда преданные ей сестры, желая выслушать от нее наставление или получить совет в своих духовных нуждах, стали сами приходить к ней. В числе таких была одна молодая девушка, очень образованная, кончившая курс в Тамбовском институте; она выказала большую веру к матери Алевтине и пожелала жить под ее руководством. Много скорбей она причиняла своей наставнице, так как, слушая ее наставления, никогда не отсекала перед ней своей воли. Постоянно видя ее противление, мать Алевтина хотела отстранить ее от себя; но та высказывала тогда такую скорбь, такие проливала слезы, что наставница не решалась на это удаление, располагалась еще терпеть, надеясь на исправление своей ученицы. Но этого исправления не последовало, а кончилось тем, что образованная самовольница вышла из монастыря. Выход ее принес скорбь матери Алевтине, но вместе с тем был для нее и облегчением. После наставница так отзывалась об этой непослушной ученице: «Живя с ней, я чувствовала себя так, как чувствовал бы себя живой человек, к которому был бы привязан труп. Но все же я благодарю Бога за то испытание: многому терпению я научилась, живя с нею. И действительно, она сделалась настолько терпеливою, что могла ужиться с самым строптивым характером. Если кто жаловался ей на келлейницу, когда она бывала в должности благочинной, и просил взять из келлии, а другой келлии для такой не находилось, и никто из монахинь не соглашался принять к себе своевольную сестру; то благочинная брала ее в свою келлию и держала у себя до тех пор, пока находилась келлия или какая монахиня нуждалась в келлейной».

Самою приверженною ученицею матери Алевтины была вышеупомянутая Рипсимия, в миру именовавшаяся Параскевою, дочь казака Усть-Хоперской станицы. Когда мать Алевтина обходила келлии сестер с книгою в руках и с словом назидания в устах, заходила она и к Параскеве. Робкая и скрытная ко всем, Параскева расположилась к ней всею душой, с великою любовью слушала ее слова, поверяла ей свои сердечные тайны, и, получая духовный разумный совет, держалась его. Скоро их взаимные отношения установились определенно: Параскева стала относиться к Алевтине, как к своей руководительнице и духовной матери. Когда в душе Параскевы возникали страстные помыслы и производили тревогу, от которой

она никак не могла избавиться собственными силами; тогда она приходила к матери Алевтине в ее маленькую убогую келлию, молча садилась у ног ее и тяжело вздыхала. Мать Алевтина, видя ее душевную скорбь, брала книгу и начинала читать. Тогда слово ее, полное веры, укрепляло дух Параскевы, и она возвращалась к себе с новою силою на подвиг борьбы с своими помыслами. Иногда по своей робости она не могла высказывать откровенно состояния души своей, тогда мать Алевтина сама открывала тайны ее сердца и обнаруживала помыслы, борющиеся ее. «Мы оттого бываем так сильно боримы помыслами страстными, что мы любим грех, — говорила она, — если же нам кажется, что мы его ненавидим и что помыслы помимо нашей воли борют нас, то мы ошибаемся. Мы ненавидим и не желаем греха только по рассуждению, рассуждение же никогда не сильно победить в нас страсти и уничтожить естественное влечение ко греху: нужно, чтобы воля наша решительно отсекала всякое плотское пожелание и чтоб устремила все свое хотение к Богу и к исполнению Его слова, Его святых заповедей». И эту-то волю наставница старалась вызвать в своей ученице; указывая ей на начала страстей, она свидетельством слова Божия и слова отцов требовала решительного отсечения их. «Жив, умер — а надо исполнить», — говорила себе покорная ученица и производила над собою такое усилие, что заболела. «Двадцать семь горячек я перенесла, — говорила она, — стараясь не отпасть от слова матушки». И Параскева до тех пор не смела показаться своей наставнице, пока не усваивала ее слова делом; без этого считала себя недостойною услышать другое слово; перестрадает душой, переболит телом, и опять идет, опять сядет у ног матушки.

В 1852 году мать Алевтина пожелала поклониться Киевской святыне и посетить некоторые пустыни, в коих сохраняется строгий устав монашеского общежития. Она взяла с собой послушницу Параскеву. Все путешествие они совершили пешком и проходили три или четыре месяца, посетив многие монастыри по пути в Киев. В этом путешествии в душу Параскевы запало смущение: ей не понравилось, что матушка иногда скоро оставляла некоторые монастыри, где ей хотелось бы погостить подольше. Так, из Коренной пустыни они ушли на рассвете дня престольного праздника, в который готовилось торжественное богослужение; а из Петропавловского монастыря вышли вечером, накануне того дня, в который им надлежало обедать у архимандрита Феофана (бывшего прежде настоятелем Кременского монастыря на Дону). Монахиня Алевтина пренебрегала общепринятыми приличиями там, где видела вред своей душе, и не дорожила ничем ради исполнения заповеди Божией как по отношению к себе, так и к ближнему. Напротив, они пробыли лишние сутки в одной душной крестьянской избе, полной тараканов, где требовала духовного утешения расстроенная семья; вследствие чего запоздали к празднику в монастырь, куда спешили, рассчитывая отдохнуть и утешиться праздничным богослужением. Иногда Параскеву возмущала дружеская беседа матушки с каким-нибудь невоздержным, беспутным, по ее выражению, монахом, в котором мать Алевтина усматривала душевную простоту, всегда ее пленявшую.

И вот однажды вышли они не вовремя из одной обители, в которой Параскеве хотелось отдохнуть; не стерпела она, зароптала и высказала все, что накопилось на душе. Мать Алевтина шла молча, слушая ее. Когда они взойшли на

высокую гору, с которой в обе стороны широко расстился горизонт, и дорога развивалась на оба склона, мать Алевтина села, велела и ей сесть. «Вот что, — сказала она, — так как ты потеряла ко мне веру, делаешься судьей моих поступков, то нечего тебе делать около меня. Вот две дороги, выбирай себе любую: если ты пойдешь направо, я пойду налево; если ты пойдешь налево, то я направо, и с этой минуты наши дороги в жизни никогда больше не сойдутся». Как громом поразили слова эти Параскеву. Тут только вполне поняла она, насколько для нее дорого духовное общение с матерью Алевтиной и что вся жизнь ее души только ею и поддерживается. Сколько потом пролито было слез на этой горе, сколько дано обещаний исправления, ведает только Господь да душа Параскевы, которая с этого дня во всю жизнь более не допускала до своего сердца никакого сомнения. «Жив, умер — а наставника судить не мое дело, разбирать его дела не моему разуму», — говорила она. «Как будет Господу угодно и матушке; молитвами матушки сохрани меня Господи!» — были всегдашние ее слова. Таким образом, в этом путешествии была испытана вера ученицы. Это требовалось и для самой наставницы. Можно полагать, что без всяких других причин, а с этою целию мать Алевтина допускала себе некоторые по видимому несообразные поступки, где преданной ученице следовало только повиноваться беспрекословно. Но слезы раскаяния, истекавшие из глубины души, показали, что вера Параскевы утвердилась глубоко в ее сердце, а не была какая-нибудь поверхностная, при первом случае отпадающая. Здесь обе они увидели, что духовный союз их навсегда неразрывен. Последующие обстоятельства жизни доказывали это. Во время болезни матери Алевтины, постигшей ее в 1853 году, Параскева неотлучно проводила около больной бессонные ночи, не тяготясь никаким трудом, никакою жертвой.

При всей любви своей к келлейному одиночеству мать Алевтина была весьма общительна и умела всех расположить к себе. По обязанностям благочинной, где она ни появлялась, везде производила отрадное впечатление своим бодрым духом, веселым взглядом, ласковым обхождением; для каждой сестры находила приветливое слово, которое действовало всегда успокоительно, утешительно, а для трудящихся в общих послушаниях столько ободрительно, что как бы придавало сил. Но при всех этих качествах, облегчающих для нее прохождение начальственной должности, в ней зрела мысль о полном отречении от всего и совершенном безмолвии; а так как в монастыре это возможно только при пострижении в схиму, то мысль о схиме была давнишнею и неизменною ее мыслию. Только сама собой она не решалась сделать первый шаг, а, предавая себя воле Божией, ждала особенного случая или повода, который бы могла принять за указание Божие, как это обычно в подобных предприятиях. На что есть воля Божия, то все устраивается легко и просто, без всяких усилий со стороны человека, и вместе с тем устраивается премудро. Однажды, беседа с казначеей Мариамой, мать Алевтина навела разговор на любимый свой предмет: стала предлагать своей восприемной матери принять схиму, обещаясь читать ей правило. «Какая мне схима! — сказала в ответ мать Мариама, — да у меня и охоты нет» и, не придавая особенного значения этому разговору, прибавила: «Вот ты сама постригись в схиму». — «Благословите!» — сказала благочинная, встав с своего места и кланяясь ей в ноги. Несколько оторопевшая от такого нечаянного движения и не успевши ничего сообразить, мать

Мариама проговорила: «Бог благословит». Получив, таким образом, благословение, мать Алевтина тотчас же поспешила к игумении. Игумении Вирсавии она высказала свое давнишнее желание посхимиться и что сейчас ее восприемная мать Мариама дала свое благословение. Игумении оставалось только согласиться. В тот же день было написано прошение о пострижении монахини Алевтины в великую схиму.

26 февраля 1859 года на 43 году жизни она была посхимлена с именем Ардалионы. Приняв сугубое монашество, схимонахиня Ардалиона усугубила и свой молитвенный подвиг. Неопустительно бывая за всеми церковными службами, в келлии своей она занималась непрестанною молитвою и чтением. Чтения же своего она не разнообразила: когда начинала читать Евангелие, то прочитывала его все до конца, по евангелисту в день; потом бралась за Псалтирь, которую также кончала всю; затем прочитывала акафистник подряд, не выбирая по отдельным канонам. Последний иногда читали ей келлейницы. При этом схимнице было все равно: внятное ли и правильное было чтение, или ошибочное, малограмотное; занятая умною молитвою, она одинаково спокойно выслушивала то и другое. Никогда не поправит иную, почти по складам разбирающую читательницу, как бы неверно она не произнесла слово, но всегда остановит, когда та захочет поспешить и опустить какой псалом или трисвятое. «Не ленись прочитать, — говорила схимница, — спешить некуда, а молиться все равно можно и при повторении одной и той же молитвы по нескольку раз в день». Когда, случалось, ей замечали другие, как она может выносить такое чтение, то она объясняла: «Я не заставляю их читать, сами охотятся, ведь и им хочется помолиться, а мне-то все равно, как бы ни читалось слово Божие, оно всегда свято и действенно; если и одно слово западет в душу, то может дать жизнь душе на всю вечность». Упражняясь в непрестанной молитве, схимница бодрствовала днем и ночью; чтобы не уснуть глубоким и продолжительным сном, она спала в кресле, держа рукою за полотенце, которое для этого было привязано к ширме. Двери ее келлии были затворены для всех проходящих; самая преданная ученица Рипсимия, когда чувствовала какую скорбь или искушение, приходила лишь к дверям келлии и, помолясь у порога, уходила обратно, облегченная верою, что за нее молится матушка. Таким образом, уединение схимницы Ардалионы в первое время по пострижении было полное и молчание совершенное, и она утешалась таким безмолвием и не хотела нарушать его никогда.

Но один случай изменил одинокую жизнь подвижницы и направил ее деятельность к пользе ближних: она вступила в духовное общение с одной молодой послушницей Анной Себряковой (потом игумения Арсения), за месяц до ее схимы постриженной в монашество с именем Арсении. Как новопостриженные, схимонахиня Ардалиона и монахиня Арсения оставались в церкви вдвоем между службами. Сидя рядом на скамеечке, последняя часто обращалась к первой с разными вопросами о своих помыслах, о молитвенном делании и о других духовных предметах. Схимница давала свои ответы монахине, но однажды она сказала ей: «Ты, Арсения, так много спрашиваешь и такие вопросы предлагаешь, что одним словом на них ответить нельзя, а в церкви беседовать неудобно: если игумения благословит, то лучше тебе приходиться в мою келлию; хотя я никого не принимаю, но тебя приму, — не потому, что ты Арсения, а потому, что ты истинно желаешь

спастись». С благословения игумении монахиня Арсения стала ходить в келлию к схимнице, и эти посещения, вследствие разных духовных потребностей, сделались ежедневными. Видя это, игумения Вирсавия сказала однажды Арсении: «Так как ты часто ходишь к схимнице, то возьми ее к себе в келлию». Это очень обрадовало Арсению. Она тотчас же объявила схимнице о благословении игумении жить им вместе и сказала, что свою келлию и все, что имеет, и себя вполне отдает в ее волю, а сама будет жить при ней, как послушница. «Если я буду дурной послушницей, — говорила Арсения, — вы можете выгнать меня из келлии». На другой день после обедни прямо из церкви, в схимническом одеянии, с палочкой в руке, старица Ардалиона пришла на жительство в келлию матери Арсении. Келлейницы перенесли кое-какие вещи, что сами считали нужным взять. Келлия была просторная и удобная; одну половину заняла схимница, в другой оставалась мать Арсения. Вскоре пришла к ним жить прежняя келлейница, Агафья Прокопьева, а через год и мать Рипсимия.

Жизнь схимонахини Ардалионы, вполне обеспеченная, среди послушниц, преданных ей душою и телом, потекла мирным порядком. «Наша келлия не только монашеская, но и схимническая, — говорила она, — и если монаху нужно иметь общение с другими только по крайней нужде духовной или житейской, то схимнику и говорить даже, кроме этой потребности, не следует». Так все они и жили в течение пяти лет. Придет кто-нибудь из сестер, приветствуют ее; спросит о деле, не распространяются, не угощают, не приглашают посидеть. Если встречалась надобность кому из келлейниц сходить по делу в другую келлию, то переговорит о деле и сейчас в свою келлию. Между собою никогда не вели речи о посторонних предметах, а переговаривались только касательно собственной жизни. Все жили безмолвною жизнью старицы.

Если какая-нибудь из сестер монастыря имела надобность объясниться со схимницей по своей духовной нужде, то схимница принимала ее и беседовала с нею; только таких мало находилось: все открывающие ей свое душевное состояние ученицы жили вместе с нею. Но и с теми схимница беседовала не часто, а больше всех с одной матерью Арсенией. Арсения читала ей Евангелие, каноны и почти каждый вечер отеческие книги. При чтении отеческих книг мать Ардалиона иногда распространялась в своей объяснительной беседе так, что слушавшая ее Арсения говаривала ей: «Мне совестно и прискорбно слушать одной такое дорогое слово; мне хотелось бы созвать весь мир, чтобы все слышали и чувствовали силу этого спасительного слова, чтоб все видели этот свет разумный». На это матушка отвечала: «Ну, что же будет? и слышали все мое слово, да не приняли его к сердцу; выслушают меня, как приятную музыку, а без исполнения не поймут. Только то слово усваивается и понимается, которое исполняется, иначе оно может быть поругано». Действительно, эти слова наставницы оправдывались на опыте. Когда она требовала что сделать по своему совету, отречься от какой-нибудь пристрастной привязанности или оставить какую бесполезную привычку, то ей на это возражали другие: «Лучше бы ты заставила нас носить камни на гору, легче было бы исполнить». Матушка отвечала: «Если делом не хотите исполнять слово, то незачем его и слушать». Потому к таким беседам она никого других не допускала, разве только, по усиленной просьбе матери Арсении, одна лишь Рипсимия часто

присутствовала.

Хотя схимонахиня Ардалиона на вид казалась мужественною и была даже довольно полна, но здоровье имела слабое. Бывало, из церкви, отстоявши утреню и обедню, едва дойдет до келлии; дрожа всем телом, бледная ляжет на койку и долго не может прийти в себя. Пищу, хотя она употребляла самую простую и постную, но постом себя не изнуряла много; прежде по средам и пятницам ела сухари с водою, когда же заметила, что такое пощение ей не по силам, то стала употреблять и рыбу; впрочем, посты соблюдала строго. При всем своем изнеможении молитвы и чтения она никогда не оставляла; если не могла ни стоять, ни сидеть, то лежа молилась и читала Псалтирь или Евангелие. Когда случалось матери Арсении заходить к ней в ночную пору, то всегда заставляла ее или стоящею перед аналоем, или лежащею на койке с четками в руках и при этом глубоко вздыхающею. Молитва Иисусова была постоянным делом ее ума и, так сказать, слилась с ее дыханием в последние годы жизни. Мать Арсения имела у себя будильник, который заводила на ночь, чтоб не проспять полунощницы. Матушка, смеясь над будильником, говорила: «Ты все упование полагаешь на будильник; усваивай любовь к молитве, она сама будет тебе будильником». Но эта неусыпная молитвенница была проникнута истинною любовию к ближнему, ради которой всегда оставляла свои обычные молитвенные занятия, когда встречалась нужда подать благой совет требующему или сказать слово утешения скорбящему; при этом она не щадила здоровья, не дорожила покоем. «Господь повелел любить ближнего как себя, — учила она, — значит, и себя-то надо учиться любить, как следует. Не надо тратить напрасно своего здоровья и сил, а тем более духовных сил своих, ни времени, данного на спасение, ни случая, данного для испытания нашей доброй воли, ни зародившегося доброго намерения. Все надо сберегать доброе в себе, все уничтожать злое. Вот как научишься себя любить, тогда сумеешь любить, как следует, и ближнего; а то себя любим с сластолюбием, так и ближнего любим только по страстям». Пример этой высокосовершенной любви наставница являла в себе самой. Многим из сестер обители не нравилось такое сближение схимонахини Ардалионы с монахиней Арсенией: они не понимали той безусловной преданности и безграничной веры, какую имели близкие ученицы к своей наставнице. Глядя на одну внешность, все осуждали схимницу за такую власть над Арсенией, которая до того времени была общительна со всеми; из чувства негодования приписывали ей самые низкие расчеты, сочиняли про нее возмутительные небылицы. Некоторых смущало то, что мать Арсения всю родную семью схимницы взяла на свое попечение, воспитывала ее родных сирот и помогала всем из своего имущества. Этот поступок, сделанный из благодарности преданною ученицей, был перетолкован пристрастием схимонахини к своей родне. Но старица Ардалиона, не изменяя ни к кому чувства духовной любви своей, так относилась к этой клевете и ненависти: «Всю жизнь я прожила в этом монастыре, вместе с сестрами несла труды послушания, делилась с ними той духовной пищей, которую Господь посылал мне в Своем слове. Если они меня не понимают, если они меня осуждают, то так Господь им попустил, так надо для моего смирения, и больше этого надо. Всю жизнь свою я имела одну цель: уничтожить свою самость, чтоб Господь один жил и царствовал для меня во всем мире и в душе моей, чтоб Его силу во всем познавать, Его воле подклоняться, Его

заповеди творить. Ведь в Нем одно добро и свет, и жизнь души. Но самость моя, как змея какая, и убитая, а все поднимает свою голову.

Пусть же весь мир на нее вооружится и бьет ее, если еще мало ей моих собственных немощей, смиряющих ее ежеминутно».

В 1860 году здоровье схимонахини Ардалионы так ослабело, что она требовала серьезного лечения: она чувствовала постоянное сердцебиение и расслабление всех членов. Доктор, посетивший по просьбе матери Арсении их келлию, посоветовал больной быть побольше на воздухе и сделать какое-нибудь путешествие. М. В. Себряков предложил свой экипаж, пару лошадей и человека. По благословению игумении она отправилась по святым местам и, медленно переезжая с одного на другое, старалась больше пользоваться воздухом. В этом путешествии она посетила Святогорский и другие харьковские монастыри, Воронеж и Усмань. Везде, куда ни приезжала, ей оказывали самый радушный прием; в женских монастырях приезд ее производил как бы торжество какое. Игуменья Емилия, строительница Николаевского монастыря Харьковской губернии, приняла ее с восторгом, как близкой родной дала помещение в своих келлиях и сказывала даже, что получила духовное извещение о прибытии ее. Она объявила всем сестрам своей обители, чтобы все почтили гостью-схимонахиню, как духовную старину. Пять дней провела мать Ардалиона у игумении Емилии, которая вела с ней задушевную беседу и разделяла свою трапезу. Многие из сестер приходили к схимонахине, открывали свое душевное состояние и с любовью выслушивали ее слово; других стесняло только то, что она остановилась у игумении. В Елецком женском монастыре она останавливалась в келлии монахини Варсонофии и прожила с неделю. Сестры этой обители, узнавая одна от другой о даре духовного слова схимницы, день и ночь сходились в келлию Варсонофии. Провожали ее всем монастырем со слезами. В Усманьском монастыре она утешала болящую и скорбящую монахиню Елисавету, бывшую казначею Хорошевского монастыря, сосланную в Усмань под начало. Возвратясь из этого путешествия схимница Ардалиона поправилась несколько здоровьем.

Но в своей обители встретили ее новые скорби. Евангельское слово: *Некоторый пророк приятен есть во отечествии своем (Лк. 4, 24)* — выразилось в поведении Усть-Медведицких сестер. Смутившая всю обитель была одна сестра, по простоте своей и младенческому разуму в духовных предметах не понявшая беседы схимонахини и перетолковавшая ее учением противным церковному. Вере близких учениц не находилось подражательниц, а смущение вероломной разом все переняли, поверив ложному толкованию слов подвижницы, которые могли быть уразумеваемы только жизненным опытом, а не поверхностным суждением. Игуменья Вирсавия строго запретила сестрам обители всякое общение с келлией схимницы Ардалионы. Глубоко скорбела мать Арсения о таком отчуждении сестер.

Но матушка всегда говорила ей: «Ты скорбишь о том, что тебе одной все досталось, а может быть, для тебя-то и мне Господь послал благодать уразуметь Его слово; не знаю, к чему тебя Господь готовит, но вижу, что тебе Он много дает». Сама же она радовалась поношению, говоря, что «только им и может спастись».

Бдительно усовершенствовав своего внутреннего человека, подвижница в последние и еще немногие годы жизни своей пришла в такую крайнюю простоту нрава, которая

отличается младенческим неведением всякой злобы и составляет черту духовного совершенства. Она не только не опровергла возводимые на нее клеветы, но и нисколько не старалась оправдывать себя в глазах людей, напротив, поступками своими как будто подтверждала недоброе о себе мнение. Иногда келлейницы ее прибирают дрова около келлии. «Что-то наши девчата утомились, пойти их подбодрить», — скажет схимница и выйдет на крыльцо, по-домашнему одетая, в белом платке на голове, громко и весело разговаривает с своими девчатами, а те, увидев матушку веселою и ласковою, не чувствуют никакой усталости. Проходящие же мимо сестры, видя схимницу смеющеюся и неприлично одетою, отходят полные соблазна. В большие праздники, когда в тесной монастырской церкви собиралось много мирского народу, она не ходила в церковь, а скажет бывало: «Идите все, а я буду келлию караулить», или: «Вишню надо караулить, а то воробьи ее клюют», — и сядет на крыльце во время звона ко всенощной в виду всех идущих в церковь. Если при этом кто замечал ей, что сестры ею соблазняются, то она серьезно не понимала, чем они могли соблазниться. Родитель матери Арсении присылал дочери разные шерстяные материи, платки и прочее, чтобы она сама носила и делилась с другими сестрами. Вследствие этого на схимонахине Ардалионе вместо убогой много-швейной одежды стали появляться то приличная ряса, то хорошая шуба. Монахини, видя такую перемену, говорили, что схимница развратилась, потеряла подвиг нестяжания. А мать Ардалиона, слыша такие пересуды, говорила: «Вот, что значит полагать упование на внешний подвиг: переменил рясу — и человек в их глазах стал уже не тот. И может ли быть ценно то приобретение жизни, которое от перемены рясы может уничтожиться? И самое это рубище мы носим, чтоб приобрести беспристрастие к вещам; если же к рубищу привяжемся, то это будет тоже страсть, да еще страсть, питающая духовную гордость».

«Внешние подвиги, — учила она, — это только орудия добродетелей, и, хотя без орудия нельзя приобрести добродетели, но главною целию искания должны быть самые добродетели. А чтоб приобрести их, надо искоренить страсти и всю плотскую нечистоту. Нелегко это, надо трудиться до смерти, надо кровь пролить», — и при этом часто приводила известные из слова Божия глубокого смысла слова: даждь кровь и приими дух. «Тем труднее этот подвиг душе, что нечистота наша велика; она объяла всего человека: наши страсти, плотское кровавое чувство примешиваются даже к нашему человеческому добру, сквернят нашу молитву. Надо подвизаться добрым подвигом, даже до отречения своей души».

В 1862 году игуменья Вирсавия подала прошение об увольнении ее от должности настоятельницы за старостою лет; но сестры монастыря стали просить управлявшего тогда Донскою епархией преосвященного Иоанна, чтоб он не сменял ее. Владыка оставил Вирсавию на игуменстве и назначил ей помощницей мать Арсению, которую и определил на должность казначеи. Пред наступлением Великого поста 1863 года схимонахиня Ардалиона собрала к себе своих келлейниц и сказала им: «До сих пор вы жили моею жизнью, а я жила вашей; теперь мы будем жить отдельно: мать (так она всегда называла Арсению, когда говорила о ней с келлейными) теперь казначея, ей надо заниматься делами монастыря, к ней будут приходиться сестры с разными вопросами, к ней и вы относитесь с делами келлейными; я хочу затвориться в своей келлии, сюда мне будете подавать пищу; а

когда кому будет духовная нужда, постучите в мою дверь, я отворю». На Прощенный день все помолились в ее келлии и распростились. Много при этом было пролито слез: келлейным казалось, что для них затворяются двери рая. Никто не хотел нарушать глубокого безмолвия затворницы, но духовная нужда приближенных была так велика, что ей приходилось очень часто открывать двери своего затвора, вследствие чего келлейная жизнь ее мало изменилась против прежнего. Духовные же потребности, с какими являлись приходившие, затворница строго разбирала: она давала ответы только на такие вопросы, которые действительно касались жизни внутренней, самонаблюдательной. Иногда мать Павлина приходила со словами: «Благословите говеть», затворница отвечала: «Проси на это благословения у игумении». Раз эта Павлина спросила: «Матушка! что это читают в церкви, в антифонах: *В дому Давидове страх велик*?» — «Я не толкователь Писания, — был ответ, — на это есть богословы, их этому учат в семинариях и академиях». Часто случалось, что кто-нибудь придет и сидит молча, ожидая слова от затворницы; а она сидит с четками, опустив голову; просидит так довольно долго и скажет наконец: «Если нет у вас дела, идите». Так и отпустит, не сказав ничего. «Если б Господу было угодно, — объясняла она, — Он дал бы ход моему слову. Теперь оно в поношении и даже в запрещении, гонят и наказывают тех, кто его слушает. Нет мне благословения сообщать его другим; а тем, кто его сам вызывает, кто действительно в нем нуждается, я не имею права не передавать его». Одна сестра, готовясь к исповеди, высказала сокрушение о грехах. На это матушка-схимница сказала ей: «А ты только теперь, идя к исповеди, вспомнила о своем греховном состоянии? Монах должен постоянно в сердце носить чувство покаяния. Ежеминутно согрешаем умом и сердцем и постоянно должны в сердце носить сокрушение о своей греховности. Как же мы почувствуем потребность врача, если не будем сознавать своей болезни, как будем искать Спасителя, когда не будем чувствовать своей гибели? Как возможно будет постоянное пребывание в молитве, если нет в душе состояния, из которого бы она постоянно взывала к Господу, к силе Его благодати всеисцеляющей?» Кто с искренностью открывался этой наставнице в своих немощах или страстях, тот всегда чувствовал благотворную силу ее слова. Оно, выражались дознавшие на себе эту силу, как войдет в душу и мрачную, и расстроенную, и изнемогшую, то все в ней осветит, приберет, укрепит, и с новыми силами пойдешь по своему пути. Другие отзывались так: «Матушкино слово, как сильный дождь, смывает с сердца всю нечистоту». Иногда это слово было строго обличительное, но тем сильнее врачевало, когда принималось с верою. «Вера, — говорила схимница, — дает возможность поработать над душою ближнего». Иногда оно бывало и глубоко пронизательное, обнаруживало тайны душевные. Однажды мать Павлина зашла из церкви и сказала: «Матушка! Вы, что-то сегодня не были в церкви». — «А ты была?» — сказала схимница. — «Небось все около своих кухонных горшков ходила умом да чужие грехи разбирала». Та смутилась, так как действительно ум ее во время церковной службы был занят не молитвою. Посмеясь ее смущению, старица сказала, что «может держать ум нерассеянным в молитве сокрушенное сердце».

Во время затвора болезненное состояние схимницы настолько усилилось, что она не могла ежедневно бывать в церкви и часто большую часть дня лежала на одре. Но

и при затворничестве, и при таком болезненном состоянии она не отменяла всегдашнего своего правила служить ближним до крайней возможности. Одна монахиня, вовсе не близкая по духу схимнице, была очень огорчена игуменией и впала в такое малодушие, что заболела и ничем не могла утешиться. Тогда келлейницы ее вспомнили, что слова затворницы, в бытность ее благочинной монастыря, всегда на нее хорошо действовали: поздно вечером они пришли просить матушку посетить болящую и укрепить ее душу. Схимница, хотя согласилась навестить монахиню, но сама не могла идти по собственной слабости; тогда келлейницы привезли салазки, на которых возят дрова, посадили старицу и повезли через весь монастырь. Там она пробыла долго, утешила скорбящую, и так же на салазках ночью обратно ее привезли в келлию.

22 ноября 1863 года умерла игумения Вирсавия. После первой панихиды все сестры монастыря единодушно обратились к казначее матери Арсении с просьбою принять на себя начальство монастыря и быть им матерью и игуменией. Мать Арсения, очень огорченная смертью игумении Вирсавии, которую она с молодых лет привыкла уважать, и не желавшая никакой перемены в своей монашеской жизни, просила сестер отложить избрание настоятельницы до погребения умершей игумении и до приезда благочинного монастыря архимандрита Маркеллина. Между тем старицы-монахини одна за другой стали приходить к матери Ардалионе и просили ее убедить мать Арсению принять должность игумении. Схимница не только по просьбе сестер, но и по своему собственному желанию стала уговаривать свою ученицу принять предлагаемое игуменство. Ученица, беспрекословно послушная воле своей наставницы, только слезами изъясляла перед ней свою скорбь, что ей тяжело расстаться с той безмолвной жизнью, в которой она провела столько лет, и войти в такую деятельность, к какой не лежала ее душа. Схимница Ардалиона говорила ей: «Хотя я желаю, чтоб ты исполнила в этом мою волю, но желаю, чтобы ты сама убедилась в необходимости ее исполнить, чтоб ты с охотой приняла на себя должность, которую предлагают тебе сестры, и к которой призывает тебя Господь; чтоб ты с усердием пожелала послужить обители, воспитавшей тебя в монашеской жизни». И еще так продолжала убеждать наставница: «Ты всегда дорожила моим словом, жалела, что его никто не слушает, не принимает, передай же его всей обители, как я его передала тебе. И для тебя самой, для твоего спасения такая деятельность необходима. С самого поступления в монастырь ты жила уединенною жизнью, работала только над своим внутренним человеком; если и проходила ты послушания, то в них ты не вкладывала сердца своего, тебя там не было, до тебя, значит, ничего не касалось. А тебе нужна такая деятельность, в которой бы приняли участие все чувства твоего сердца, все способности твоей души. Тогда-то откроется тебе воочию состояние твоей души, ты увидишь, что в сердце твоём живут страсти, тебе самой неведомые: и самолюбие, и гордость, и тщеславие, и гнев, и самомнение — все обнаружится. А для человека, стремящегося выйти из страстей, важно именно то, чтоб их познать в себе, чтоб они обнаружились, иначе он и бороться с ними не может. Настоящее твое бесстрастие есть только равнодушие ко всему, оттого оно не дает тебе теплоты и полноты внутренней жизни, тогда как истинное бесстрастие есть выход из страстей, дающий свободу духу. Чистота сердца не есть его нечувствие, но обилие

приобретенного добра, уничтожающее в нем сочувствие к страстям. Твои отношения к ближним холодны оттого, что они не растворены ни любовью, ни смирением. Ты готова помочь их нужде, отдать все, что имеешь, но в этой помощи нет тебя самой. Когда настоятельская должность введет тебя в тесное общение с другими жизнями, с другими душами и раскроются пред тобою все скорби, все немощи, все страдания человека, боримого страстями, находящегося в слепоте неведения, и ты не только внешнею помощью, но внутренним чувством войдешь в сочувствие к ближнему, удовлетворяя его настоятельные нужды, понесешь его немощи, а иногда отстаивая чистоту души его, как собственную, ты будешь вызвана не только научить, но обличить, огорчить, наказать. И когда скорби ближнего тебе будут больны, как свои, когда сердце твое будет полно жалости и любви, тогда ты можешь опять уединиться, можешь уйти хоть в затвор, — ты понесешь туда с собою любовь к ближнему, и эта любовь будет наполнять собственную твою жизнь, а молитва твоя будет молитвою за весь страждущий род человеческий. Убеждая тебя принять игуменство, не на честь я призываю тебя, а на великий подвиг борьбы и труда над собственной душою и над душами сестер. Для тех, кто трудится для приобретения насущного куска хлеба, весь путь этой борьбы над собою может совершиться около какого-нибудь станка рабочего, но для тебя нужна более обширная деятельность, и вот Господь тебя призывает к ней. Если ты откажешься вступить на этот путь, то ты откажешься от данного тебе Господом средства к собственному очищению и от пути, ведущего тебя к совершенству. Эти годы уединенного безмолвия, эта жизнь со мною, эти постоянные беседы духовные не были ли посланы тебе как приготовления к готовившемуся тебе подвигу. И можешь ли ты теперь, имеешь ли право отказываться вступить на новый подвиг труда и борьбы?»

Убежденная такими доводами старицы, мать Арсения с душою, полною готовности к новому подвигу, приняла предложенную ей должность. 4 января 1864 года она была поставлена на игуменство архиепископом Иоанном в городе Новочеркасске, куда была вызвана для этого. Схимонахиня Ардалиона, чтобы облегчить для своей почти единственной ближайшей ученицы первые шаги на новом поприще, на время оставила свое безмолвие и вошла в дела монастыря, особенно по внутреннему строю его жизни. Часто она призывала к себе новую казначею мать Валерию, благочинную и других сестер, поставленных над разными послушаниями, беседовала с ними, указывая им на правильное отношение к порученным им делам и знакомя с характером новой игумении; даже иногда приглашала к себе священников и диакона монастырских для таких бесед, относительно чего говорила, что теперь надо всех приобретать, чтоб все жили и действовали в одном духе. Келлейниц своих, к которым присоединились мать Павлина и мать Митрофания, оставившие свои собственные келлии, чтоб жить около схимницы и новой игумении, старица Ардалиона учила общительности, которой они были чужды. «Вы были келлейницы схимницы, теперь вы келлейницы игумении, — говорила она им, — вам надо всех привлекать своей лаской, всех проходящих к матери ободрять своим веселым видом, чтоб все шли к ней с доверием и любовью». И сама подавала пример такой общительности: заставляла поить чаем проходящих сестер, ободряла их несмелость. Настоятельницу же

никогда не руководила в ее действиях, предоставляя ей полную свободу и личное усмотрение; даже уклонялась от советов, говоря ей: «Не бойся ошибок, они больше всего вразумляют».

Когда жизнь монастыря под управлением новой игумении потекла обычным порядком и матушка Арсения применилась несколько к своему положению, схимонахиня Ардалиона опять пожелала уединиться. К Великому посту 1864 года для нее убрали маленькую келлейку, всю стену этой келлейки устали иконами, увесили лампадами, и в этом уединенном уголке затворница почувствовала вожденный покой, опять вся сосредоточилась в самой себе. Пища и все необходимое доставляемо было из игуменских келлий. В качестве келлейницы в эту келлейку к затворнице перешла мать Рипсимия. Эта послушница с таким почтительным страхом относилась к своей старице, что без зова ее никогда не осмеливалась входить к ней. Потому случалось, когда игумения зайдет вечером и узнает, что матушке не был подан обед, начнет упрекать Рипсимию, почему не спросила; матушка же говорила на это: «Я и забыла, что не обедала, так рада, что про меня хоть день один забыли, дали мне покой». Иногда затворница целый день не отворит оконных ставней, сидит или по нездоровью лежит в полумраке, занятая умной молитвою.

Но строгий и долговременный затвор не был уделом матери Ардалионы; вскоре она должна была опять расстаться с ним. Ее духовная дочь не могла скоро привыкнуть к самостоятельной общественной деятельности. Часто какой-нибудь выговор виновной сестре или высказанное замечание повергали игуменью Арсению в тяжкий недуг: с нею делались жар с бредом и мучительная бессоница. Видя такое страдательное состояние, одна из ее келлейниц, мать Митрофания, пошла к схимонахине Ардалионе и все ей передала подробно, со слезами. Затворница, выслушав такую печальную повесть, ничего не отвечая, встала, помолилась на свои иконы и сказала: «Ну, веди меня к матери, пойду к ней жить». Со слезами радости встретила игумения Арсения свою духовную мать; она отдала ей свою спальню с смежными комнатами, а сама поместилась в своем кабинете. Это было в мае 1864 года.

Поселясь в соседстве с игуменией для ее нравственной поддержки, схимонахиня Ардалиона считала такую жизнь временным переходом и постоянно стремилась к уединению. Часто задумавшись, она повторяла антифон: *Пустынным непрестанное божественное желание бывает, мира сущих суетного кроме*. Прошло несколько дней, она стала говорить игумении: «Отпусти меня в затвор». В объяснение ее и своего положения высказывалась следующим образом: «Ты привыкла жить под началом, тебе страшно жить самостоятельною жизнью, но это для тебя необходимо. Жизнь земная — это путь к вечности, зачем же делать остановки на пути. Нужна была для тебя подначальная жизнь, уединение, и оно было в свое время; теперь у тебя другая деятельность, и тебе надо идти дальше. Все хорошо в свое время и на своем месте, а не вовремя и самое хорошее вредно. Такое-то оно, человеческое добро: то, что вчера нас спасало, сегодня губит. Одно добро Божие вечно, неизменно, всегда истинно и неложно; оно-то одно и спасет нас. Не дорожи же своим добром (то есть привязанностию к уединению и к подначальной жизни), отрекайся от него, когда предстоит исполнить заповедь Божию о любви к ближнему,

когда ты призвана ему послужить, поработать для спасения. Ты не можешь свободно действовать в том мире, где ты видишь, что меня уже нет, потому что боишься отклониться от меня и моей жизни; а я вижу, что, хотя поддерживаю твой дух, но жить тебе мешаю. А что мешает нам на пути, от того надо отречься, хотя это будет единомышленный друг или даже наставник. Не знаю, к чему Господь меня призывает: к затвору или к исходу из земной жизни, но только я чувствую непреодолимое влечение к жизни, вполне отрешенной от вещественного». Последние слова духовная мать неоднократно повторяла своей дочери. Наконец она определенно высказала желание уединиться. «Мне пришло желание жить в монастырском большом саду, — сказала она, — если ты меняпустишь и благословишь, то я попрошу сестру твою А. М., чтоб она выстроила мне там келлию. Тебя одну я буду принимать, когда встретится тебе духовная нужда, и ты поймешь, как будет для тебя полезен и дорог отдых в моей безмолвной келлии». Находя, что жительство в саду будет полезно для расстроенного здоровья матери Ардалионы, игуменья Арсения склонилась на ее неперемное желание и тотчас же написала письмо своей сестре о постройке келлии для схимницы, так как не хотела употреблять на этот предмет монастырских средств, всегда недостаточных для самых существенных нужд монастыря. А. М. с радостью прислала денег на келлию. Началась заготовка материалов, и скоро приступлено было к самой постройке. Между тем здоровье схимницы с каждым днем ослабевало; с трудом она могла перейти чрез комнату, а, если пройдет две-три, то почувствует изнеможение до обморока. Такая болезненность была предвестницею другого перехода, для которого душа подвижницы уготовилась, и, как горлица, утратившая свое пристанище, не находила более себе приюта в земной юдоли. Самая речь ее изливалась, как песнь на этом исходе.

Вот как старица беседовала к ученице игуменья, когда та в последних числах июля вошла к ней и застала ее, читавшею акафист Страстям Христовым и проливавшею обильные слезы. По окончании молитвенного чтения лицо ее было светло, весь стан выражал глубокое спокойствие, и она стала с одушевлением говорить о великих благодеяниях Божиих, явленных всему миру и каждой душе: «Душа, умершая для всего земного и живущая в едином Боге, бывает в таком состоянии, как преданный и верный раб, живя в богатом имении своего господина, хотя не участник его доходов, но на все смотрит, как на собственное, и радуется богатству и славе своего господина, как собственным, радуется им и хвалится его достоянием. Так и душа видит весь мир, как Божий дом, видит премудрые пути Божии, Его силу, действующую в мире, Его любовь, постоянно являемую твари; видит самую тварь как Божие достояние, и в этом богатом имении своего Господа она, как верная раба, ничего не имеющая, радуется за все, как за свое собственное, как будто она всем обладает, и постоянно говорит: как велик мой Господь, как Он славен! И блаженство ее так велико, что она не видит непостоянства времени, — оно для нее пребывает неподвижно, у нее нет ни прошедшего, ни будущего, одна настоящая минута, как бы она тяжела ни была по обстоятельствам внешней жизни, или по естественной немощи души или тела, но эта настоящая минута для нее составляет все блаженство, потому что она живет в доме Божием. Она не чувствует времени, потому что уже вышла из временного, жизнь ее не заключается в

преходящем, но в вечном. Это состояние настолько удовлетворительно для души, настолько блаженно, что, если бы Господу угодно было навсегда ее оставить на земле в трудах жизни, оставить именно в том состоянии, в какое она пришла, то она была бы на это согласна. Но по соображению мне кажется, что такая душа уже не долго останется на земле; земной подвиг ее уже окончен, и она с апостолом Павлом должна сказать: *Время моего отшествия наста» (2 Тим. 4, 6).*

1 августа схимонахиня Ардалиона была в церкви. Придя от вечерни, она сказала игумении, что чувствует себя нехорошо и желала бы посидеть на воздухе. Обе вышли в садик, находящийся подле игуменского дома и прилегающий к бывшей келлии монахини Арсени; около этой келлии в тени деревьев сели и много беседовали, вспоминая прошедшую жизнь. Когда разговор коснулся стремления к единой цели — общению со Христом, — стремления, проходящего через все пропасти страстей своих, чрез всю внешность житейских обстоятельств, матушка сказала: «Соединиться с Ним не подражанием (не подобием), как равный с равным, но причастием, как тьма со светом, как болезнь с врачевством, как нищий с богатым... для того нужна смерть собственной самости, чтоб жить со Христом в Боге. *Не ктому, говорит апостол, живу аз, но живет во мне Христос (Гал. 2, 20).* Не уничтожается наша личность, но, умирая телом, воскресает духовно во Христе. И как прежде она жила для себя и себя делала целью жизни, к себе все направляла, собою все освещала, так теперь Христос стал жизнью ее души, душою ее жизни. Единственным делом такой души становится молитва, ею она живет и дышит. Какие чудеса угодно Господу являть такой душе и через нее же миру, это Ему одному известно. Сама же душа ничего больше не желает, это предел ее исканий — отселе ждет смерти, чтоб разрешиться и со Христом быть. В будущей жизни совершенство, а в этом несовершенном мире и самое совершенство несовершенно. Здесь Христос, как врачевание немощи, там Христос, как венец совершенства».

В этой беседе они не заметили, как село солнце; наступившая прохлада ночи заставила их вернуться в келлию. В течение десяти последующих дней схимница страдала серьезною болезнью: лихорадочный озноб сменялся сильным жаром, и чувствовалась сильная головная боль. Но врача она не пожелала пригласить, говоря, что доктора ей никогда не помогали в ее болезнях, а теперь тем более, когда в теле не осталось больше сил для жизни. Постоянно стала говорить о смерти, но окружающие не принимали этого во внимание, видя больную всегда бодрою духом. Хотя она лежала в жару, но не прерывала умной молитвы; иногда заставляла прочитать повечерие или какой акафист и выслушивала со вниманием. 10-го числа игуменья Арсения, беседуя с болящей старицей, старалась навести разговор опять на тот же предмет, о котором они говорили в саду. Схимонахиня так продолжала его: «Господь сказал: *Аще зерно пшеничное, пад на землю, не умрет, то едино пребывает, егда же умрет, мног плод сотворит (Ин. 12, 24).* Эти слова Господь сказал о Себе Самом, и на Нем они совершились. Господь принял на Себя человечество, и когда Он по человечеству пострадал, умер и воскрес, то прославился, седяй одесную Бога Отца, и с тех пор страдания Его стали приносить обильные плоды духовные. Так же исполняется это слово в духовной жизни человека. Пока живет он самостию, в своих человеческих страстях, то не приносит он плода добродетели; когда же самость его распнется на кресте самоотвержения и

умирает совершенным самоотречением, и когда воскреснет душа во Христе и сбывается на ней слово: *Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим (Ин. 14, 23)*, тогда душа не живет уже своею жизнью, но Господь живет и действует в ней и чрез нее, как чрез какое орудие Своей благодати, действует на мир. Ум, умерший своему мудрованию, становится проводником тайн Божиих, ему открывается видение судов Божиих и Его всесвятой воли. Сердце, умертвившее в себе свою самость, делается жилищем Божественного добра; усвоением Его всесвятых заповедей, дух человека приобщается Духу Христову. И когда Христос живет в душе, то какого добра не в силах Он плодотворить, и какие чудеса не явит Он душе? А душа свидетельница этих чудес, этой силы, действующей в ней, в благоговейном трепете будет благодарить Его за то, что Он в великом и премудром совете Своем так определил, что она получает свое совершенство в Нем, а не в себе самой. И радоваться будет душа своей немощи! И захочет ли такая душа показать себя чем-то великим пред людьми? Напротив, она хочет, чтобы все видели ее немощь, ее низость, ее убожество и ничтожество. Она на деле, в себе самой проповедует эту недостаточность человека. Она даже не может взять на себя никакого личного человеческого добра, потому что жизнь ее в истинном Добре, перед Которым уничтожается ее самость. Смирение — это та земля, на которую зерно должно упасть, чтобы умереть, — умереть, чтобы ожить во Христе и оплодотвориться Духом. Если же оно и не умрет, то едино пребывает, едино в своем несовершенстве человеческом, неприобщенное Христу».

Окончив беседу, схимница опять, лежа на койке, безмолвствовала, погруженная в умную молитву. Пищи почти не употребляла, довольствовалась одним питьем. Беседуя на другой день, матушка говорила: «Страсти не потому только дурны, что они мучат душу, но больше потому, что не дают душе приобщиться блаженства — единения со Христом. Если бы ты вполне могла понять блаженство духовной свободы, ты не заключала бы себя никогда. Ты не считаешь пленом чувство, в котором не подозреваешь страсть; и я тоже не подозреваю ее, но знаю, что не на этом чувстве должна успокоиться и остановиться душа: ее покой — один Бог. И, если так, то самое добро не предел ее стремлений. И чем благовиднее остановка, тем она опаснее. Одно должна знать душа, что только в Боге ее покой и предел исканий. Поэтому она должна выйти в совершенную свободу не только от страстей, но и от своих чувств — в свободу от всего временного, из всего, что дано только для науки, для приобретения, и войти в Бога. Такая свобода есть младенчество души, неведение зла. В такой свободе душа присуща всему человеческому, но ничему не подчинена, живет жизнью всего мира, ничем не гнушается, ничего не уничтожает, ничего не исключает из общей жизни как зло, как дурное, но сама ничем не связана, ни в чем не заключена, но всему прикасается, все объемлет, все носит, все вмещает, но никогда не останавливается, ничем не объемлется. Этого мало, что она беспристрастна, — в беспристрастии есть тоже своего рода односторонность, — она умерла для своей души, она вышла в свободу из себя самой, она заключила Бога в себе, остановившись на каком-нибудь конечном совершенстве, но сама заключилась в Боге вечном. И то, что в ней живет, и то, что везде действует, и то, что все объемлет, — это Христос, Который стал полнотою ее сердца, жизнью ее души, руководителем ее ума; мало этого: Он стал сердцем сердца, душою души, умом ума.

К такому состоянию приводит свобода от всего человеческого. Вот для чего даны все заповеди, дано все руководство закона и самая земная жизнь». Это была последняя беседа схимонахини Ардалионы с игуменией Арсенией.

12 августа родитель игумении Арсении прислал экипаж и лошадей, прося дочь приехать в деревню (за 80 верст от монастыря) погостить вместе с другими детьми его, которые все собрались к нему; недоставало только ее одной. Арсения не хотела ехать по случаю болезни матушки-схимницы и думала отослать экипаж назад; но матушка уговорила ее не отсылать экипаж, а условилась дожждаться утра: если наутро больной будет хуже, то игумения не поедет. На другой день утром игумения Арсения входит к схимонахине Ардалионе и застаёт ее одетою и сидящею в кресле. «Сегодня мое здоровье несравненно лучше, — говорит матушка, — я буду уже выздоравливать, и тебе нет никакой причины огорчать своего отца отказом приехать на его зов». Напомнила ей про любовь ее отца, отдавшего всю жизнь свою детям и воспитавшего их в благочестии, — что такого отца следует не только любить и почитать, но и утешать, и привела в пример, какую Господь Иисус Христос показал заботливость о Своей Пречистой Матери, когда, страдая на кресте, вручил Ее Своему любимому ученику. «А, если б мне и случилось умереть без тебя, то какая же беда? Если Богу будет угодно, увидимся на том свете; а здесь мое дело около тебя все сделано. Все, что открыл мне Господь, не скрыла и я от тебя; все свои духовные понятия я передала тебе от альфы до омеги, и с собою ничего не унесу в могилу».

Проводить игумению больная старица вышла в другую комнату и, совсем прощаясь, сказала: «Бог да благословит тебя, а мы с тобой больше не увидимся». Но эти слова ни на игумению, ни на кого из окружающих не произвели должного впечатления, так как все были далеки от мысли о смерти любимой и обожаемой матери, и тем более что матушка-схимница в последние месяцы всем твердила о своей смерти; еще с кончины игумении Вирсавии сказала она: «Теперь пора и мне умирать, теперь все мои скорби окончились, и на земле нечего мне больше делать». В эти дни игумения и все сестры монастыря говели и готовились приобщаться Святых Таин в день Успения Божией Матери. Игумения, уезжая, сказала, чтобы сестры причащались без нее, а матушку - схимницу просила подождать и говорила: «Когда приеду, тогда мы вместе приобщимся Святых Таин». Матушка, чтоб успокоить ее, обещала дожждаться. Проводивши игумению, она легла на койку, и в тот день к вечеру с ней сделался сильный жар, не прекращавшийся до самой кончины. В последние дни свои больная ни с кем не говорила, односложно отвечала на вопросы келлейницы; пищи совсем не употребляла. Келлейницам благословила причащаться. «А я, — сказала, — дождусь матери, когда приедет, то она всем распорядится». 16-го числа мать Рипсимия и мать Викторина, бывшие при ней неотлучно, видя, что она слабеет, предложили ей приобщиться Святых Таин. «Да, я готовлюсь», — сказала она. Ночью мать Рипсимия, сидя около умирающей, плача говорила: «Как мы будем жить, когда тебя с нами не будет?» — «У вас останется мать, — ответила, — она вас может поддержать и руководить; вот у нее без меня во всем мире не будет человека, которому бы она могла открыть свою душу, кто укрепил бы ее дух, направил бы ее дальнейшие шаги».

17-го числа больная ждала весь день приезда игумении и часто спрашивала:

«Не приехала ли Арсения?» Когда к вечеру поспешно вошла в ее комнату послушница Агафья, то больная порывисто спросила: «Что там, Арсения приехала?» Но, когда узнала, что ее нет и ожидать уже нельзя было по времени (был восьмой час вечера), то велела позвать к себе священника. Отец Григорий Прозоровский исповедал умирающую; потом свидетельствовал, что после этой исповеди почувствовал такую свободу и легкость на душе, какую редко чувствовал при собственной исповеди. Когда духовник пошел в церковь за Святыми Дарами, Викторина спросила: «Матушка! Вы желаете причаститься?» — «Да, — был ответ, — надо все кончить». Приобщившись Святых Таин, она легла на изголовье одра... Священник стал читать молитву на исход души и кончил возгласением вечной памяти усопшей рабе Божией, новопреставленной схимонахини Ардалионе. Лицо почившей сделалось светлое, в чертах его отпечатлелся мир душевный. Кончина совершилась 1864 года, 17 августа в 10 часов вечера. На другой день тело почившей было предано земле; так распорядилась казначея мать Флавиана в той мысли, что для игумении будет легче не присутствовать при погребении. 19-го числа приехала в обитель игумения. Погоревала она с прочими близкими сестрами, что погребение совершилось в ее отсутствие, и самое место могилы ей весьма не нравилось, так что, если бы она сама погребла, то никак не выбрала бы это место. Но это-то последнее обстоятельство, быть может, и было действием особого Промысла Божия, для чего состоялось оно в отсутствие игумении, как это она увидела впоследствии.

В 1874 году была снята маленькая церковь апостолов Петра и Павла, около которой была погребена схимница, и на месте ее заложен был большой храм во имя Казанской Божией Матери с приделом апостолов. Размечая с архитектором место для нового храма, игумения Арсения была приятно изумлена и обрадована, что могила схимонахини Ардалионы пришлась под церковию в подвальном этаже, на одном из самых лучших мест. Вместе с мраморными колоннами, которые выписывались для нового храма из Петербурга, был привезен на могилу памятник-плита серого мрамора с надписью, обозначающею время кончины схимонахини Ардалионы. Памятник этот сооружен усердием учениц великой старицы, именно: игуменией Арсенией, схимонахиней Пафнутией (бывшей Рипсимией) матерью Митрофанией, матерью Викториною, матерью Агнией и матерью Флавианою, которые все вложили в него свои лепты.

Блаженной памяти схимонахиня Ардалиона при жизни принимала к себе многих из простого народа, которые с верою в ее молитвы приходили издалека, чтобы попросить у нее совета или получить облегчение в своих недугах. Таких приходящих она всегда с любовью назидала, недужным указывала на молитвы Церкви, заставляла часто отслужить молебен Божией Матери, а иногда сама читала над ними святое Евангелие. По кончине ее вера простых людей была такова, что многие болящие, приходя в обитель, искали ее загробной помощи и просили возлагать на них ее схиму. Некоторые из родных игумении Арсени, принадлежащие к лучшим фамилиям войска Донского, сохранили о ней воспоминания, исполненные истинного уважения; а родная сестра игумении, А. М. Маржанова, более 20 лет, бывая в монастыре, всегда служила на ее могиле панихиды. Сама игумения Арсения в тяжелые минуты жизни приходила поверять этой безмолвной могиле свои недоумения и печали: тогда, говорила она, из глубины

ее собственного сердца возникала мысль, отвечающая на ее душевные вопросы, и она верила, что то влагала в сердце ее загробная молитвенница...

Часто упоминаемая в сем жизнеописании послушница Рипсимия, в миру Параскева Багрова, вскоре по кончине своей старицы была пострижена в монашество, и потом в великую схиму, в которой наречена Пафнутией. Для усовершеня себя в духовной жизни схимница Пафнутия пожелала поселиться на безмолвие в той келлии, которая была устроена в монастырском саду и предназначалась для старицы Ардалионы; с благословения игумении Арсении она вошла в эту уединенную келлию. Шесть лет провела она в подвиге поста и молитвы в этом затворе, подвергаясь непрестанно искушениям от демонов, которые явно нападали на подвижницу и заставляли испытывать все ужасы отшельнического единоборства с духами злобы. Наконец, ослабленная телесными силами от постоянного и усиленного подвига, затворница Пафнутия была переведена из этой келлии в другую, устроенную внутри монастыря, где и скончалась мирно в 1878 году, марта 30 дня, на 67-м году жизни, окруженная едино-мысленными сестрами, с которыми вместе провела годы послушничества своего при старице Ардалионе⁴.

Из писаний схимонахини Ардалионы: Начало покаяния⁵

Сесть к востоку, как некогда Адам, и размышлять так; руками бить лицо и говорить: «Милостиве, помилуй мя, падшаго».

Начинать плач сице: воздыхая от всея души и с болезнию сердца говорить: «Увы мне, грешной, что бех и что содеяхся, увы, что погубих. Вместо рая возлюбила тленный мир, вместо Бога и пребывания со святыми Ангелами — диавола, вместо покоя — труд и приболезненные слезы, вместо правды — неправду, грехи, лукавство и страсти, неразумие, вместо безпопечительности и свободы — многопопечительную жизнь и горчайшее рабство. Увы мне! раб страстям соделахся. Увы мне, что сотворю? отвсюду рати смущения, болезни, искушения, беды, страсти, грехи, горести, теснота. Увы мне, окаянной, куда бегу, чего искать, — не вем? И кто есмь аз, хуждший ничтожества, нечувственный и немощнейший. Авраам нарицает себя землею и пеплом, а Давид умершим псом, Апостол нарицает себя грешником. Чем я назову себя? И что сотворю, окаянная? Где сокроюсь я, как могу избежать сетей диавольских, смерть близ есть. Господи, помоги мне, не остави созданию Твоему погибнуть. Ты всегда печешься о мне, окаянной. Скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду, яко к Тебе взях душу мою (Пс. 142, 8). Не остави мене, Господи, Боже мой, не отступи от мене, вонми в помощь мою, Господи спасения моего (Пс. 37, 23). Увы, мне, нерадивой, много немощствую, много уныния обдержит мене, забвение не попускает зреть множество зол моих, злопреступление горшее в разуме, демоны лукавы, грех удобен, словоиспытание горько. Камо бегу от себя? Я сама вина погибели моя, никто не может меня нудить; аз согреших и согрешаю, кого могу обвинять?

⁴ Составлено по запискам игумении Арсении Соловецкого монастыря благочинным, иеромонахом Паисием.

⁵ Из архива архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия. При публикации сохранены все особенности орфографии оригинала.

Господь благ и Человеколюбец, желает всегда моего обращения и покаяния; Ангелы любят меня и хранят; человецы хотят моего преуспевания в добродетели; демоны не могут нудить не хотяща погибнуть нерадением или отчаянием. Сама я, окаянная, виновата, не хочу положить начало благочестия. Чесо ради нерадиши, душе моя, о себе? Увы мне, увы, всегда много согрешаю, стоя пред Богом, лукавая помышляю. О, безумия моего, всегда злое творя, Бога всевидца не боюся; муку вем — каятися не хошу; Царствие люблю, а добраго не стяжах; в Бога верую, а заповеди Его престапаю; диавола ненавижу, а ему угодная творю. Аще молюсь — нерадею; аще пощусь — возношуся и более осуждаюсь; аще бдение совершаю — мнюся нечто творити и ради тщеславия сие творю. Увы, что буду и что сотворю, камо ни гряду — все грехи обретаю. Бога прогневах, также Ангелов опечалих, человеки многажды оскорбих и соблазних; хотех покаянием благоугодити Тебе, но враг искушает и борет душу мою. Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя. Согреших, яко блудный сын, приими мя кающагося и помилуй мя.

Увы мне, кто достойно оплакать меня может, а понеже аз сего не творю, падите горы и покройте мене окаянную. Что реку? Сколько благ сотворил мне Бог, колико зла неразумие мое показа, и колико Он долготерпит, толико я о себе нерадею, горший бездушных камней, не познаю человеколюбия Твоего; покаяния не стяжах, капли слез не имею; само сие, еже творю, велие ми есть осуждение. Ангельский ум сподобихся имети, но нрав окаянный не переменяю и пасти имам в погибель.

Увы мне! каков подвиг имать душа, тела разлучающися, тогда колико слезит, но никто же милуяй ю, ко Ангелом очи возводящи, к человеком руце простирающыи, не имать помогающаго; окружают демоны, держащи мною содеянная многая злая, кроме грехов осуждена буду, яко не сохраняная достойно заповеди. Рцы мне, душа, где обеты крещения, сочетание со Христом, где подражание Христу добродетелями, кротостию и смирением, где обещания иноческого образа и подвиги? Аще немощию оправдаешися, где вера и упование на Бога? Где покаяние, удаляющее от всякого слова лукаваго? Где сокрушение души, плач, чистота сердца от помыслов? Где терпение, сносящее различные скорби Царствия ради Небеснаго? — Молитва, попечение о смерти, сетование, целомудрие, мужество, упование, правда, где беспристрастие и совершенная нелицемерная любовь, мир и любовь ко врагам — что имаше отвещати?

Во аде имаше быти, что сама себе приготовила, но не потому, что согрешила, а потому, что не каешься, как блудный сын: как и его, принял бы тебя чадолюбивый Отец. Ныне же себя я горше его зрю; сего ради страшуся с демонами пребывания и будущаго Суда; там река огненная, книги совести раскрыты; Ангелы предшествуют, человецы предстоят, вся нага и явна пред Судиею. Как имам терпеть обличение и негодование страшного Судии, истязание с страшным прещением, изречение не имущее перемены, непрестанный плач, бесполезные слезы, не освещаемая тьма, неугасимый огонь, отпадение Царствия, разлучение со святыми, отчуждение Бога, малодушие, вечная смерть и мучение совести.

Увы мне, грешной, что имам пострадати; чесо ради зле погибаю: имам еще время покаяния, Владыка призывает мя и аз отметаюся! Доколе, душе моя, согрешавши, доколе отложение покаяния приемлещи, приими во уме Суд, возопий Христу Богу: прежде даже не осудиши мя, помилуй мя. Да не услышим: *Не вем вас*. Заповеди

нерадением не сохраних, но молюсь: помилуй мя.

Увы мне, Господи, яко опечалих Тя, и не восчувствовах, но благодать Твоя сотвори ощути мало; темже недоумеваю, окаянная, вострепета душа моя грешная; имам ли пожити мало, чтобы плакать горько и омыть душу и плоть слезами, или един час поплавав перестану, присно не чувствуя. Что сотворю, да обрящу болезнь души? Поститися ли имам и бдети, но без смирения ничтоже пользует пост. Пою или читаю, страсти помрачают ум мой, и потому не могу понимать силы глаголемых словес; припадаю ли — не имею дерзновения. Погубих душу мою, Господи, помози ми, помози, яко мытаря приими мя и яко блудницу. Не отвержи мене, рождейся от Девы; не презри слез моих, Радосте Ангелов: но приими кающуюся ряди человеколюбия Твоего и пучины щедрот Твоих, в нюже повергни отчаяние души моея.

Дерзаю собирать ум мой во святую память Твою; поне едино моление со страхом и трепетом многим сотворю Тебе, единому Богу. Припадаю на колена, приношу первое благодарение, потом исповедание пред Тобою, просити начинаю окаянный аз (благ), ихже сподоби мене (сущую) прах, персть и пепел. Единым умом сподобихся предстати тебе, земный весь; от всея души вопию и глаголю: Владыко многомилостиве, благодарю Тя, славлю Тя, пою Тя и поклоняюсь, яко сподобил мя в час сей благодарити Тя. Исповедаю благодать, не скрываю благодеяний, проповедаю милости Твоя, прославляю имя Твое во веки, яко милость Твоя велия на мне. Неизреченное снисхождение и долготерпение о множестве согрешений моих, нечестии и лукавстве, яже сотворих и творю всегда, и имех сотворити, от них же избавляет мя благодать Твоя, о сущих в ведении и не в ведении, словом, делом и помышлением, яже веси, Господи, от рождения моего до конца жизни моея, о нихже дерзаю, окаянный, исповедание сотворити пред Тобою: беззаконновах, нечествовах, несмь достоин възрети на высоту небесную, но дерзая на человеколюбие и милосердие Твое, молюсь Ти: помилуй мя, Господи, яко немощен есмь, прости множество зол моих, и не попусти ктому согрешати или заблудити от праваго пути Твоего, ниже оскорбите или опечалите кого, но обуздай всякую злобу мою и лукавые обычаи, безсловесное стремление души и тела яростное и похотное, и научи мя творити волю Твою. Помилуй сестры о Христе, и сродники, други, служащие и служившие мне, окаянной, и заповедавшие молитися о них, ненавидящие и любящие мене, и ихже оскорбих и уничижих, сия же и мне некогда сотворившия, или имущия сотворити, и всех верующих. Прости нам всякое согрешение вольное и невольное, соблюди нашу жизнь и исход из мира сего от нечистых духов, и от всякого искушения и всякого греха, лукавства, мнения, отчаяния, безумия, возношения, прелести, мучительства и сетей диавольских. Даруй полезная в нынешней и будущей жизни, яко благоволит человеколюбие Твое. Упокой прежде отшедшие отцы и мать мою М. Пар. (так в рукописи. — *Ред.*) в небесных селениях. И молитвами всех святых ущедри и мое окаянство, умилосердись о моей погибели, исправи жизнь мою и конец в мире пошли мне. Сотвори меня, якова хочещи Ты, да не отлучен буду стояние одесную Тебе в День судный. Господи Иисусе Христе, Боже мой, аще аз и последний из спасающихся, раба Твоя, но умири мир Твой и помилуй всех нас, якоже веси. И сподоби мя причащения Пречистого Тела Твоего и Честныя Крови Твоея во оставление грехов и

приобщение Святаго Духа, во обручение вечныя жизни, яже в Тебе, со избранными Твоими. Молитвами Всепречистыя Твоея Матере и Небесных Сил и всех святых, яко благословен еси во веки веков.

Пресвятая Владычице Богородице, вся Небесныя Силы, святые Ангелы и Архангелы и вси святии, молитесь о мне грешной».

Ради того подобает пребывать в таких размышлениях (разумеаниях) да множае умилится сердце и даст плод — по Бозе слезы. Говорит Аествичник: во едином глаголе пребывай, ум же кроме плача очиститься не может.

Верую, Господи, помоги моему неверию, верую всему тому, что Ты открыл в Слове Твоем, верую всему тому, чему учит (поучает) Святая Твоя Вселенская и Апостольская Церковь. Мир передает мне свои мудрования, дух злобы свои искушения и сомнения, похоть плоти суетныя свои помышления; не верю им, отвергаю их, гнушаюсь ими. Слово Твое, Боже, пребывает во веки. Небо и земля прейдут, а Слово Твое никогда же. Церковь Твою и врата адова не одолеют. Объемлю всем сердцем истины, открытыя Тобою. Ты Сам изрек их, довольно сего для меня, оне выше всех человеческих умствований. Утверждаюсь на учении Церкви Твоей; беззаконники сплетают глумления вопреки Слову Твоему, но слова их в сравнении с изречениями Твоими — безумие; слышу хитросплетения врагов Церкви Твоей, они — мрак пред светом ея учения, о, не дай мне, Боже, колебаться, подобно младенцу, в вере Твоей! Да не увлекает меня всякий ветер учения хитрым искусством обольщения. Требууй от мене, Господи, за Слово Твое, крови моей и жизни моей. Готово сердце, мое, Боже, не боюсь убивающих тело и не могущих убить души; ничто не разлучит мене от Церкви Твоей: ни скорбь, ни теснота, ни посмеяние, ни гонение, ни голод, ни нагота, ни опасность, ни огонь, ни меч: потому что Ты, Спаситель, по своему обещанию пребывать в Церкви Твоей, а находясь в Церкви, я пребываю с Тобою. Слово Твое не может обмануть мене, как не может подвергнуться заблуждению Премудрость Твоя.

Нет у меня дел, которые могли бы оправдать мене на суде Твоем, Господи; но Ты Сам изрек, что верующие в Тебя жить будут во веки. Я верую, Господи, да вменится вместо дел вера моя, да оправдит и спасет меня, да соединит с Тобою и соделает мене наследником вечного Царствия, да открыто лицом к лицу увижу славу Твою.

Почто унываеши, душа моя, почто смущаешься? Уповай на Бога, Коего всеведущая Премудрость знает, беспредельное всемогущество может, неистощимая благость желает все устроить ко благу моему, на пользу вечного спасения моего. Уповай, душа моя, на Господа, уповай на Его вечную благость, на беспредельное Его милосердие, на страдания и Кровь Иисуса Христа, удовлетворившего за тебя Божественному Правосудию. На Тебя, Господи, возлагаю упование мое, хотя и сознаю в себе бесчисленное множество грехов моих, но во уповании на вечную любовь, на крестные страдания и смерть Спасителя моего притекаю в полной надежде, что вечное Правосудие и за мои грехи приемлет принесенную на Голгофе жертву Спасителя моего, что Кровь Его ходатайствует прощение и моих прегрешений; что Промысл святой не перестает посылать мне все необходимое к вечному спасению моему, эта благость Божия всегда будет руководствовать меня благодатию Святаго Духа, а ради заслуг Иисуса Христа соделает и меня наследником Царствия Небеснаго.

Во всех обстоятельствах моя жизнь не стану надеяться на богатство и помощь человеческую и на свою силу и разум мой: но буду уповать на неистощимую благодать и Отческое Твое промышление о мне, Создателю мой. В этом уповании хотя бы все, окружающее мене возстало против меня, не убоится сердце мое; хотя бы весь мир сокрушился, хотя бы все бедствия мира сего постигли меня; хотя бы казалось даже, что благодать Твоя, Боже, оставила меня, я не перестану уповать на Тебя, Избавитель мой, Твердыня моя, на которой я безопасен. Убежище мое, Защита моя; на Тебя, Господи, уповаю, не прельстят меня соблазны мира сего, не увлечет меня на путь порока похоть плоти, не обольстит мене коварство темных духов. Во уповании на всемогущую благодать Твою, Душе Святой, какой не совершу добродетели? Отныне при содействии благодати Твоей, Господи, буду подвизаться хотя бы до крови противу греха и всецело исполнять святую волю Твою. Не постыди мене, Всеблагий, в надежде моей, осуществи упование души моей, введи мене в то Царствие Твое, в котором и вера прекратится, и надежда престанет. Господи, что мне без Тебя на Небе, и что без Тебя на земле?

Возлюблю Тя, Боже сердца моего и часть моя во веки, возлюблю Тя, вечная любовь, сладость неизреченная, святость совершеннейшая, красота безначальная неопишанная; возлюблю Тебя не только за благодеяния и щедрый дары Твоя, которые Ты безпрестанно изливаешь на меня: но и потому, что ты — высочайшее, одно достойное любви моей, Благо, Один достоин любви всех тварей. Не хочу ничего любить, кроме Тебе, не хочу жить, как только в Тебе, не хочу ничего желать кроме Тебя. Предпочитаю Тебя всему. Люблю, люблю Тебя выше всего, порывается к Тебе сердце мое, желаю разрешиться от земли и быть с Тобою, о, кто избавит меня от смертного тела сего? Когда прииду и явлюся лицу Твоему, Боже? Возлюблю Тебе, Боже мой, возлюблю Тебе всем сердцем моим, всею душою моею и всем помышлением моим. Поздно ощутила я неизреченную сладость любви Твоей, Боже, поздно я возлюбила Тебя, но и теперь еще не люблю Тебя, как должно и как желаю любить, невыразимо, безконечно, пламенно. Желала бы любить Тебя тою любовью, какою любили Тебя все святые, какою возлюбила Тебя Преподобная Матерь Твоя, Матерь чело веческого спасения, любить тою любовью, которая одушевляет святых Ангелов Твоих, какою пылают к Тебе Херувимы и Серафимы; которою, если бы то возможно было, Ты Сам любишь Себя.

Господи, отринь мене, попери мене, уничижи мене, предай на мучение, низринь во ад, только дай мне благодать всецело вечно любить Тебя. Ничего не желаю, кроме любви Твоей. Если же предвидишь, что некогда, что через несколько лет, дней и часов оскорблю Тебя, лучше в сие самое мгновение исхити мене из среды живущих, только не дай мне дожить до того несчастного времени. Возлюблю Тебя, Боже мой и Спасителю, в ближнем моем, даруй мне, Господи, из любви к Тебе любить ближнего моего, любить весь род человеческий как самого себя, любить любовь пророка Моисея и Павла Апостола, любить любовь, которою Ты Сам возлюбил людей, несмотря (на то), что они грешники, взыскал погибших, привлек их к Себе милосердием Своим, искупил их от сатанинского порабощения страданиями и Кровию Своею. Даруй мне любить грешников для обращения их на путь добродетели, возбуждай во мне по примеру Твоему всем благодетельствовать, ниспосли мне усилие стараться всех привлечь к любви Твоей, научи меня

снисходительно обращаться с заблуждающими, оказывать помощь и услуги недужным, быть назидательным в словах и действиях, кротким в обращении. Даруй мне благодать сострадать всякому в злоключениях, всем желать добра, благословлять клянущих меня, молиться за обижающих, благотворить врагам моим. Утверди мене, Боже, в истинной вере Твоей, укрепи мою надежду на Тебя, разжигай душу и сердце мое любовью Твоею; удостой мене в Царстве славы славословить безпредельную благодать Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Утреннее возношение ко Господу

Боже, сотворивший видимый свет и поставивый солнце для управления дня ми, неистощимое милосердие Твое снова обновило мене сонным упокоением, восставило от сна и озарило дневным светом. Я могла умереть — Ты снова даруешь мне возможность жить; могла обратиться в прах — Ты дал мне силы к продолжению бытия, хотя я в необъятной совокупности безчисленных тварей, составляющих мир, я едва приметное существо, хотя дни мои сравнительно с вечностию менее, чем тень преходящая, и вся жизнь моя как минутный отдых странника, но безпредельная благодать Твоя в протекшую ночь простерла на мене попечение Свое. Провидение Твое поддерживало во время сна дыхание мое, оградило меня безопасностью, заступало от всяких наветов, берегло мене, когда я не могла помышлять о себе. Под Твоим охранением кровь без моего сознания совершила в теле моем свое течение, неисчетные кровеносные сосуды, мозги тела моего совершили свое назначение, и вся дивная ткань состава моего освежилась, укрепилась сонным упокоением: так сопровождает меня милость Твоя, Господи, во все дни жизни моя. Что же я воздам Отческой Твоей благодати за толикие благодеяния Твои? Что принесу Тебе за Отческое промышление о мне? Ты не требуешь благ моих, ибо кто Тебе дал что-либо? или обязал платить ему? Все от Тебя, Боже, все Твоею силою сотворено и существует Твоим милосердием. Я возстала теперь от сна и снова сознаю бытие мое, возвожу к Тебе очи мои возношу душу мою, повергаюсь в прах пред Тобою, славлю Тебе от всего сердца моего. Приими от мене, Всеблагий, жертву славословия, не возгнушайся моим благодарением. Да будет Имя Твое хвалою и песнею души моей, даруй благодать неосужденно призывать Тебя, славить Тебе в правоте сердца, хвалить Тебя во всю жизнь мою, прославлять Тебя до конца дней моих, благословлять Имя Твое, превозносить благодать Твою, Христе мой. Ты присносущный свет, необъемлемый никакою тьмою; сей видимый, созданный Тобою свет — тьма и мрак пред светом Твоим. Ты обитаешь во свете неприступном, облакаешься светом как ризою и просвещаешь всякого человека, приходящего в мир сей. Как созданное Тобою солнце есть источник света, теплоты и жизни для видимых тварей, так Премудрость и Слово Отца Небеснаго — источник света и вечной жизни для существ, одаренных разумом и свободою. Озари взор души моя светом Твоего Боговидения. Просвети мрак ума и помышлений моих познанием оправданий Твоих; даруй мне благодать углубляться во откровения Твои; научи меня их смыслу и ведению; наставь на истину Твою, вразуми мене в Твоих наставлениях; даруй мне прилепиться к

заповедям Твоим, хранить уставы Твои, соблюдать повеления Твоя. Да будет светильником ногам моим Евангелие Твое, и светом стезям моим Закон Твой; да хранит их сердце мое, да не забывает мысль моя, не допускай мене ходить во тьме греховной: но дай мне жить и действовать во свете Твоем.

Благость Твоя, Боже, возставила мене от сна затем, чтоб я исполнял дела, возложенныя на меня званием, в котором Промысл Твой поставил меня. Это путь, которым суждено мне Тобою стремиться к вечному моему назначению. Укажи мне на нем верный путь, по которому мне идти; да руководствует меня Дух Твой по стези прямой; не оставляй меня на произвол лукавого сердца моего; не допусти пристраститься к образу мыслей моих, полагаться на разум мой, ходить кривыми путями беззаконных; удержи ноги мои от всякаго злаго пути, утверди стопы моя на стезях Твоих; даруй мне искать Тебя во всех делах моих, быть орудием воли Твоей и сообщником одних боящихся Тебе; да истаевает душа моя желанием истины и правды Твоя; содействуй мне Твоею благодатию во исполнение обязанностей звания моего; научи мене творить их охотою, совершать с верою и со всею ревностию; укрепи мои силы, поддержи мене в моих немощах, да познается в них сила Твоя, неизреченно великий в творении Твоем, Боже.

Как радостно появление зари утренней! Каким веселием дневный разсвет оживляет все твари! Как торжественно восхождение дневнаго светила! Сколько же радостен будет для праведных разсвет веннаго дня?! Сколь восхитительно будет утро всеобщаго воскресения для благоугодивших Тебе, Боже, своею жизнью?! Сколь вожделенно призывающим Тебя, Спасителю, пришествие Твое для совершения судеб мира сего, когда Ты явишься во всем величии Твоем, со всеми святыми ангелами сядешь на Престоле Славы Твоя, возвестишь награду и воздаяние свое праведникам; тогда они в очах всего мира явятся омытыми Кровию Твоею, облеченные одеждою оправданий и ризою спасения Твоего, так что не найдется в них ни малей- шаго греха, не будет на них никакого порока. Ты воззришь на них тогда оком благоволения, и радуясь ими, соделаешь их наследниками Царствия Твоего, водворишь их в селениях Твоих. И они возсияют как светлость тверди Небесныя, просветятся подобно солнцу навеки, забудут скорби земныя, ни одна слеза горести не оросит лица их, ни один вздох не исторгнется из груди их: вечно будут они радоваться и ликовать в славе Твоей, наслаждаться неизреченным веселием и блаженством, воспевать и славить Твои совершенства, потому что Ты будешь вечно Богом их, светом, славою и святилищем их. Тогда помяни мя, Господи, во Царствии Твоем и причисли к оправданным Тобою.

Но каким бы страхом поражены были твари, пришли бы в смятение, превратились стихии, каким бы трепетом потрясся весь мир, если бы видимое солнце, сие дивное светило, оставило свое место, двинулось с него, устремилось на землю, излило на нее море пламени своего? Кто же из грешников стерпит день пришествия Твоего, Солнце Правды? Кто стерпит лютую ярость и пламенный гнев Твой, Господи? Когда Ты, расторгнув Небеса, снидешь судить преступный мир, каким трепетом поколеблются тогда Небеса, потрясется земля, застонет Вселенная, когда падут с мест своих небесные светила, возшумят бездны, растают раскалившиеся стихии, потоки обратятся в смолу горящую, прах станет пылающею серою, все залъется огненной рекой, все пожрет огонь, все величие мира понесется и

исчезнет в дыму. Кто устоит пред жаром гнева Твоего, Боже? Пред пожирающим огнем правосудия Твоего? Когда Ты, поставив Божественную Правду Твою весами Суда Твоего, грозно возришь на нераскаянных грешники, не покорившийся Евангелию Твоему, презревших уставы Твои, не ходивших по предписаниям Твоим. Тогда познают они, что трудились для огня, собирали гнев Твой; отвеоду нападет на них ужас, подымут плач и стенание, скажут холмам: покройте нас, горам: падите на нас, предпочтут смерть своему безмертию. Но Ты не помилуеши их, не пощадит их уже око Твое; боль и мука обнимут их, точащий червь водворится в костях их, не будет конца горю их: потому что Правда Твоя, Боже, низринет их в озеро огненное, поднимется на них его пламенная пучина, будет пылать и не потухнет во веки веков. Так совершая, Господи, Суд Свой, покажешь святость Свою, явишь величие Свое. Помилуй мене тогда, Господи, пощади Твоим милосердием ради милости Твоея, покрой оправданием Твоим и прости грехи и беззакония мои, удостой Царствия Твоего, поставь в нем хоть на последней его черте, да славлю благодать и милосердие Твое, Отче, Сыне и Душе Святой во веки веков. Аминь.

1886-го года 30-го Апреля.

*Конец собственноручного писания матушки
схимонахини Ардалионы*

Слово аввы Исаии Отшельника. О радости, бывающей в душе, желающей работать Богу

1. Во-первых, приветствую тебя в страхе Божиим, и умоляю: будь совершен, как благоугодно сие Богу, чтоб не был бесплоден труд твой и чтобы целым принял его Бог в радости от тебя. Торгующий, если получит прибыль, радуется, ни во что ставя подъятые труды, потому что узнал (как они полезными оказались); взявший жену, если она покоит его и блюдет добре, радуется о ней сердцем своим, во всем полагаясь на нее; вступивший в военную службу, если, с презрением смерти своей пововав за царя, получит венец (радуется), что такой имеет успех. Се таковы дела мира сего погибающего, и творящие их радуются, когда получают в них успех. Какая же, думаешь, радость будет душе того, кто, начав работать Богу, успешно окончит это дело свое? При исходе его из мира сего, такое дело его сделает ему то, что с ним будут радоваться Ангелы, увидев, что он освободился от властей тьмы. Ибо когда изыдет душа из тела, ей шествуют Ангелы; навстречу же ей выходят все силы тьмы, желая схватить ее, и изыскивая, нет ли в ней чего ихнего. Тогда не Ангелы борются с ними, а дела, содеянные душою, ограждают ее, как стеною, и охраняют ее от них, чтоб не касались ее. Когда дела ее одержат победу, тогда Ангелы (идя) впереди ее поют, пока не предстанет она Богу в радовании. В час тот забывает она о всяком деле мира сего и о сем труде своем.

2. Употребим же силу свою, чтоб добре поработать в краткое время сие, (сохраняя) дело свое чистым от всякого зла, да возможем спастись от рук князей (тьмы), имеющих сретить нас; ибо они злы и немилостивы. Блажен, в ком не найдется ничего ихнего: радости того и веселию, упокоению и венцу — меры нет.

Мирское же все превратно, торговлею ли кто занимается, или брачным делом, или другим чем, о чем сказал я впереди. Брате возлюбленне! Сотворим силу нашу в слезах пред Богом; может быть, смилуется над нами благодостыня Его и пошлет нам мощь на препобеждение тем, что сделаем (доброто), начальников злобы, имеющих сретить нас (по исходе из тела).

3. Попечемся о себе с крепким сердцем (без саможаления) и стяжем себе вожделение к Богу, которое спасет нас от рук злобы, когда она там изыдет в сретение нам. Возлюбим любить бедных, чтоб это спасло нас от (духа) сребролюбия, когда оно изыдет в сретение нам. Возлюбим мир со всеми, малыми и великими, потому что он сохранит нас от (духа) ненависти, когда изыдет она в сретение нам. Возлюбим всех, как братьев наших, ни малой неприязни не держа в сердце своем ни против кого и никому не воздавая злом за зло; это избавит нас от завистования, когда оно изыдет в сретение нам. Возлюбим смиренномудрие во всем, перенося слово ближнего, если он побранит нас или обнесет: это сохранит нас от гордости, когда изыдет она в сретение нам. Взыщем чести ближнего, не допуская умалиться ему во мнении нашем, когда его поносят, кто бы он ни был: это сохранит нас от оклеветания, когда оно изыдет в сретение нам. Презрим выгоды мира и честь его, чтоб избавиться от зависти, когда изыдет она в сретение нам. Приучим язык свой к Божию поучению, правде и молитве, чтоб это сохранило нас от лжи, когда изыдет она в сретение нам. Очистим сердце свое и тело от похоти, да избавимся от нечистоты, когда изыдет она в сретение нам. Все сие покушается схватить душу, когда изыдет она из тела; а добродетели вспомоществуют ей, если она стяжала их.

4. Кто же из мудрых не восхощет предать душу свою на смерть, чтоб избавиться от всего сего? Итак, сотворим по силе нашей; и сила Господа нашего Иисуса Христа велика, чтоб помочь смирению нашему. Знает Он, что человек бедная есть тварь, и дал ему покаяние, пока он в теле, до последнего издыхания. Да будет же один у тебя помысл — к Богу, чтоб Он сохранил тебя. Не внимай благам мира, как бы можно было на них понадеяться, дабы возмог ты спастися. Все, что есть от мира сего, оставишь и отойдешь; что же сделаешь для Бога, в том обретешь благу надежду в час нужды.

5. Возненавидь словеса мира, да узрит Бога сердце твое. Люби часто молиться, да просветится сердце твое. Не люби лености, чтоб не пожалеть, когда достигнешь в воскресение праведных. Храни язык свой, да просветится сердце твое. Не люби лености, и страх Божий вселится в тебя. Дай ныне нуждающемуся богатым оком (будь милостив к нуждающимся. — *Ред.*), да не посрамишься пред святыми и благими делами их. Возненавидь похотение яств, чтоб Амалик не преградил тебе пути. Не спеши в отправлении служб своих (молитвенных правил), чтоб не пожрали тебя звери. Не люби вина до опьянения, чтоб не быть лишены обрадования Божия. Возлюби верных, чтоб чрез них получить милость. Возлюби святых, да ревность их снесет тебя.

6. Помни о Царствии Небесном, чтоб вожделение его мало-помалу увлекло тебя.

Помышляй о геенне, чтоб возненавидеть дела ее. Просыпаясь утром каждый день, вспоминай, что дашь отчет Богу о всяком деле, и не согрешишь пред Ним, и страх Его вселится в тебя. Приготовляй себя к сретению Его и совершишь волю Его. Обсуждай себя здесь каждый день, в чем недостаточествуешь, и не будешь в затруднении в час нужды смертной. Да видят братия твои дела твои, и ревность твоя снесет их. Испытывай каждый день самого себя, какую страсть победил, и однако ж не думай много о себе, потому что то милость и сила Божия есть. Не почитай себя верным до последнего издыхания. Не высокоумствуй, будто ты добр; ибо не можешь вверить себя врагам своим. Не полагайся на себя, пока ты в жизни сей и пока не минуешь всех властей тьмы.

7. Бодрствуй, брате, против духа, приносящего человеку печаль; ибо много у него ловлений, пока не сделает тебя обессиленным. Печаль по Богу радостотворна, когда видишь себя стоящим в воле Божией. Кто же говорит тебе: куда тебе бежать? нет тебе покаяния, — тот от вражьей стороны, (и говорит так), чтоб склонить человека оставить намерение вести прочее воздержную жизнь. А печаль по Богу не налегает на человека (подавляющею тяготою), но говорит ему: не бойся, приди опять (к Богу); ибо знает Он, что человек немощен, и подает ему силу.

8. Рассудительное имей сердце при помыслах (находящих) — и они пооблегчатся у тебя. Кто боится их, того расслабляют они тяжестию своею. Боящийся воздействий (вражеских) обнаруживает, что не имеет веры в Бога.

9. Немерение себя и почитание себя невеждою показывают человека, который не поблажает страстям, чтоб творить волю их, а творит волю Божию. А желающий сказать слово свое при многих обнаруживает, что страха Божия нет в нем. Страх Божий есть страж и помощник для души, охранитель внутреннего владычественного (ума) в деле истребления всех врагов его.

10. Ищущий чести Божией старается отогнать от себя нечистоту. Разумное о себе попечение отсекает страсти; ибо написано: попечение найдет на мужа мудрого. *Впадет попечение мужу смысленну: безумнии же размышляют злая (Притч. 17, 12).* Заболевший познает цену здравия. Венчаемый венчается за то, что победил врагов царя. Есть страсти, есть и добродетели. Но если мы унывливы (ленивы), то явно, что мы, как предатели. Мужество сердца есть помощь для души, после Бога; как уныние (разленение) есть помощь злу. Сила желающих стяжать добродетели вот в чем: чтоб, если падут, не малодушествовать, но опять воспринимать попечение (о спасении). Орудия добродетелей суть телесные труды с разумом. Порождения страстей бывают от нерадения. Неосуждение ближнего есть стена (ограждения) для разумно ведущих брань; осуждение же его разоряет сию стену в неразумии. Попечение о языке явным делает, что человек такой из деятельных; а необуздание языка означает, что он не имеет внутри себя добродетели. Милостыня, с разумом творимая, рождает презрение (имущества) и руководит к любви; а немилостивость означает, что нет в человеке добродетели. Благостность рождает чистоту; а развлечение (трата на развлечения и удовольствия) рождает страсти, и

жестокосердие рождает гнев. Ненавидеть развлечение есть подвиг душевный, а скудость есть (подвиг) телесный. Любовь к развлечению есть падение души, а безмолвие с разумом есть исправление ее. Насыщение сном есть растревожение страстей в теле, а бдение в меру есть спасение сердца. Многоспание утучняет сердце, бдение же в меру утончает его. Лучше спать в молчании с разумом, чем бодрствовать в суесловиях. Плач изгоняет все худости (какἵεας) без тревог. Щадение (небиение, неуязвление) совести ближнего рождает смиренномудрие. Слава человеческая мало-помалу рождает гордость. Любовь к простору (нестеснению себя лишениями) изгоняет ведение; а воздержание чрева смиряет страсти. Похотение яств возбуждает их без труда. Украшение тела есть разорение души; попечение же о нем в страхе Божиим хорошо.

11. Внимание к суду Божию рождает страх в душе; а поправление совести исторгает добродетели из сердца. Любовь к Богу прогоняет нерадение; а бесстрашие возбуждает его. Хранение уст восторгает ум к Богу, если молчать с разумом; а многословие рождает уныние (разленение) и умоисступление (μαῖεαν). Уступление своей воли ближнему означает, что ум имеет в виду добродетели; а удерживание своей воли (в сношении) с ближним показывает невежество. Поучение в страхе (Божием) сохраняет душу от страстей; а говорение словес мирских омрачает душу, (удаляя ее) от добродетелей. Вещелюбие возмущает ум и душу; а отречение от всего обновляет их. Молчание, если молчишь, чтоб не высказать помыслов, показывает, что ты ищешь чести мира и славы его срамной; а кто с дерзновением (не жалея себя) высказывает свои помыслы пред отцами своими, тот отгоняет их от себя.

12. Что дом, не имеющий дверей и окон, в который какое ни захочет пресмыкающееся входит свободно: то человек трудящийся и не хранящий труда своего. Как ржа снedaет железо, так честь человеческая — сердце, если оно сочувствует ей. Как плющ, сплетшись с виноградом, уничтожает плод его, так тщеславие уничтожает труд монаха, если он увлекается им. Впереди всех добродетелей (стоит) смиренномудрие; а впереди всех страстей — чревоугодие. Конец добродетелей — любовь; а конец страстей — самооправдание. Как червь, истачивая дерево, уничтожает его, так злоба в сердце омрачает душу.

13. Повержение души пред Богом (предание себя в волю Божию) рождает несмущенное перенесение поношений, и слезы ее бывают (тогда) сохранены от всего человеческого. Неукорение себя причиняет и то, что не претерпевают (не укрощают) гнева. Смешивание слова своего с мирянами (беседа с мирянами помирски) встревоживает сердце и по- стыждает его на молитве; потому что оно после того не имеет дерзновения. Любовь к выгодам мирским делает душу омраченной; а презрение к ним во всем приносит ведение. Любовь к труду есть ненависть к страстям, а лень порождает их без труда.

14. Не связывайся с жителями города, и помысл твой безмолвствовать будет в тебе. Не надейся на силу свою — и помощь Божия будет сшествовать тебе. Не имей вражды к человеку; иначе не будет принята молитва твоя. Будь мирен со всеми, чтоб

иметь дерзновение в молитве. Храни очи свои — и сердце твое не узрит зла. Смотрящий на кого-либо сластолюбиво совершает любоддеяние. Не желай слышать о вреде, понесенном оскорбившим тебя, чтоб не воздать ему в сердце (злом за зло). Храни слух твой, чтоб не набрать им себе браней. Трудись в рукоделии своем, чтоб бедный нашел (у тебя) хлеб; ибо бездействие есть смерть и падение души.

15. Прилежная молитва разрешает пленение (пристрастие к чему-либо); а нерадение о ней, хотя малое, есть мать забвения. Ожидающий близкой смерти не грешит много; а ожидающий ее через много лет во многие вплетется грехи. Кто готовится дать отчет Богу во всех делах своих, того весь путь печется Бог очистить от всякого греха; а кто нерадит о том, говоря: когда-то еще я достигну туда, тот сосед лукавым. Прежде чем сделать какое-либо дело, каждый день поминай, где ты и куда имеешь пойти, исшедши из тела, — и ни одного дня не понеради о душе своей. Помышляй о чести, какую прияли святые, и соревнование им мало-помалу повлечет тебя (вслед их); помышляй опять и о посрамлениях, какие испытали грешники, и это всегда будет охранять тебя от зла.

16. Всегда следуй совету отцов своих, и все время жизни своей проведешь в спокойствии. Внимай себе; и если помысл твой крушит тебя из-за того, что брат твой скорбит на тебя, не презирай его (помысла), но (поди) поклонись брату с умоляющим гласом (и не отступай), пока не убедишь его (примириться). Смотри не будь жестокосерд к брату, (помня, что) мы бываем насилуемы от врага. Когда жить будешь с братьями, не приказывай им одним что-либо делать; но трудись вместе с ними, чтоб не погубить мзды своей. Когда станут смущать тебя демоны относительно пищи, одежды или большой бедноты (всем), подлагая тебе, как за это поносят тебя; не отвечай им против этого ничего, но предай себя Богу от всего сердца своего — и Он успокоит тебя. Смотри не небреги об исправлении служб (молитвословий) своих; ибо они приносят просвещение душе.

17. Если сделал ты что доброе, не хвались тем; (но и с другой стороны, если наделал много зла, да не опечаливается тем чрез меру сердце твое, но стань над сердцем, чтоб не попускать ему более сослагаться с тем) — и соблюдешься от гордыни, если ты мудр. Если терпишь нападки от блуда, держи тело свое непрестанно под прискорбностию в смирении пред Богом, не давая сердцу своему увериться, что прощены тебе грехи твои, — и успокоишься. Если станет крушить тебя завистование, вспомни, что мы все члены есмы Христовы и что честь и поношение ближнего есть (честь и поношение) всех нас — и успокоишься. Если войну против тебя подняло чревоугодие похотением яств, то вспомни о зловонии их — и успокоишься. Если беспокоит тебя позыв осудить брата своего, то вспомни, что он имеет опечалиться, если услышит, и тебе стыдно будет повстречаться с ним после того, — и успокоишься. Если станет одолевать тебя гордыня, то вспомни, что она губит весь твой труд и что нет покаяния сосложившимся с нею, — и успокоишься. Если борет сердце твое желание уничтожить ближнего, то вспомни, что за это Бог предаст тебя в руки врагов твоих, — и успокоишься. Если красота телесная влечет сердце твое, вспомни о зловонии ее — и успокоишься. Если сласть

жен сластейша есть для тебя, вспомни о (женах) умерших уже, куда они отошли, — и успокоишься.

18. Все такое собирая и обсуждая, рассуждение уничтожает (брани). Но рассуждения достигнуть невозможно тебе, если в возделание его не употребишь сначала безмолвия (удаления от шума мирского). Безмолвие рождает подвижничество; подвижничество рождает плач; плач рождает страх Божий; страх (Божий) рождает смирение; смирение рождает прозрение; прозрение рождает любовь; любовь делает душу безболезненною и бесстрашною. Тогда познает человек, как далек он от Бога.

19. После всего сего желающий достигнуть всех сих всехвальных добродетелей да будет в беспопечении о всяком человеке — и пусть готовит себя к смерти. И будет, что на всякой молитве своей начнет он уразумевать, что такое отделяет его от Бога, и станет уничтожать то, возненавидев всякое житие такое (то есть отделяющее от Бога); и благодать Божия вскоре дарует ему их (означенные добродетели).

20. Сие же ведай, что всякий человек, ядущий и пиющий безразлично и любящий что-либо от мира сего, не дойдет до них (добродетелей) и не достигнет их, но обольщает себя. Молю убо всякого человека, желающего принести покаяние Богу, блюсти себя от многовиния; ибо оно поновляет все страсти и изгоняет страх Божий из души. Напротив, всеми силами постарайся умолить Бога послать тебе страх Свой, чтоб он с помощью твоего сильного желания Бога (богообщения) истребил в тебе все страсти, противоборствующие бедной душе и хотящие отлучить ее от Бога, чтоб сделать наследием своим. На это и враги употребляют всякое усилие, противоборствуя человеку.

21. Итак, не обращай внимания, брате, на покой (от брани), пока ты в теле сем, и не верь себе, если увидишь себя на время покойным от страстей; потому что они иногда приутихают на время в лукавом чаянии, что, может быть, человек распустил сердце свое, полагая, что совсем избавился от них; и потом внезапно наскакивают на бедную душу и похищают ее, как малую птицу какую; и если окажутся мощнее ее во всяком грехе, то смиряют ее без милосердия, ввергая в грехи, пагубнейшие прежних, о прощении которых она молилась уже.

22. Будем же стоять в страхе Божиим и хранить его, совершая дела свои и соблюдая все добродетели, которые возбраняют злобе врагов. Труды и поты краткого времени сего не только сохраняют нас от всякого зла, но (они же опять) приготавливают венцы душе прежде исхода ее из тела.

23. Учитель наш Святой, Господь Иисус, зная великую немилостивость врагов наших и жалея род человеческий, заповедал в крепости сердца, говоря: будьте готовы на всякий час; потому что не знаете, в какой час тать придет, чтобы он, внезапно пришедши, не застал вас спящими (Мф. 24, 43–44). И в другой раз уча Своих, заповедал Он, говоря: *Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша*

объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той (Лк. 21, 34). Зная же, что лукавые (духи) много превосходят нас, и показывая Своим, что мочь (противостоять им) есть Его дело и что потому им нечего бояться, сказал им: *Се посылаю вас яко овцы посреде волков (Мф. 10, 16)*; но притом заповедал им ничего не брать в путь (Лк. 9, 3), ибо поколику они ничего не имели из принадлежащего тем волкам, то они (волки) не могли их поглотить. Когда же возвратились они здоровыми и соблювшими заповедь, то Он возрадовался с ними, благодаря Бога и Отца за них, и, укрепляя сердце их, сказал им: *Видех сатану яко молнию с небесе спадша. Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражю: и ничесоже вас вредит (Лк. 10, 18–19)*. Итак, послание Его (было) со страхом и опасливостию: но когда они исполнили Его заповедь, Он дал им власть с силою.

24. Эти слова не к ним только относятся, но и ко всем исполняющим заповеди. Возлюбив их совершенною любовью, Он сказал им: *Не бойся, малое стадо: яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство. Продадите имения ваша, и дадите милостыню; сотворите себе влагалища неветшающа, сокровище нескудеемо на небесех (Лк. 12, 32–33)*. Когда же они исполнили и это слово, сказал им: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам (Ин. 14, 27)*. Удостоверяя их в сем, Он говорил: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим (Ин. 14, 23)*. Воодушевляя их не страшиться мира, Он сказал им: *В мире скорбни будете: но дерзайте, яко Аз победих мир (Ин. 16, 33)*. Укрепляя их не падать духом в скорбях, сказал им, вливая радость в сердца их: *Вы есте пребывшие со Мною в напастех Моих: и Аз завещаваю вам, якоже завеща Мне Отец Мой, Царство, да ясте и пиете на трапезе Моей во Царствии Моем (Лк. 22, 28–30)*.

25. Это же сказал Он — не всем, а потерпевшим Его в искушениях. Но кто такие, потерпевшие Иисуса в искушениях, если не стоящие против неестественностей (страстей), пока не отсекут их? Сказал это Он им, идя на крест. Почему желающий есть и пить на трапезе Его да сшествует Ему на сей крест: ибо крест Иисуса есть обуздание всякой страсти, пока не отсекут их все. Се и возлюбленный апостол, отсекавший их, дерзнул сказать: *Христови сораспяхся. Живу же не тому аз, но живет во мне Христос (Гал. 2.19–20)*. Итак, в тех, кои истребили страсти, живет Христос. Почему, уча чад своих, сей же апостол сказал: *Иже Христовы суть, плоть распята со страстями и похотями (Гал. 5, 24)*. И Тимофею, чаду своему, пища, говорил он: *Аще с Ним умрохом, то с Ним и оживем: аще терпим, с Ним и воцаримся: аще отвержемся, и Той отвержется нас (2 Тим. 2, 11–12)*.

26. Кто же такие эти, отвергающие Его, если не те, кои творят воли свои плотские и посрамляют тем святое Крещение? О имени Его дается нам оставление грехов; но враг по зависти опять поработает нас чрез грех. Почему Господь наш Иисус Христос, зная изначально злобу его, что она велика, приложил нам покаяние, до последнего издыхания. Если б не было покаяния, едва ли бы кто спасся. И апостол, зная, что есть грешащие и после Крещения, сказал: *Крадый тому да не крадет*

(Еф. 4, 28).

27. Итак, имея на себе печать святого Крещения, постараемся оставить грехи свои, да обрящем милость в день он. Ибо приблизился и грядет Господь, сидя на престоле славы Своей. И соберутся пред Ним все племена. Тогда каждый явей будет (что он такое) по собственному светильнику, держимому в руке своей. У кого не будет елея, у того светильник погаснет, — и он будет ввержен во тьму; а у кого светильник будет светел, тот внидет вместе с Господом в Царствие.

28. Постараемся же, возлюбленные, наполнить сосуды наши елеем, пока еще мы в теле, чтоб сиял светильник наш и мы вошли в Царствие Господа. Сосуд есть покаяние; находящийся в нем елей суть дела (πρακτικόν — практика) всех добродетелей; светлый же светильник есть святая душа. Итак, какая душа делается светоносною посредством дел своих, та войдет в Царствие вместе с Господом; а какая душа омрачена собственною своею злобою, та пойдет во тьму.

29. Подвизайтесь же, братия; ибо время наше близ есть. Блажен, кто имеет заботу о сем. Плод созрел, и время жатвы настало. Блажен, кто сохранил плод свой, потому что Ангелы соберут его в вечную житницу. Горе же тем, кои суть плевелы, потому что их наследует огонь.

30. Наследие мира сего — золото и серебро, дома и одеяния. Они только в грехи нас вводят; отходя же отсюда, мы оставляем их. А Божие наследие безмерно, какового ни глаз не видал, ни ухо не слыхало, ни на сердце человеку не восходило. И его-то даровал Господь слушающимся Его в краткое время сие и получающим его за хлеб, воду и одежду, какие доставляли они нуждающимся, — за человеколюбие и чистоту тела, за неделание зла ближнему, за незлобивое сердце и за исполнение прочих заповедей.

31. Соблюдающие сие — и в сем веке имеют покой и пользуются почетом от людей, и, когда изыдут из тела, радость вечную получают. А которые творят хотения свои в грехе и не каются, но в сластолюбных развлечениях и самопрельщении удовлетворяют худым влечениям своим, словоохотству и болтливости, бранчивости и спорливости, немилостивости к бедным при безбоязненности суда Божия и прочим грехам, таковых лица будут исполнены посрамления в сем веке и люди будут презирать их, и, когда изыдут из тела, срам и стыд будет сопровождать их в геенну.

32. Силен же есть Бог сподобить нас преуспеть в делах Его с соблюдением себя от всякого дела лукавого, да возможем спастися в годину искушения, имеющую прийти на весь мир. Ибо не коснит (не медлит. — *Ред.*) Господь наш Иисус, но приидет, имея с Собою воздаяние, и нечестивых пошлет в огонь вечный, и Своим даст награду. И внидут они вместе с Ним в Царство Его, и упокоятся в Нем, во веки веков. Аминь.